

Содержание

История

- Карева Д. О.* Проблемы средиземноморской политики Франции в президентской кампании Н. Саркози (2007 г.).....5
- Георги Д. Г.* История формирования и особенности земельного законодательства Южной Нигерии.....8
- Лушников А. М.* О российских юридических школах: историко-правовой очерк (на примере школ финансового права).....12
- Соколов А. В.* Послание патриарха Тихона от 19 января 1918 года: печать, распространение, первая реакция советской власти.....17
- Иерусалимский Ю. Ю., Леднева Н. К.* Современная историческая литература о российском дворянстве второй половины XIX – начала XX в.: региональный аспект.....23
- Боровиков С. В.* Опричные войска Ивана Грозного в отечественной историографии.....29
- Панина Н. В.* Ярославское отделение Императорского Русского технического общества в начале XX в.32

Педагогика

- Громова М. В.* Современные профессиональные требования к педагогам дополнительного образования детей.....36

Право

- Иванчин А. В.* О совершенствовании уголовно-правовых и иноотраслевых средств борьбы с незаконной организацией азартных игр в России.....41
- Соловьев О. Г.* Уголовно-правовое регулирование экономической деятельности в Англии: проблемы дифференциации ответственности.....45
- Тарусина Н. Н.* Семейно-правовая ответственность – актуализация конструкции.....49
- Томашова А. В.* Сущность позитивной юридической ответственности (дискуссионные аспекты проблемы).....52
- Дубков А. Е.* Особенности регламентации средств дифференциации ответственности в УК РФ...55
- Строганова О. Л.* Юридическая техника в уголовном законодательстве: некоторые аспекты её содержания, разновидности и их соотношение.....58

Психология

- Субботина Л. Ю.* Исследование надежности в системе трудовой деятельности.....61
- Филиппова Ю. В.* Мотивация учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе67
- Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Депривация потребностей как механизм формирования протестных настроений.....71
-
-

Кашапов М. М., Цымзина С. В. Психологические характеристики профессионального мышления студентов музыкального колледжа.....	77
Нозикова Н. В. Понятие «зрелость» и основные эпистемологические подходы к его исследованию	81
Солдатенко Н. Г. Взаимосвязь представлений подростков о себе с предполагаемыми представлениями о них родителей и одноклассников	88
Огородова Т. В., Токарева В. Б. Особенности уровня субъективного контроля различных возрастных групп.....	91
Белкова Е. А. Коммуникативная природа проблемных ситуаций в организационных изменениях....	94
Николаева Л. А. Социально-психологические аспекты общения подростков с родителями.....	101
Карпов А. А. Креативность как детерминанта структурной организации метакогнитивных качеств личности.....	105
Смирнова Т. Ю. Социально-психологические и личностные составляющие отношения современных студентов к времени жизни.....	112
Сюртукова Е. Ю. Индивидуально-личностные и организационные детерминанты развития психического выгорания педагогов дошкольных образовательных учреждений.....	117
Социология	
Афонин М. В. Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере г. Ярославля).....	121
Руденко Л. Д. Социологическое изучение особенностей современного городского образа жизни...127	
Щерба М. А. Система детерминант социального конструирования риска.....	133
Филология	
Нелюбин Л. Л. У истоков переводоведения.....	137
Плюснина А. В. Гендерные особенности письменной речи и ее восприятие с учетом фактора специализации.....	143
Сарсенова И. Ж. Анималистические мотивы в художественной прозе А. И. Герцена.....	147
Ваганова К. Р. К вопросу о лингвистической классификации современных розыскных деловых текстов: ориентировки на «пропавших без вести»	150
Философия	
Егорова А. В. Отчуждающий социальный характер рациональности в концепциях теоретиков Франкфуртской школы.....	153
Блохина Н. А. Принципы логического конструирования социальной реальности в онтологии Джона Сёрла.....	159
Экономика	
Королева Г. А. Контроллинг персонала организации: цели, задачи и подходы к внедрению....	164
Тарасова О. А. Глобализация как экономический процесс: понятие, этапы.....	168
Бондаренко А. В. Зарубежный опыт оценки результатов экспортной деятельности.....	172
Бобков О. С. Развитие учетного обеспечения управления страховыми резервами страховых компаний.....	175
Дополнительные сведения об авторах	179

Contents

History

- Kareva D. O.** Problems of French Mediterranean Policy During the Election Campaign of N. Sarkozy (2007).....5
- Georgi D. G.** Land Law in the Southern Nigeria: Genesis and Peculiarities of Appliance.....8
- Lushnikov A. M.** On Russian Law Schools: Historical and Legal Essay (by an example of finance law schools).....12
- Sokolov A. V.** Patriarch Tikhon's Message from January 19, 1918: Printing, Distribution and the First Response of the Soviet Authorities.....17
- Ierusalimsky Y. Y. , Ledneva N. K.** Modern Historical Literature about Russian Noble Class in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries: Local Aspect.....23
- Borovikov S. V.** Tsar's Troops of Ivan the Terrible in a Domestic Historiography.....29
- Panina N. V.** Yaroslavl Branch of the Imperial Russian Technical Society in the Early XX Century...32

Pedagogic

- Gromova M. V.** Modern Professional Requirements to Teachers of Additional Education for Children..36

Law

- Ivanchin A. V.** On the Improvement of Criminal-Legal and the Other Branches of the Law Means Against Illegal Organization of Gambling in Russia.....41
- Solovyev O. G.** Criminal-Legal Regulation of Economic Activities in England: Problems of Responsibility Differentiation.....45
- Tarusina N. N.** Family and Legal Responsibility – Updating Construction.....49
- Tomashova A. V.** The Legal Essence of Positive Judicial Responsibility (discussion aspects of the problem).....52
- Dubkov A. E.** Features of Regulating Means of Responsibility Differentiation in the Criminal Code of the Russian Federation.....55
- Stroganova O. L.** Legal Techniques in the Criminal Law: Aspects of the Concept's Content, its Variants and Their Correlation.....58

Psychology

- Subbotina L. Yu.** Research of Reliability of Work Activities.....61
- Filippova J. V.** Motives in Students' Learning Activity at the University.....67
- Kiselev I. Yu. , Smirnova A. G.** Deprivation of Needs as a Mechanism for Conditioning Protest Moods.....71
- Kashapov M. M., Tsymzina S. V.** Psychological Characteristics of Musical College Students' Professional Thinking.....77
- Nozikova N. V.** The Notion «Maturity» and Major Epistemological Approaches to its Investigation.....81
-

Soldatenko N. G. Interconnection between Teenagers' Evaluations of Themselves and Supposed Notions by their Parents and Classmates.....	88
Ogorodova T. V., Tokareva V. B. Features of Subjective Control Level of Various Age Groups.....	91
Belkova E. A. Communicative Nature of Problem Situations under Organizational Reassignment.....	94
Nikolayeva L. A. Social-Psychological Aspects of Adolescents' Communication with Parents.....	101
Karpov A. A. Creativity as a Determinant of the Structural Organization of Metacognitive Properties of Personality.....	105
Smirnova T. Yu. Social-Psychological and Personal Components of Modern Students' Attitudes to Time.....	112
Surtukova E. Yu. Individual and Organizational Determinants of Burnout Development among Teachers from Pre-school Educational Institutions.....	117
Sociology	
Afonin M. V. Urban Segregation Peculiarities in the Big Regional Centre (by an example of Yaroslavl).....	121
Rudenko L. D. Sociological Studies of the Modern Urban Lifestyle Peculiarities.....	127
Scherba M.A. The System of Determinants of Risk Social Construction	133
Philology	
Nelyubin L. L. At the Origin of Translatology.....	137
Plyusnina A. V. Gender Features of Written Language and its Perception with Specialization Factor in Mind.....	143
Sarsenova I. Z. Animalistic Motives in the Prose of A.I. Herzen.....	147
Vaganova K. R. On the Issue of Linguistic Classification of Modern Official Inquest Papers: Orientations to the Missing	150
Philosophy	
Egorova A. V. Socially Alienating Character of Rationality in Conceptions of Frankfurt School Critical Scholars.....	153
Blokhina N. A. Principles of Logical Construction of Social Reality in John Searle's Ontology.....	159
Economics	
Koroleva G. A. Controlling Personnel of the Organization: Objectives, Problems and Approaches to Introduction.....	164
Tarasova O. A. Globalization as an Economic Process: the Conception and Stages.....	168
Bondarenko A.V. Foreign Experience of Export Performance Measurement.....	172
Bobkov O. S. Development of Reference Support for Management of Insurance Reserves of Insurance Companies.....	175
Contributors	180

ИСТОРИЯ

УДК 94 (37)

Статья посвящена проблемам средиземноморской политики Франции, затронутым Н. Саркози в ходе президентской предвыборной кампании 2007 г. во Франции. Особое внимание автор уделяет его идее создания Средиземноморского Союза, а также методам ее презентации перед различными аудиториями.

Ключевые слова: внешняя политика Франции; Саркози; Средиземноморье; Средиземноморский Союз.

The article is devoted to the problems of French Mediterranean policy, which Nicolas Sarkozy raised during the presidential election campaign in 2007 in France. Particular attention is paid to his idea of creation a Mediterranean Union, as well as to the methods of its presentation to various audiences.

Key words: French foreign policy; Sarkozy; Mediterranean region; Mediterranean Union.

Д. О. Карева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: dar-kareva@yandex.ru

Проблемы средиземноморской политики Франции в президентской кампании Н. Саркози (2007 г.)

Научная статья

D. O. Kareva

Lomonosov Moscow State University

E-mail: dar-kareva@yandex.ru

Problems of French Mediterranean Policy During the Election Campaign of N. Sarkozy (2007)

Scientific article

В отличие от предвыборной кампании 2012 г., в ходе которой кандидаты в президенты практически обошли молчанием вопросы международной политики ввиду тяжелой социально-экономической и политической ситуации во Франции и Европе, на выборах 2007 г. соперники (представитель ЮМП¹ Н. Саркози и социалистка С. Руаяль) активно демонстрировали свои внешнеполитические ориентиры. Среди них важное место занимало средиземноморское направление. На фоне угасания Барселонского процесса – официальной политики Европейского союза в отношении стран Средиземноморского региона, с одной стороны, и ухудшения

экономической и политической ситуации в странах Южного берега – с другой, – перед французским политическим классом встала задача обновления системы взаимоотношений с соседями. В более узком смысле она подразумевала также разработку вопросов по борьбе с незаконной миграцией, по расширению рынков сбыта французских товаров и услуг в регионе, обеспечению стабильных поставок энергоносителей во Францию и другим «традиционным» составляющим французской средиземноморской политики.

В ходе презентации своей предвыборной программы Руаяль воздержалась от предложения коренных изменений линии французской средиземноморской политики: в своем «президентском пакте» она ограничилась призывом созвать «вместе с европейскими коллегами международную конференцию по миру и безопасности на Ближнем Востоке», а также «активизировать евро-средиземноморское сотрудничество» [1]. Саркози детально представил свои политические взгляды. Он выдвинул идею

¹ ЮМП (UMP) – Союз за народное движение, правоцентристская партия во Франции. Возникла в ходе президентских выборов в 2002 г. в поддержку Ж. Ширака как широкая коалиция правых (РПР, либеральные демократы и две трети депутатов ЮДФ) и называлась «Союз за президентское большинство» (ЮМП). 17 ноября 2002 г. на съезде в Бурже была переименована в «Союз за народное движение».

© Карева Д. О., 2013

создания новой международной организации – Средиземноморского Союза, которая объединила бы прибрежные государства Средиземноморья для оказания всесторонней помощи слаборазвитым странам Северной Африки и Ближнего Востока.

Саркози презентовал идею Союза перед разными аудиториями. Показательны две его речи: на съезде ЮМП в Париже 14 января, на котором он стал официальным кандидатом от партии, а также перед избирателями в Тулоне 7 февраля [2], где были обрисованы основные черты Средиземноморского Союза, характер организации, предполагаемые направления её деятельности.

В первом случае Саркози выступал перед оппозиционными партиями и единомышленниками. Такого рода аудитория объясняет и довольно агрессивный тон оратора, и смысловые акценты, которые он расставил: «Я хочу быть президентом такой Франции, которая предложит объединить Средиземноморье, как когда-то она предложила объединить Европу, и которая впишет в перспективу этого единства отношения Европы и Турции, ее связи с арабским миром, поиск решения арабо-израильского конфликта, а также выборочную миграцию, обоюдное развитие, установление свободного обмена и борьбу за сохранение культурного разнообразия» [3]. Франция, таким образом, через свое широкое присутствие в Средиземноморье получала, по представлению Саркози, роль ведущей европейской силы: перед ней открывалась возможность стать уникальным посредником в диалоге Европы и Средиземноморья.

В Тулоне, крупном порте, в значительной части населенном выходцами из стран Магриба, Саркози выступал перед массой избирателей, где могли находиться и его сторонники, и еще не определившиеся с выбором кандидата люди, и ярые противники. В начале речи он обрушился на неспособность Европы в целом и Франции в частности переосмыслить тяжелое прошлое евро-средиземноморских отношений (видимо, имелся в виду колониальный период), что явно отражало желание кандидата получить симпатии переселенцев с Южного берега Средиземноморья. Далее Саркози обратил внимание аудитории на то, что Барселонский процесс за двенадцать лет так и не достиг поставленных целей, так как Европа изначально заняла неправильную позицию, отдав «приоритет Востоку» [т. е. Восточной Европе], и поставив торговлю со странами Средиземноморья во главу угла, хотя следовало поставить сотрудничество. Поэтому он предложил «взглянуть на проблему по-другому»:

именно сами средиземноморские страны во главе с Францией, европейской и средиземноморской одновременно, должны предпринять инициативу создания Средиземноморского Союза, как когда-то Европейского [4]. То есть, следуя логике Саркози, если Европе не удалось разработать конструктивную средиземноморскую стратегию и решить существующие в Средиземноморье проблемы, значит, это предстоит сделать самим средиземноморским странам при активном посредничестве Франции, которая должна стать локомотивом этого процесса.

Произнесенные в Париже 14 января и в Тулоне 7 февраля речи наглядно демонстрируют, как в зависимости от аудитории меняется тональность выступлений Саркози. В дальнейшем они будут строиться по образцу тулонской речи, вплоть до полного копирования отрывков, посвященных Средиземноморскому Союзу, однако в каждом из них будут определенные нюансы. Так, выступая 11 февраля на первом собрании комитетов поддержки своей кандидатуры, Саркози делает акцент на единстве нации: «Объединение Европы, объединение Средиземноморья, объединение всех французов – таковы будут основы моей политики, если французы окажут мне доверие» [5]. На встрече, организованной в Марселе 5 марта по поводу проблем миграции, Саркози представил Средиземноморский Союз как формат, в рамках которого можно организовать «настоящий диалог» и найти выход из создавшегося положения. По мнению кандидата, то, что «мы будем делать в Средиземноморье, должно стать моделью, чтобы затем вывести, наконец, миграционный вопрос на общемировой уровень» [6].

Отдельного внимания Средиземноморский Союз был удостоен в парижском выступлении 28 февраля, посвященном внешней политике Франции. Для Саркози воплощение этого проекта являлось целью и в то же время методом для достижения других внешнеполитических целей, «потому как в нашем [т. е. во французском. – Д. К.] политическом и географическом окружении ... только политическое сближение с нашими средиземноморскими соседями может позволить нам одновременно попытаться решить проблемы безопасности и эффективно способствовать продвижению демократических свобод и развитию региона». В заключение кандидат в президенты выразил надежду, что «однажды Франция вновь предстанет главной средиземноморской державой» [7].

Более подробно свое видение французской и европейской безопасности Саркози представил в одном из своих следующих выступлений в Париже, где прямо дал понять, что сфера деятельности Средиземномор-

ского Союза может выйти далеко за пределы уровня решения политических задач. По мнению политика, «даже при условии, что сотрудничество с США, которые обеспечивают безопасность Европы, останется фундаментальным, Европа должна самоорганизовываться, чтобы быть в состоянии отстаивать свои интересы и ценности, брать на себя международные обязательства и гарантировать более независимым способом защиту своей территории и своих граждан. Именно в этой плоскости находится проект Союза Средиземноморья» [8]. Такая ремарка, на мой взгляд, не столько подразумевала конкретные действия в будущем, сколько была призвана немного «растусевать» стойко закрепившийся за Саркози имидж проамерикански настроенного политика. Это был «реверанс» в сторону той части электората, которая выступала за более независимые отношения Франции с США и ставила под вопрос целесообразность сосредоточения всех средств обеспечения безопасности Европы в руках подчиненного американцам НАТО.

Таким образом, в своей избирательной кампании Саркози очень грамотно подошел к постановке средиземноморского вопроса во внешней политике Пятой республики. Он признал ошибки колониального прошлого Европы в целом и Франции в частности и утверждал, что именно последняя в силах предложить Северной Африке и Ближнему Востоку конструктивные экономические и политические отношения, тогда как Европа в целом (имеется в виду Европейский союз) на это оказалась неспособна. Очевидно, что подобная позиция была ориентирована в значительной мере на избирателей – бывших выходцев из Средиземноморья. Во Франции проживает около 62 млн человек, из которых 6 млн – мусульмане (большая часть приехала из стран Магриба), и доля их голосов составляет значительный процент. С другой стороны, средиземноморские планы Саркози отвечали чаяниям того спектра электората ЮМП, который выступал за проведение Францией активной европейской политики и потенциально мог быть поддержан французскими националистами, выступавшими за возвращение былого величия Франции. Предлагая идею Средиземноморского союза, Саркози многократно подчеркивал, что его проект является будущим Европы, напрямую увязывая успех европейской политики Франции с проведением средиземноморской. В целом проект выглядел универсальным: Саркози мог представлять его в том свете, в котором он был бы интересен собравшейся перед кандидатом аудитории, будь то столичная публика или жители провинциального примор-

ского города. «План создания Средиземноморского Союза стал главным и самым амбициозным проектом» [9] в избирательной кампании Саркози, принеся в его копилку дополнительные очки.

Список использованной литературы

1. Le Pacte présidentiel de Segolene Royale. URL: <http://www.presidentielle-2007.net/actualite/index.php/2007/02/11/107-le-pacte-presidentiel-de-segolene-royal> (дата обращения: 15.10.2012).
2. Татарчук Н. В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского Союза: от Тулонской речи к «Римскому воззванию» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1; Татаринцев В. М. Проблемы безопасности в Средиземноморье: роль НАТО и ЕС. М., 2009.
3. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur sa personnalité, son parcours politique, l'identité française, les valeurs de la République et de travail pour l'élection présidentielle de 2007, Paris le 14 janvier 2007. URL: <http://www.vie-publique.fr> (дата обращения: 22.10.2012).
4. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur son souhait de voir se réunifier l'espace méditerranéen pour le remettre au coeur de la civilisation occidentale et de la mondialisation, Toulon le 7 février 2007. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/073000533.html> (дата обращения: 22.10.2012).
5. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur son projet présidentiel, ses valeurs et son engagement pour un «nouveau pacte républicain», Paris le 11 février 2007. URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/073000534.html> (дата обращения: 23.10.2012)
6. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur le bilan de la politique de l'immigration et l'aide au développement, Marseille le 5 mars 2007. URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/073000867.html> (дата обращения: 25.10.2012)
7. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur son projet concernant la politique étrangère notamment les objectifs de la France en matière internationale, Paris le 28 février 2007. URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/073000808.html> (дата обращения: 25.10.2012).
8. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy sur la politique de défense, Paris le 7 mars 2007. URL: <http://www.discours.vie-publique.fr/notices/073000930.html> (дата обращения: 25.10.2012).
9. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012. С. 321.

УДК 94(6)

В статье рассматривается земельное законодательство Южной Нигерии, включающее в себя нигерийское, общее английское и обычное право. Элементы многослойной правовой системы изучены в историческом контексте. Особенности традиционного землепользования в Южной Нигерии, положенные в основу обычного права, и история встраивания английского права в уже существующую правовую систему в колониальный период позволяют понять взаимодействие различных правовых систем в современной Нигерии и механизм разрешения юридических споров, связанных с возможностью рассмотрения земельных споров в рамках разных правовых систем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : земельное законодательство Нигерии; история Нигерии; традиционные верования Нигерии.

The article covers South Nigerian land law, which incorporates Nigerian law, English common law and customary law. The elements of multilayer legal system are examined in historical context. Peculiarities of traditional land tenure in Southern Nigeria which became the basis for customary land law and history of English common law integration with existing law system during Colonial period allow seeing the interaction of different legal land systems in modern Nigeria and the mechanism of resolution of judicial disputes on land matter based on possibility to handle legal matter in different legal systems.

К e y w o r d s : Nigerian land law; history of Nigeria; traditional beliefs of Nigeria.

Д. Г. Георги

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

E-mail: daria.georgi@gmail.com

История формирования и особенности земельного законодательства Южной Нигерии

Научная статья

D. G. Georgi

The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: daria.georgi@gmail.com

Land Law in the Southern Nigeria: Genesis and Peculiarities of Appliance

Scientific article

Исторические особенности развития Нигерии привели к формированию смешанной, многослойной правовой системы, включающей в себя нигерийское законодательство, английское общее право, а также обычное право. Каждая из правовых подсистем, рассматривая земельные вопросы, зачастую предлагала разные решения одной проблемы.

Самая древняя правовая система – обычное право, совокупность традиций и привычных норм, приобретших силу закона в результате длительного использования. В понятие «обычное право» включается также и исламское право, распространенное на севере Нигерии. На юге страны, где исторически не существовало единого государственного образования (как северный халифат Сокото), такие нормы сохраняются и ныне, охватывая территории от нескольких населенных пунктов до нескольких штатов. Сегодня большинство судов, опирающихся на нормы обычного права, находятся на нижней ступени системы правосудия – на уровне местных

© Георги Д. Г., 2013

судов. Кроме того, нормы обычного права рассматриваются в Апелляционном суде шариата штата и в Апелляционном суде обычного права федеральной столичной территории Абуджи.

Для земельного права является традиционным коллективное владение землей и отсутствие частной собственности в европейском понимании [1]. Экономической предпосылкой формирования такой системы послужили невысокая численность, незначительная миграция населения и высокая урожайность. На систему земельных отношений оказало влияние характерное для всех аграрных обществ особое отношение к земле, воспринимаемой как единство дома и рабочего пространства, как источник повседневного пропитания, жизни и смерти, а также верования местных жителей, полагающих своих предков истинными землевладельцами, а себя лишь «временными арендаторами» священного имущества, которое необходимо передать потомкам.

Сформированная система общелиниджевого, коллективного владения земельными и водными ресурсами линиджевой группой (мужчинами, происходившими от одного предка вместе с женами и незамужними дочерьми) предполагала ограничение или запрет доступа чужаков к земле. Так, у кеде (подгруппы этноса нупе) новоприбывший мог получить у главного рыбака право рыболовства не более чем на 3 года [2] при наличии распорядителя или временного земельного управляющего, функцию которого выполнял глава линиджа, совет старейшин или верховный правитель. Так, малой семье выдавался участок в бессрочную, пожизненную, долгосрочную (более чем на 50 лет), реже краткосрочную аренду [3]. Участки могли быть переданы по наследству, в основном по мужской линии [4]; в случае обезлюдения земля вновь становилась общественной. У некоторых этносов (эсан) поменять участок проживания было затруднительно, так как место нахождения дома становилось «родовым поместьем», местом обитания предков и приобретало сакральный статус.

Во второй половине XIX в. в колонии Лагос (аннексированной в 1861 г.) появилась новая система английского права, реализованная в вердиктах Верховного Консульского суда [5], изменившая правила землепользования. После создания протектората Южная Нигерия эти суды были заменены судами провинций (по одному – Восточной, Центральной, Кросс-Ривер и Западной), военными судами и туземными судами в столицах дистриктов, которым подчинялись «суды низшей инстанции» [6]. Каждая категория судов разбирала определенные гражданские и криминальные дела между иностранными гражданами (суды провинций) или местными жителями (туземные суды). Верхнюю ступень в выстроенной пирамиде занял Верховный суд, который чаще пересматривал решения нижестоящих судов, чем выносил собственные вердикты. Колониальная власть отменила некоторые нормы обычного и исламского права, противоречащие «нормам естественной справедливости» или введенному ранее закону.

В Северной Нигерии в исламизированных областях в доколониальный период существовали суды эмиров и подчиненные им суды кадиев, оперировавшие законами шариата, а у неисламизированного населения севера действовали суды обычного права, как на юге страны. После создания протектората Северная Нигерия суды кадиев были сохранены, но их решения стала контролировать

новая власть. В 1914 г. север и юг были объединены в новой колонии Нигерия, где был создан объединенный Верховный суд и туземные суды поделены на 4 типа, сохранив свое подчинение судам провинций [7]. В ходе судебной реформы 1933 г. суды провинций были заменены Высоким судом и подотчетными ему мировыми судами. Туземные суды и суды кадиев с урезанной компетенцией (также переименованные в туземные суды) перешли в подчинение Высокому суду. Мировые суды получили право пересматривать решения, вынесенные в туземных судах. Апелляция на решение мирового суда могла быть подана в Высокий суд, оттуда – в Верховный суд, далее – в Западноафриканский Апелляционный суд и в дальнейшем – в Судебный комитет Тайного совета в Лондоне. Таким образом, была создана система подачи апелляции на судебные решения, вынесенные на основе обычного права, которая, однако, исключала возможность пересмотра земельных и наследственных споров, а также бракоразводных процессов выше чем в мировых судах. В 1956 г. был создан Мусульманский Апелляционный суд, переименованный в 1960 г. в Шариатский Апелляционный суд, рассматривающий исключительно гражданские дела в рамках мусульманского личного права. Уголовные дела, подлежащие возможному рассмотрению в рамках шариата или обычного права, передавались в Апелляционное подразделение Высокого суда, где действовали нормы английского права.

Созданная к концу колониального периода система правосудия с небольшими изменениями сохранилась до сегодняшнего дня. В эпоху независимости продолжился процесс выведения из ведома судов обычного права тяжких уголовных дел, судебная власть эмиров была урезана. Сегодня английским правом в Нигерии оперируют Высокие суды штатов и Федеральные высокие суды, Верховный суд и Апелляционные суды, стоящие на одну или несколько ступеней выше местных судов обычного права.

Каково же земельное законодательство, появившееся после прихода англичан? Главным «новшеством» стало право передачи земельной собственности от одного лица другому, а также введение государственной собственности на землю и полезные ископаемые и института отчуждения земли. Создать механизм отчуждения явилось одной из главных задач для англичан в начале колониального периода. Процесс передачи контроля над землями правительству проходил параллельно в Северной и

в Южной Нигерии, однако на севере он был завершен более последовательно и эффективно, чему способствовало наличие института государственного землевладения в халифате Сокото.

Великобритании, подстрекаемой ростом мирового спроса на нефть, было необходимо получить право распоряжаться минеральными ресурсами. Английские компании начали разведку нефти в Южной Нигерии еще в 1903 г., и уже через три года колониальное правительство издало ордонанс об исключительном праве Англии добычи минеральных ресурсов.

В 1950-е гг. колониальные власти «преобразовали» часть земельного фонда в государственную собственность и присоединили ее к королевским землям, тем самым установив контроль над большей частью земли. Однако уже в первые годы независимости стало очевидно, что земельная система требует реформирования в связи с различиями системы землевладения на севере и на юге страны, появлением земельных спекулянтов, дроблением земельных наделов и многократными мошенническими продажами участков [8]. В 1978 г. был введен Акт «О землепользовании», деливший землю на городскую или сельскую и передававший ее, а также минеральные и природные ресурсы под контроль военных губернаторов (ст. 2 ч. 1). Губернаторы и комитеты земельного и денежного распределения выдавали желающим пользоваться землей арендные сертификаты на основе английского или обычного права (ст. 2 ч. 2), а также могли аннулировать сертификаты под предлогом защиты государственных интересов (ст. 28 ч. 2). Размер городского участка не мог превышать 6,5 га, в сельских областях для земледельческих работ – не более 500 га, для скотоводства – не более 5000 га (ст. 6 ч. 2). Обычное право определялось как «обычное право временного владения, переданное лицу или поселению, в соответствии с нормами обычного права или традициями» [9]. Таким образом, большинство сельских жителей превращалось во временных владельцев.

Несмотря на то что закон оговаривал получение компенсации и предоставление нового участка взамен конфискованного (ст. 6 ч. 6), в скором времени население Южной Нигерии столкнулось с проблемой земельного дефицита, невозможностью увеличить имеющиеся земельные участки, что в итоге способствовало его обеднению [10]. Реформа 1976 г. в Нигерии была аналогична другим подобным преобразованиям, проведенным одновре-

менно с целью национализации земли, что повсеместно способствовало разрушению традиционной системы землевладения и подрыву власти традиционных правителей [11]. Акт «О землепользовании» является по сей день основным законом, регулирующим земельные отношения в стране. Аналогично этому Акту в 1993 г. был издан Декрет «О водных ресурсах», передавший правительству контроль над всеми поверхностными и подземными водами [12].

Вся совокупность земельных законов, основанных на английском, обычном и исламском праве, создает некоторые правовые коллизии, усугубленные ростом внутрисударственной миграции населения. Рассмотрим основные проблемы и механизмы их разрешения.

До появления в Нигерии английского права большинство земельных разногласий сводились к вопросам статуса и права распоряжения землей, а также к пограничным спорам. Первое противоречие двух систем возникло сразу после прибытия европейских торговцев, считающих, что они приобретают в абсолютную собственность землю в колонии Лагос, тогда как местные правители полагали, что они передают земли европейцам во временное пользование.

Количество противоречий выросло после введения «Акта о землепользовании», несмотря на содержание статей 34–38, определяющих компетенцию судов разных уровней, одно из которых – это проблема переселения жителей, переведенных в статус временных владельцев, и последующая выплата им компенсации. Нормы обычного земельного права защищают индивида от обезземеливания, и с начала 1980-х гг. это явление в Нигерии стало довольно распространенным. Акты «О землепользовании», «О нефтяной инфраструктуре» 1956 г., «О нефти» 1969 г. и «О добыче полезных ископаемых» № 34, 1999 г. предписывают выплату компенсации за нанесенный в результате переселения материальный ущерб (потерянный урожай, оставленные деревья и здания), но во многих случаях срок выплат сильно растягивается, что приводит к инфляционным потерям, а их размеры, по мнению населения, занижаются, особенно если недвижимость имеет ритуальное значение (храм, святилище, место проведения фестивалей).

После введения Акта «О землепользовании» возникло еще одно противоречие между владельцами и арендаторами земли, получившими участки до 1978 г. на основании норм обычного права, поскольку закон отменял традиционную земельную

ренту, но не разъяснял, что делать с дополнительными традиционными земельными отчислениями. Так, в городе Ибокун (штат Ойо) в 1980-е гг. начались судебные иски в связи с отказом арендующих выплатить «оброк» – традиционную плату в виде части урожая какао. К аналогичным правовым коллизиям приводит Декрет «О водных ресурсах», позволяющий индивиду беспрепятственно брать воду для домашних нужд из любого водного источника, к которому имеется свободный доступ или использовать такой водоем для рыболовства или судоходства (ст. 2), что зачастую противоречит традиционным нормам поселенческого сообщества.

Такие правовые споры разрешаются в судах низшей инстанции, опирающихся на нормы обычного права. Сегодня в них рассматривается до 90% мелких судебных дел (брачно-семейные вопросы, долговые обязательства, возмещение ущерба, опекунов детей) и более 80% дел по земельным операциям. Законы некоторых штатов ограничивают юрисдикцию судов обычного права, в случае если стоимость земельного участка превышает 50 тыс. найра. В случае если стороны не удовлетворены решением суда, они могут подать апелляцию в вышестоящий суд, где начнут действовать нормы английского права.

Начиная с 1980-х гг. в судах низшей инстанции было рассмотрено большое количество исков о необоснованном аннулировании аренды, об отказе арендующего выплачивать деньги арендодателю, а также о статусе земли, ранее находящейся в традиционной собственности и переведенной в частную собственность после 1978 г. По некоторым из них не было вынесено решение и по сей день (например, в отношении Ижоры, поселения, примыкающего к Лагосу). Все новые споры возникают и сегодня, что

приводит к социополитической напряженности в стране, особенно на юге Нигерии.

Список использованной литературы

1. Bohannon P. «Land», «Tenure» and land-tenure in an African Agrarian System. Oxford: Oxford University Press, 1963. P. 26.
2. Yahaya M. K. The Nupe People of Nigeria // Studies in Tribes and Tribals. 2003. Vol. 1 (2). P. 95–110.
3. Arua E. O., Okorji E. C. Multidimensional Analysis of Land Tenure Systems in Eastern Nigeria. Land Reform Bulletin, 1997. P. 21. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 26.06.2012).
4. Oraegbunam I. K. E. The Principles and Practice of Justice in Traditional Igbo Jurisprudence // New Journal of African Studies. 2009. Vol. 6. P. 60.
5. Mwalimu C. The Nigerian Legal System: Public Law. N.Y.: Peter Lang, 2005. P. 20.
6. Falola T. Colonialism and Violence in Nigeria. Bloomington: Indiana University Press, 2009. P. 80.
7. Afigbo A. E., Falola T. Nigerian History, Politics and Affairs: the Collected Essays of Adiele Afigbo. Trenton, N. J.: Africa World Press, 2005. P. 21.
8. Dada M. Nigeria: Land Reforms – the Lingering Debate // Daily Independent. 2010. January 10.
9. Land Use Act. URL: <http://www.nigeria-law.org> (дата обращения: 10.06.2012).
10. Ibid.
11. Morka F. C. A Place to Live: a Case Study of the Ijora-Badia Community in Lagos, Nigeria. Case Study Prepared for Enhancing Urban Safety and Security: Global Report on Human Settlements, 2007. URL: <http://www.unhabitat.org> (дата обращения: 26.06.2012).
12. Water Resources Decree. № 101. URL: <http://www.ielrc.org>. (дата обращения: 10.06.2012).

УДК 347.73

В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением понятия «юридическая школа» на примере школ финансового права. Анализируется соотношение категорий «научная школа» и «педагогическая школа», делается вывод об их единстве. Далее разбираются составные компоненты, в совокупности образующие юридическую школу.

Ключевые слова: юридическая школа; школа финансового права; научная школа; педагогическая школа.

This paper discusses the problems concerned with the definition of «law school» by the example of finance law schools. Analyzed is the correlation between the categories of «scientific school» and «school of education», their unity has been concluded. Further analysis regards constituent components which form a law school.

Key words: law school; finance law school; scientific school; school of education.

А. М. Лушников

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

О российских юридических школах: историко-правовой очерк

(на примере школ финансового права)

Обзорная статья

A. M. Lushnikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

On Russian Law Schools: Historical and Legal Essay

(by an example of finance law schools)

Review article

В публикациях XIX – начала XX в., а также в советских исследованиях по финансовому праву, подготовленных до конца 20-х гг. прошлого века, проблеме научных школ уделялось определенное место [1]. При этом история развития отечественной науки рассматривалась в контексте развития финансовой науки в странах Запада. С начала 30-х гг. XX в. и до конца советского периода этот сюжет, за редким исключением [2], практически не разрабатывался, чему были как объективные, так и субъективные причины. Только в постсоветский период наметилось оживление интереса исследователей к историческим аспектам развития российских финансов в целом [3] и финансовой науки и науки финансового права [4] в частности.

Однако дискуссионным остается вопрос о понятии школы финансового права (как разновидности юридической школы), ее составляющих, о соотношении научной и педагогической школ, о критериях отнесения к школе отдельных ученых. Этим проблемам и будет посвящена данная статья.

Понятие «школа», в том числе в применении к праву, является неоднозначным. Во-первых, © Лушников А. М., 2013

под ней понимают направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа права). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода обоснованны. Существование же российской юридической школы и ее разновидности – школы финансового права является несомненным. В-третьих, научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. В этом смысле говорят, например, о московской, петербургской, ярославской, казанской, киевской школах. Именно в этом контексте мы можем констатировать существование региональных школ финансового права в рамках единой российской школы трудового права.

Оговоримся, что мы склонны объединять научные и образовательные школы. Очевидно, что они характеризовались единством кадрового состава, известной зависимостью обоих видов деятельности от мировоззренческих и научных установок,

зависимостью направлений научной работы от педагогических потребностей, системой координационных и субординационных отношений, организационным единством научных и педагогических работников в рамках учебных структур (кафедра, факультет, вуз и др.). В этом контексте представляется правильным не разделять такие понятия, как «научная школа» и «педагогическая школа», как это делают некоторые исследователи [5]. Все это позволяет говорить нам об относительно единой юридической школе или, как в данном случае, российской школе финансового права. Такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента.

1) *Личностный* (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.). Определенное значение для характеристики школы имеют ее основатель или основатели, обстоятельства и время основания, последующие лидеры, качественный и количественный состав, предмет и методология научных исследований, формальные показатели научной работы (число научных публикаций, научные степени и звания и др.), наличие учеников – продолжателей научных исследований и др. В финансовом праве такие школы были относительно немногочисленными и насчитывали в дореволюционный период, как правило, немногим более десяти исследователей, связанных «научным родством». После революционных событий начала XX в. естественная преемственность в рамках юридической школы была во многом нарушена, а в некоторых случаях искусственно прервана.

Мобильность преподавательского состава в российских вузах (прежде всего в университетах) была относительно небольшой по сравнению, например, с германскими университетами. Самые выдающиеся ученые получали приглашение в столичные вузы, остальные же меняли место работы в порядке перевода, в качестве взыскания или когда в учебном центре, прежде всего новом, была острая нужда в преподавателе данной дисциплины. Это позволяло молодым преподавателям занять профессорскую кафедру или начать с доцентуры при отсутствии вакансий в своем вузе. В советский период ротация научных кадров до середины 50-х гг. прошлого века могла быть связана с такими экстремальными проявлениями, как «укрепление» кадрового состава отдельных вузов через принудительные переводы, ссылка или высылка отдельных научных деятелей. Впоследствии преобладало так называемое плано-

вое распределение научно-педагогических кадров, утратившее в 1970-х гг. почти всякий динамизм.

Еще менее характерной была смена места обучения для студентов. Это происходило почти исключительно в вынужденном порядке (как дисциплинарная мера или способ наказания (исключение из университета), эвакуация в период войны и др.). Примечательно, что только в Варшавском, Дерптском и Томском университетах, а также в Ярославском Демидовском юридическом лицее был разрешен прием выпускников не только гимназий, но и духовных семинарий. Это наложило отпечаток на социальный состав студенчества данных вузов. В советский период переводы студентов остались известной экзотикой.

2) *Материальный* (материальная база учебного процесса: библиотеки, аудиторный фонд и др.). Практически все университеты располагались в губернских центрах (кроме Одессы и Дерпта), где находились губернаторы и попечители учебных округов, жандармерия и центр местного дворянского общества, затем губернские земства и органы городского самоуправления. Центром губернии был и Ярославль с его Демидовским юридическим лицеем. Все это позволяет говорить об относительно развитой и достаточно однородной материальной базе учебного процесса. Этим Россия существенно отличалась от стран Западной Европы, где университеты первоначально создавались преимущественно в небольших городах. Это касается, в частности, Англии (Оксфорд (конец XII в.), Кембридж (1209 г.)) и Германии (Геттинген (1734 г.), Марбург (1527 г.), Тюбинген (1477 г.)). Университеты в столицах (Лондон (1836 г.) и Берлин (1810 г.)) там были созданы существенно позднее. Университеты в крупных английских (Бирмингем, Ливерпуль, Лидс, Шеффилд, Бристоль) и немецких (Франкфурт, Кельн, Гамбург) городах формировались уже в XX в.

Отметим, что в общем объеме денежных средств города (расходы студентов по месту учебы, книжная торговля и издательское дело, зарплата преподавателей и обслуживающего персонала, материальные затраты вуза и др.) финансы российских вузов (кроме Дерпта) занимали не очень существенное место. В советский период университеты и юридические вузы располагались почти исключительно в Москве и Ленинграде, либо в столицах советских республик (союзных и автономных), или в областных центрах.

3) *Социокультурный* (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение). Преподаватели и студенты были интегрированы в местную общественную среду: снимали квартиры или комнаты, пользовались бытовым обслуживанием, давали частные уроки или преподавали в других местных учебных заведениях (в том числе, в гимназиях, школах, народных университетах). Они посещали театры и концерты (либо сами устраивали театральные-концертные представления), сотрудничали с местными благотворительными, профессиональными и научными организациями. Впоследствии они участвовали в земском и городском самоуправлении, в местных партийных организациях (прежде всего кадетских). Городскими головами Казани, Одессы, Москвы и Дербта уже во второй половине XIX в. стали профессора местных университетов. Представители юридических факультетов традиционно достаточно тесно сотрудничали с городскими службами. С 1858 г. они получили разрешение читать публичные лекции, а с начала XX в. организовывали и публичные диспуты. Немало представителей юридических факультетов принимали активное участие в деятельности местной печати. В советский период университетская общественность сохранила свое место в советских и партийных структурах.

Определенное значение имели даже архитектурные особенности зданий и учебных аудиторий, символизм профессиональной одежды, религия и нравственные устои местного населения, учеников и учителей, особенности языка, в том числе профессиональной терминологии, и принятых корпоративных норм поведения. Все это в совокупности создавало неповторимую атмосферу высшего учебного заведения, которой дышали как ученики, так и учителя. Данные компоненты в различных городах и регионах России имели существенные отличия, а в некоторых из них даже являлись уникальными.

При этом нет основания причислять конкретного ученого непременно и только к определенной региональной школе финансового права. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в 2–3, а иногда и более вузах. Например, Ярославль в силу ряда специфических причин, а также географической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Неко-

торых ученых можно причислить сразу к нескольким региональным школам финансового права, например московской, петербургской, ярославской, харьковской. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «школа финансового права», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

Подчеркнем, что при спорных вопросах «научного районирования» ученых приоритет стоит отдавать вузам (и соответствующим школам), где ученые преподавали курс финансового права или финансово-правовые спецкурсы, формировались как исследователи-финансисты, готовили публикации (или их наибольшее число, или главнейшие) по финансовому праву. Некоторый субъективизм в распределении персоналий по школам по определению неизбежен и даже объективен. При этом некоторые школы (Московская, Казанская, Киевская и др.) были выражены наиболее рельефно, другие (Петербургская, Харьковская, Ярославская и др.) просматривались достаточно четко. Отдельные школы (Дербтская (Юрьевская), Варшавская и др.) только намечались, однако все они представляли относительно обособленные феномены.

В то же время все ученые–специалисты в сфере финансового права России принадлежали и принадлежат к единой школе. Помимо очевидной научно-педагогической, языковой, ментальной, нормативно-правовой основы (как базы исследований), близости представителей российской школы финансового права, их объединяет общность исторической судьбы и тесное персональное пересечение. Так, *И. Я. Горлов* (1814–1890) одним из первых начал читать курс финансового права и написал первое фундаментальное исследование по теории финансов. При этом он был выпускником юридического факультета Московского университета (1833), получил ученую степень в Дербтском университете (1838), был экстраординарным профессором Казанского университета (1838–1847) и только затем перевелся в Петербургский университет, где стал ординарным профессором, а затем и деканом (в 1860–1863) юридического факультета. Бывшие профессора Демидовского юридического лицея, покинув стены данного вуза, продолжили преподавательскую деятельность: *А. А. Исаев* (1851–1919) – в Петербургском университете, *Э. Н. Берендтс* (1860–1924?) – в Императорском училище правоведения (Санкт-Петербург).

К тому же в науке финансового права никогда не было острого противостояния региональных школ, хотя некоторые их особенности прослеживаются. Подчеркнем, что «научное районирование» в финансовом праве, как, впрочем, и в других отраслях, никогда напрямую не было связано с административно-территориальным и национальным делением. Оно обосновывалось именно тремя вышеназванными факторами, которые и определяют понятие «школа». Не отрицая особенностей развития науки финансового права в различных регионах Российской империи и СССР, мы не склонны специально выделять, например, украинскую или польскую школы в соответствии только с национальным признаком, хотя выделение, например, киевской и харьковской школы не вызывает сомнений. В этом плане финансисты Украины кооперировались преимущественно с учеными центральной России, причем это сотрудничество было взаимовыгодным. Так, выпускник Киевского университета (Университета Св. Владимира) *И. Т. Тарасов* (1849–1929) многие годы преподавал в Демидовском юридическом лицее, а затем – в Московском университете. В советский период тот же путь проделал *В. И. Лисовский* (1904–1997). Одновременно шел и обратный процесс. Например, корифей одесской (новороссийской) школы *С. И. Иловайский* (1861–1907) был выпускником Петербургского университета. В литературе отмечались следующие общие моменты в биографии харьковских профессоров начала XX в.: «...почти каждый из них служил в разные годы в университетах разных городов, петербуржцы едут в Харьков, харьковские специалисты отправляются на несколько лет служить в Дерпт (Тарту), Киев, Москву, Петербург, Ярославль и пр. Многие харьковские профессора защитили магистерские и докторские диссертации в Московском университете, многие были связаны работой и учебой с известным Демидовским юридическим лицеем в Ярославле. Такой обмен был не редкостью, ибо условия крупных городов, бытовые и материальные в том числе, не слишком разнились, а в итоге обмен информацией научных школ был значительный» [6].

Следовательно, у нас есть все основания анализировать развитие относительно однородной российской (дореволюционной, советской и постсоветской) школы финансового права. Этот анализ осуществлен через изучение развития региональных ответвлений общероссийской школы. Это касается московской, петербургской (ленинградс-

кой), ярославской, казанской, томской, дерптской (юрьевской), варшавской, киевской, харьковской, одесской школ финансового права.

При всей важности отнесения ученых к той или иной школе не менее насущным является создание «коллективной биографии» (просопографии) российских ученых-специалистов в области финансового права. Это научное направление относительно новое для российской науки, хотя достаточно распространено на Западе (В. Шредер, Х. Нимейер и др.). Просопография понимается как эмпирическое исследование коллектива личностей в его общественном контексте с помощью индивидуальных биографий членов этого коллектива. Исходным в этом смысле является утверждение, что отдельный человек, тем более ученый, своеобразен и в то же время универсален, определяется не только с индивидуальной, но и с общественной точек зрения. В этой связи целесообразно создание такой «коллективной биографии», которая бы давала характеристику всем ученым-финансистам и каждому в отдельности. Одновременно надо показать, как биография каждого отразилась в биографии поколения, а коллективная судьба и исторический контекст выразились в жизненном пути и научном наследии каждого.

Такой подход к юридическим школам и созданию «коллективной биографии» уже был апробирован нами в монографии, посвященной российской школе трудового права и права социального обеспечения [7]. Примечательно, что немало ученых-финансистов занимались и проблемами трудового права (*И. И. Янжул, И. Х. Озеров, Н. Х. Бунге, В. Г. Яроцкий, А. А. Исаев, В. Я. Железнов, И. А. Трахтенберг* и др.). И это не случайно, так как они активно интересовались проблемами социального страхования, благотворительности (в том числе публичной), договоров личного найма, контроля и надзора за соблюдением законодательства о труде, взаимодействием труда и капитала. Основанием для такого интереса было идущее от классической школы положение о том, что главным фактором производства является труд. В этой связи в работах, посвященных проблемам распределения, первостепенное место отводилось трудовым отношениям (рабочее законодательство, заработная плата, трудовой (рабочий) договор, социальное страхование и др.). В этой связи можно говорить и о принадлежности некоторых ученых к различным школам в территориальном смысле, и о возможности их отнесения, при сохранении территориальной привязки, к различным отраслевым юридическим школам.

Список использованной литературы

1. Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 11–30; Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882; Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 217–248; Иловайский С. И. Учебник финансового права. Одесса, 1899. С. 3–13; Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 187–197; Патлаевский И. И. Курс финансового права. Одесса, 1885. С. 9–16; Твердохлебов В. Н. Финансовые очерки. Вып. 1. Пг., 1916. С. 81–123 и др.
2. Бесчеревных В. В. Очерки истории развития науки финансового права в МГУ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1985. № 2; История русской экономической мысли. Т. 1–3. М., 1955–1966; Сабанти Б. М. Развитие финансов и финансовой науки в России (период феодализма). Иркутск, 1986 и др.
3. История финансового законодательства России / под ред. И. В. Рукавишников. М., 2003; Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996 (и послед. переизд.); Сорокина Ю. В. Финансовое управление и правовое регулирование финансовых отношений в России в XVIII – начале XX века. Воронеж, 2001; Шитов В. Н. История финансов России. М., 2011; Ялбулганов А. А. Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998 и др.
4. Бельский К. С. Финансовое право. М., 1994. С. 44–67; Грачева Е. Ю. История науки финансового права // История юридических наук в России: сб. ст. М., 2009. С. 474–502; Ивлиева М. Ф. Финансовое право как наука и учебная дисциплина в Московском государственном университете // Финансовое право. 2010. № 2; История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге: сб. ст. СПб., 1997; Козырин А. Н. У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 5–16; Лушникова М. В. Школа административного и финансового права // Ярославская школа: прошлое, настоящее и будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушников, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. С. 339–439; Мацнева Н. Г. Становление науки финансового права в России (XIX – начало XX в.) // Правоведение. 1997. № 2. С. 107–115; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева. М., 2009; Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / под ред. В. В. Иванова и др. СПб., 2006 и др.
5. Ильин А. В. Научные школы в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261.
6. Федорова Е. Безымянное поколение. М., 2004. С. 43–44.
7. Лушников А. М., Лушникова М. В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): в 2 т. Ярославль, 2010.

Статья посвящена посланию патриарха Тихона от 19 января 1918 г., предающему анафеме гонителей Православной церкви. Анализируются исторический контекст появления документа, проблема его печати и распространения, а также непосредственная реакция на послание со стороны советского руководства. Введены в научный оборот ранее неизвестные документы из Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива древних актов (Москва).

Ключевые слова: послание от 19 января 1918 г.; патриарх Тихон; Русская православная церковь; анафема; Совет народных комиссаров.

The article is dedicated to Patriarch Tikhon's message from January 19, 1918, which anathematized people persecuting the Orthodox Church. The article analyzes the historical context of the message, the problem of its printing and distribution, as well as an immediate response of the Soviet authorities. The article introduces the previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Ancient Documents (Moscow).

Key words: message from January 19, 1918; Patriarch Tikhon; Russian Orthodox Church; anathema; Council of People's Commissars.

А. В. Соколов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

E-mail: arsikus@mail.ru

Послание патриарха Тихона от 19 января 1918 года: печать, распространение, первая реакция советской власти

Научная статья

A. V. Sokolov

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

E-mail: arsikus@mail.ru

Patriarch Tikhon's Message from January 19, 1918: Printing, Distribution and the First Response of the Soviet Authorities

Scientific article

В последние два десятилетия появилось множество работ, посвященных взаимоотношениям государства и Православной церкви после Октября 1917 г. В них, конечно же, упоминается и послание патриарха Тихона от 19 января 1918 г., однако оценка значения этого документа, как правило, делается, исходя из более поздних событий, связанных с последующими гонениями на церковь и преследованием духовенства. Остаётся за рамками внимания исследователей проблема распространения послания, а также изучение первой реакции на него со стороны властей [1].

В течение первых двух месяцев после Октябрьской революции советское руководство не предпринимало практических шагов в отношении Российской православной церкви, де-юре остававшейся в статусе правительственного ведомства православного исповедания [2]. Хотя новая власть и издала ряд касающихся церкви постановлений (11 декабря

1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению»; 16 и 18 декабря 1917 г. декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [3]), они расценивались как проекты, которые могли и не вступить в силу ввиду предстоящего Учредительного собрания.

Начиная с первых чисел января 1918 г., ещё до принятия декрета об отделении церкви от государства, власть приступила к активным действиям по реквизиции имущества духовного ведомства. 3 января в ведение Наркомата просвещения передали Петроградскую синодальную типографию [4]. Оказались закрытыми дворцовые и некоторые домовые церкви [5]. Но наибольший резонанс вызвали попытки реквизиции Александро-Невской лавры, закончившиеся 18 января 1918 г. столкновениями верующих с революционными матро-

сами и красногвардейцами [6]. Все эти события, а особенно последнее вынудили патриарха Тихона издать 19 января 1918 г. своё обращение.

Текст послания состоял из нескольких частей. Первая констатировала тяжёлое положение, сложившееся в России. Во второй объявлялось об анафемствовании всех, кто участвует в бесчинствах и злодеяниях по отношению к Православной церкви. Тут же непосредственно указывалось, что «власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной». В заключение Тихон призывал духовенство и мирян противопоставить «смертоносному оружию» силу веры и сплотиться на защиту прав Церкви, приняв, если потребуется, страдания [7]. Таким образом, прямого предания большевиков анафеме послание не содержало, однако многие современники – как сторонники советской власти, так и её противники – прочитали формулировки послания именно в этом смысле. Историк Д. В. Поспеловский отмечает, что документ вышел за подписью патриарха, а не Поместного собора для того, чтобы не подвергать духовенство и паству преследованиям [8]. Это так, но стоит добавить, что Собор в тот момент ещё не собрался после перерыва в занятиях, а реагировать на петроградские события нужно было без промедления.

Сразу после составления послания канцелярия Поместного собора направила текст в редакцию газеты «Утро России» с просьбой как можно скорее прислать 10, «а если можно и более» корректурных оттисков, чтобы с них в разных местах делать копии [9]. Как следует из более поздней накладной, типография Рябушинских напечатала 4 000 экземпляров послания [10]. Кроме того, 19 января соборная канцелярия предписала Московской синодальной типографии «незамедлительно (не позже 20 января) напечатать 10 000 экземпляров прилагаемого воззвания» [11]. 23 января канцелярия вновь связалась с типографией, проинформировав, что вместо ранее запрошенного тиража необходимо 50 000 экземпляров, причём 10 000 из них должны быть доставлены не позднее утра 25 января. Остальные предписывалось приготовить к утру 26 января 1918 г., «держат в типографии и выдавать по требованиям делопроизводителя Соборной канцелярии Н. Ю. Варжинского» [12]. 27 января Соборный совет принял решение дополнительно размножить послание патриарха на рота-

ционной машине тиражом 100 000 экземпляров, о чём также сообщили Московской синодальной типографии [13].

Сразу же 19 января канцелярия Собора направила текст послания в редакции газет «Власть народа» и «Вперёд!» с просьбой опубликовать его на своих страницах [14]. По-видимому, Собор хотел испытать все возможные пути распространения, привлекая оппозиционные большевикам издания разных направлений. Газеты не поместили текста послания, а меньшевистская «Вперёд!» прокомментировала его разгромной статьёй, направленной, впрочем, больше против властей, чем церкви [15]. «Утро России» опубликовало послание, а «Русские ведомости» ограничились положительным комментарием, выразив надежду, что начатое Тихоном движение не будет «узко-церковным», а станет «обще-христианским» и даже «общепатриотическим» [16]. Полный текст послания разместили официальные «Церковные ведомости» [17] и вышедшие в 1918 г. «Деяния Священного собора» [18]. Примечательно, что даже «Московские епархиальные ведомости» лишь мимоходом упомянули об обращении Тихона [19]. Возможно, это было сделано специально, чтобы избежать риска закрытия журнала.

22 января послание патриарха обсудили члены Поместного собора, принявшие его с безусловным приветствием и поддержкой [20]. 24 января 1918 г. прот. П. Н. Лахостский предложил Собору следующий способ распространения послания: разослать по одному экземпляру в духовные консистории с предписанием, во-первых, незамедлительно перепечатывать текст, во-вторых, принять все возможные меры к прочтению по церквям и «самоу широкому распространению по епархиям», в-третьих, оповещать, что право перепечатки послания предоставляется всем, и, в-четвёртых, призвать монастыри, братства, приходские советы и другие церковные организации к содействию в распространении посланий [21]. Собор предложения принял, несколько изменив формулировки. В соответствии с этим 26 января 1918 г. Святейший Синод приказал поручить синодальным конторам, епархиальным преосвященным, протопресвитеру военного и морского духовенства и протопресвитеру А. А. Дернову «в целях скорейшего распространения среди православного населения соборных и патриарших посланий» сразу по получении перепечатывать их и оглашать в церквях, оповещать о праве свободной перепечатки текстов, а также призывать монастыри, братства, приходские советы и

другие церковные организации к содействию в распространении посланий. Кроме того, Синод постановил немедленно разослать послание патриарха от 19 января 1918 г. в духовные консистории, поручив им дальнейшее распространение [22].

Текст разошёлся по епархиям чрезвычайно быстро. 20 января его получили в Петрограде. 21 января послание зачитал в Вознесенской церкви Сергиевского Посада свящ. Н. Соколов [23]. В телеграмме от 24 января служащие и учащиеся Псковской духовной семинарии благодарили патриарха и обещали «стоять за веру христову не страшась страдания и смерти» [24]. 24 января Совет братства Св. равноапостольной Марии Магдалины в г. Рузе попросил Канцелярию Собора напечатать для братства 2000 экземпляров послания, «сейчас же вышлем деньги» [25]. 6 (19) февраля Канцелярия ответила, что в соответствии с распоряжением Синода перепечатка воззвания предоставлена всем желающим [26].

23 января патриарха посетил корреспондент московской газеты «Фонарь». Тихон сообщил журналисту, что церковь не могла не выступить против убийств, грабежей и осквернения святынь, но её выступление «относительно не политическое, а только моральное». «Мы не призываем к бунту, — подчеркнул патриарх, — к бунту против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений» [27].

Послание составлялось прежде всего для Петрограда. Там его впервые зачитал прот. Ф. Н. Орнатский вечером 20 января в Казанском соборе. Текст успели размножить и раздать по церквям для оглашения на следующий день [28]. По сообщению «Русских ведомостей» послание было прочитано во всех церквях Петрограда уже 20 января, после всенощной, и «произвело на молящихся сильное впечатление». Оно укрепило моральный дух клира и мирян ввиду намеченного на следующий день крестного хода, во время которого ожидалась репрессия со стороны властей [29]. 21 января грандиозная процессия состоялась, причём советское руководство, напуганное событиями в Александро-Невской лавре, ход накануне разрешило [30]. Собралось, по самым критическим оценкам, не менее 50 тысяч молящихся. На площади перед воротами обители лаврский протоиерей в присутствии митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) торжественно зачитал воззвание [31]. Никаких репрессий в связи с прочтением обращения патриарха в этот день власти не предпринимали.

Советское руководство, конечно же, знало о выступлении Тихона. Газеты «Известия», «Правда», «Социал-демократ», «Красная газета» и другие разразились в его адрес гневной критикой. Издания убеждали читателей, что единственная причина появления воззвания — это стремление «тунеядцев-попов» сохранить свои богатства [32]. При этом те же «Известия» вынуждены были признать, что «голос патриарха» получил широкий отклик в обществе: он «не остался заглушённым и незамеченным» [33].

В Москве власти тут же предприняли меры к пресечению издания листов. Из отпечатанных в Московской синодальной типографии 10 000 экземпляров Поместный собор успел получить 23 и 24 января только 6 000 экземпляров. Остальные оказались конфискованы комиссаром по делам печати. По его распоряжению отменили изготовление на ротационной машине ещё 100 000 экземпляров, хотя уже был сделан набор и отлит стереотип [34]. Одновременно, не без участия комиссара, рабочие типографии объявили о полном переходе к ним контроля над производством. 31 января 1918 г. на встрече с членами Поместного собора представители рабочих пытались убедить церковное руководство, что они продолжают исполнять его заказы, а случай с посланием Тихона являлся исключением [35]. Видимо, в связи с этим вынужденным отказом рабочих печатать послание, петроградские газеты «Новая жизнь» и «Известия» заявили, что «все наборщики» категорически отказываются набирать воззвание патриарха, что, конечно же, не соответствовало действительности [36].

16 (3) февраля 1918 г. комиссар по делам вероисповеданий Моссовета В. П. Соловьёв подписал приказ о переходе Московской синодальной типографии в собственность Совета народных комиссаров [37]. Новая администрация на бланке «Правления типографии Российской Советской Республики (б. Синодальной)» выставила счета Поместному собору, в том числе и за неполученные им реквизированные экземпляры послания от 19 января. В ответ Высшее церковное управление заявило, что не делало никаких заказов типографии с таким названием, а также выразило протест против произошедшего «незаконного отображения». Оплачивать выставленные рабочими счета церковь отказалась [38]. Последующие — февральское и мартовское — послания патриарха печатались по заказу Поместного собора в Москве в типографии А. Д. Плещеева [39].

Согласно воспоминаниям управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича, в Петрограде

аресты распространителей послания Тихона начались ещё до крестного хода 21 января 1918 г. Сначала в Смольный доставили двух «благочестивых старушек», расклеивавших листки. Потом отыскали «конспиративную штаб-квартиру патриарха Тихона», заваленную свеженапечатанными прокламациями и арестовали её хозяина. А ещё через некоторое время отыскали и закрыли типографию, где печатались воззвания, арестовали её владельца и всех тех, кто принимал участие в печатании листков. По данным Бонч-Бруевича, «всего за несколько дней и ночей мы арестовали около сорока человек, которые расклеивали и разбрасывали в различных местностях Петрограда, всё более по окраинам, эти прокламации Тихона» [40]. По словам Бонч-Бруевича, выступление патриарха ему даже понравилось: «Я видел, что этот человек не из трусливых и не рассылает подметных писем... а то, что думает, то и говорит, не только ставя свою подпись, но и указывая свой адрес» [41].

Учитывая, что послание Тихона прибыло в Петроград 20 января, а масштабный крестный ход состоялся на следующий день, вызывает сомнение, что описанные Бонч-Бруевичем события могли уместиться в столь короткий промежуток времени. Думается, автор умышленно поставил аресты на первое место, а крестный ход на второе, чтобы показать, что власти были полностью к нему готовы. Как показывают архивные источники, аресты распространителей листков в Петрограде начались только 31 января. При этом вместе с посланием патриарха в столице раздавались ещё два воззвания, отпечатанные по инициативе собрания приходских советов Петрограда. Первый – «К православному народу!» – представлял собой приглашение вступать во «Всероссийский Союз православного народа», образованный для защиты церкви от посягательств на её веру, канонический строй и вообще всё «духовное и материальное достояние». Указывались фамилия и адрес председателя И. Г. Айвазова, а также время и место проведения собраний [42]. Возможно, именно это Бонч-Бруевич имел в виду под «штаб-квартирой Тихона», так как никакого адреса на посланиях патриарха на самом деле не имелось. Гораздо более «контрреволюционным» являлся второй листок, озаглавленный «Православно-русскому народу», призывавший солдат, казаков, рабочих и весь православный люд встать на защиту церкви [43]. Итак, 31 января на Варшавском вокзале арестовали и направили в ВЧК гражданку М. А. Северову, а потом провели обыск на квар-

тире библиотекаря церкви Воскресения Е. Д. Кузнецовой. У них изъяли несколько пачек листков «К православно-русскому народу» и воззваний патриарха [44]. Далее опечатали типографию Общества распространения религиозно-нравственного просвещения (наб. Обводного канала, д. 116), где эти листки печатались. Заведующий технической частью типографии М. А. Ягодин на допросе показал, что получил заказ из конторы Общества (ул. Стремянная, д. 20), но кто именно давал поручение – не знает. Напечатали около 50 000 экземпляров листков и «предполагалось печатать столько, сколько надо будет» [45].

Часть воззваний успела разойтись по рукам. 14 (1) февраля задержали некую А. Ф. Штейнерт, вручавшую рабочим завода Северо-западных железных дорог листки «Православно-русскому народу» [46], а также Т. И. Медкову, которая раздавала воззвания патриарха, якобы полученные ею от знакомой из Москвы [47]. За распространение листков в феврале 1918 г. красногвардейцы произвели аресты в храмах двух духовных лиц: монаха Петроградского подворья Коневского Рождество-Богородичного монастыря Симеона (вместе с ним задержали прихожанку А. А. Миронову) [48] и настоятеля церкви Петроградского морского госпиталя прот. А. П. Старопольского [49]. Всех задержанных практически сразу отпустили, а заведённое по факту распространения контрреволюционных воззваний дело осталось без последствий. Когда В. Д. Бонч-Бруевич спросил В. И. Ленина в январе 1918 г., что делать с патриархом, председатель СНК ответил: «Ничего. Сообщите ему, что советская власть не намеревается надеть на его голову венец мученичества, но все те, кто будет распространять его произведения, будут немедленно арестовываться и предаваться суровому суду. Напечатайте обо всём в газетах и предупредите рабочие кварталы, чтобы строго следили за появлением прокламаций» [50].

Советы на местах оказались более радикальны и направили своё возмущение именно на автора послания. Так, после оглашения воззвания в Козельском Успенском соборе 28 января 1918 г. местный уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обратился во ВЦИК и СНК с просьбой «немедленно патриарха Тихона арестовать, таковую должность упразднить и в дальнейшем подобных воззваний ни в коем случае не допускать, кроме того издать немедленно воззвание, разъясняющее смысл обращения патриарха Тихона» [51]. В Тамбове власти возбудили

дела по факту печати и распространения послания местным духовенством. 23 февраля в с. Грачевке Усманского уезда Воронежской области арестовали гражданку А. В. Порядину, раздававшую послание односельчанам. По настоянию Усманского совета Московский революционный трибунал даже начал следствие в отношении самого Тихона и вызвал его 31 мая повесткой на допрос в качестве обвиняемого [52]. Однако после обращения члена Поместного собора Н. Д. Кузнецова к СНК о недопустимости преследования патриарха, дело заморозили [53]. Следствие возобновилось лишь осенью 1918 г., когда с объявлением «красного террора» и усилением Гражданской войны Советская власть перешла в открытое наступление и на церковном фронте [54].

Таким образом, появление послания стало непосредственной реакцией церковного руководства на начавшиеся мероприятия по отделению церкви от государства и реквизиции церковного имущества. Послание распространялось только по церковным каналам: через оглашение в храмах и путём раздачи листовок. Его появление имело важное моральное значение для сплочения клира и верующих мирян, однако большинство населения судило о содержании воззвания по коротким и не всегда правдивым комментариям в прессе, придававшим ему гораздо более сильное политическое звучание и породившим версию о прямом «анафемствовании» патриархом большевиков. Органы советской власти в первой половине 1918 г. не решились на преследование высшей церковной власти и ограничились пресечением печати, изъятием листовок и непродолжительными арестами распространителей послания.

Список использованной литературы

1. Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. 331 с.; Вострышев М. И. Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 121–129; Кашеваров А. Н. Православная российская церковь и Советское государство (1917–1922 гг.). М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. С. 115–118; Лавров В. М. и др. Иерархия русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 141–142; Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008. С. 57–58; Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ. М.: Памятники историчес-
- кой мысли, 2000. 1048 с.; Шкаровский М. В. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917–1918 гг. // Политическая история России XX века: К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. С. 269–287.
2. Соколов А. В. Министерство исповеданий Временного правительства и Православная Российская церковь после 25 октября 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 176–202.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 237–239, 247–249.
4. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. М., 1918. С. 25.
5. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 271.
6. Шкаровский М. В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 29–30.
7. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. С. 4–5.
8. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 53.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 11.
10. Там же. Л. 17.
11. Там же. Л. 14.
12. Там же. Л. 15.
13. Там же. Л. 48.
14. Там же. Л. 12–13.
15. Вперёд! 1918. 25 янв.
16. Русские ведомости. 1918. 25 янв.
17. Церковные ведомости. 1918. № 2. С. 11–12.
18. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. с. 4–5.
19. Московские епархиальные ведомости. 1918. № 2. С. 8.
20. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. С. 10–16, 36.
21. ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 22–24.
22. Там же. Л. 34.
23. Богословский сборник. Вып. 6. С. 126.
24. ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240. Л. 21.
25. Там же. Л. 49.
26. Там же. Л. 63.
27. Фонарь. 1918. 29 янв.
28. Шкаровский М. В. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917–1918 гг. С. 273.
29. Русские ведомости. 1918. 21 янв.

30. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 – март 1918 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 247.
31. Церковные ведомости. 1918. № 2. С. 87.
32. Известия Исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 янв.; Правда. 1918. 31 янв.
33. Известия Исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 20 (7) фев.
34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 27. Л. 1.
35. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. С. 240–241.
36. Известия Исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 янв.
37. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 2. Л. 51.
38. РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. 1918. Д. 27. Л. 1, 3, 9, 11, 13–19.
39. ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 240, Л. 94.
40. Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М.: Федерация, 1931. С. 212–214.
41. Там же. С. 209–211.
42. ГАРФ. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 399. Л. 23.
43. Там же. Л. 24–24 об.
44. Там же. Л. 26, 28, 29, 31.
45. Там же. Л. 30.
46. Там же. Л. 21.
47. Там же. Л. 42–43.
48. Там же. Л. 36–41.
49. Там же. Л. 32–34.
50. Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 213.
51. ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 93. Д. 330. Л. 1.
52. Там же. Ф. Р336. Оп. 1. Д. 399. Л. 8.
53. Богословский сборник. Вып. 6. С. 160–161.
54. Преследования Патриарха Тихона начались с первых дней избрания его на патриарший престол / публикация и комментарии Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 141–160.

УДК

На современном этапе происходит увеличение работ по истории дворянства в региональном аспекте. Растет интерес к деятельности губернских дворянских организаций, генеалогии местных дворянских родов, повседневному быту.

Ключевые слова: историография; региональный аспект; российское дворянство; местные дворянские корпоративные организации; генеалогия дворянских родов.

Nowadays there is substantial increase of research in the field of local noble class history. There is a steady growth of interest in the activity of local noble class corporate bodies, genealogy of local noble class families, every day noble class mode of life.

Key words: historiography; regional aspect; Russian noble class; local noble class corporate bodies; genealogy of noble class families.

Ю. Ю. Иерусалимский, Н. К. Леднева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: osniyar@univ.uniyar.ru

Современная историческая литература о российском дворянстве второй половины XIX – начала XX в.: региональный аспект

Обзорная статья

Y. Y. Ierusalimsky, N. K. Ledneva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: osniyar@univ.uniyar.ru

Modern Historical Literature about Russian Noble Class in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries: Local Aspect

Review article

На современном этапе развития исторической мысли одним из самых актуальных направлений являлось изучение различных аспектов истории российского дворянства. В 1990-х гг. вышло в свет немало исследований по региональной истории дворянских корпораций. Особо стоит отметить работы, написанные в хрущевскую оттепель и период перестройки, но увидевшие свет лишь в постсоветской России. В их числе цикл статей А. А. Григорова о костромском дворянстве, где автор – сам представитель «первого сословия» – показал роль привилегированного сословия в XIX – начале XX в., деятельность наиболее известных дворянских родов, историю усадеб. Многие документы, которыми пользовался исследователь при написании статей, сгорели в 1982 г. во время пожара в Государственном архиве Костромской области (погибла и значительная часть материалов А. А. Григорова, сданных им в архив незадолго до этого). В результате работы А. А. Григорова не только ввели в научный оборот, но и сохранили, пусть и в своеобразной форме, уникальные источники, утраченные полностью [1].

Истории донского дворянства посвящено исследование С. В. Корягина [2]. Автор утверждает, что к донскому дворянству (с ещё большим основанием, чем к российскому) применимо определение «служилого». В донском дворянстве существует своя аристократия – старшинские роды и своя дворянская масса, получившая достоинство от российских государей за верную службу Отечеству. В России в целом и на Дону (в области войска Донского) в частности дворянином мог стать практически каждый, кто проявил усердие в службе, храбрость и умение чётко действовать в бою, каждый, кто отличился и выдвинулся из общей безликой массы своими достижениями и делами на службе Отечеству.

К исследованиям, затрагивавшим вопросы культурного развития дворянского сословия в России, следует отнести работы, связанные с раскрытием тематики дворянской усадебной культуры, социально-психологического облика русского дворянина, его быта, культурных традиций, особенностей самосознания, менталитета, мировоззрения. Особенно ценными являются труды по истории

© Иерусалимский Ю. Ю., Леднева Н. К., 2013

сельской усадьбы в России, социокультурной жизни дворянского сословия во второй половине XIX – начале XX в. [3].

Один из номеров иллюстрированного альманаха Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники Отечества» был полностью посвящён миру русской усадьбы [4]. На его страницах поднимался целый комплекс вопросов, касавшихся истории усадебной жизни Российской империи: здесь присутствуют описания таких известных крупных дворянских имений, как Отрада, Введенское, Ярополец, Диканька, Вяземы, Глинки, Гребнево и др.; представлены попытки создания базы данных по усадьбам-музеям, музейным экспозициям и др. Помещичий быт, неразрывно связанный с крепостной Россией, передан на страницах альманаха в качестве своеобразной поэзии усадебной культуры.

Часть статей и очерков «Мира русской усадьбы» (включая вступительное слово главного редактора С. Н. Разгонова под названием «Последняя заря») представляют собой апологетику «России, которую мы потеряли». Информация о художественных памятниках часто преподносилась в восторженно-лирических тонах, с оттенком сусальности (учитывая дату выхода в свет периодического издания (1992 г.) такое обстоятельство вполне соответствовало «духу времени»). Другая часть была представлена фрагментами, отрывками из произведений авторов второй половины XIX – начала XX в., затрагивавших в своих произведениях культуру загородной дворянской усадьбы исследуемого периода; и, наконец, примерно треть статей соответствовала достижениям отечественной науки начала 90-х гг. XX в.

Г. Злочевский в статье о русской усадебной культуре отмечает описательность, свойственную дореволюционным публикациям, отсутствие комплексного изучения усадебной культуры. Подводя итоги изучению ее на страницах изданий XIX – начала XX в. [5] и отмечая их бессистемность и поверхностность, автор констатирует, что всё-таки оно дало возможность увидеть и ряд художественных ценностей, впоследствии утраченных. Эти «ценности» позднее были сформулированы в более общем плане известным искусствоведом и книговедом А. А. Сидоровым, подчеркнувшим в 1928 г., что «история искусства XIX века – почтенная собирательница фактов и прекрасная музейная хозяйка. Использование, систематизация, общий вывод почти не интересовали её деятелей. Ей было суждено стать хорошей учительницей» [6].

Одна из работ альманаха – «Вывоз из усадеб художественных ценностей» (автор Л. Иванова) – посвящена судьбе дворянских усадеб в России после октябрьских событий 1917 г., когда в результате национализации земли и отмены частной собственности десятки тысяч усадеб в стране оказались без хозяев [7]. В создавшихся условиях, по мнению автора статьи, основным путём спасения усадеб оказался вывоз из них всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а чаще всего в Москву. Вместе с тем, отмечает Л. Иванова, такие вывозы навсегда лишали усадьбы их овеществлённого культурного содержания; следом за ними уходила из усадьбы жизнь, гибли сады и парки, забывались имена владельцев – разрушалась усадебная культура. Кроме того, вывозы усадебных художественных ценностей сопровождались потерями и расхищением, а, попадая в единые государственные хранилища, они надолго утрачивали живую связь с людьми и историей.

Особый штрих к «групповому портрету» дворянского сословия Российской империи в конце XIX столетия демонстрирует Г. Е. Миронов [8]. В своей монографии автор приводит в качестве примера, доказывающего наличие просвещённого российского дворянства в XIX в., воспоминания князя С. М. Голицына, который, говоря о деятельности своего отца, долгое время бывшего предводителем дворянства в Тульской губернии, отмечал: «Ныне приходится постоянно читать, что дворяне – это классовые враги, а уж предводитель дворянства в десять раз хуже. ... Мой отец занимался земской деятельностью, хлопотал об открытии школ, об открытии больницы и амбулатории, о ремонте дорог, о строительстве мостов ... Он старался не в пользу дворянства, а в пользу крестьян» [9]. Такие воспоминания, по мнению Г. Е. Миронова, помогают понять многогранность дворянского сословия, «среди представителей которого людей типа князя Голицына было значительно больше, чем об этом можно судить по советской историографии».

Основными источниками в исследовании П. С. Кабытова и Н. Ф. Тагировой, посвящённом изучению торгово-предпринимательской деятельности помещиков на юго-востоке Европейской России в начале XX в., являлись описания помещичьих имений, заложенных в Самарское отделение Государственного Дворянского земельного банка; материалы земств Уфимской, Самарской, Саратовской и Оренбургской губерний; первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной пере-

писи 1917 г. Авторы отмечают, что в начале XX в. мобилизация частной земельной собственности привела к сословно-структурным изменениям в помещичьем землевладении региона. При этом наиболее подвижной являлась именно дворянская земля. К 1917 г. сумма её площадей уменьшилась более чем наполовину и в южных уездах региона дворянство уступило первые позиции в частном землевладении купечеству [10]. Статья насыщена фактическими сведениями. Авторами проведён анализ опубликованных и неопубликованных исторических источников. На его основе даётся оценка неземледельческого производства и торгово-предпринимательской деятельности помещиков юго-востока страны, делается вывод об усилении зерновой специализации в регионе, поскольку сферу интересов помещиков, занимавшихся предпринимательством, составляли переработка и продажа хлеба. Данная работа имеет историко-экономический характер, содержит таблицу и множество статистических сведений о доходах помещичьих имений, ценах на лес, количестве голов скота и др. Существенный интерес представляют материалы о росте торгово-экономических связей помещиков-дворян внутри поволжского регионального рынка в начале XX в. (в качестве примера представлена Самарская губерния).

Особое значение представляют диссертации, затрагивавшие проблемы многосторонней деятельности дворянского сословия, как для проведения сравнительных характеристик по истории «высшего сословия» регионов Российской империи, так и для раскрытия характерных черт внутренней организации и развития дворянских корпораций в исследуемый период.

В автореферате О. И. Ереминой освещено получение культуры повседневности загородной дворянской усадьбы второй половины XIX – XX в. [11]. Автор раскрывает культурные традиции и бытовой уклад дворянских крупноместных загородных усадеб Подмосковья, таких как Петровское, Отрада. Их жизненный строй, по утверждению О. И. Ереминой, был близок к «дворянским гнёздам» центральной России и сильно отличался от петербургских усадеб, будучи более традиционным, патриархальным и менее официальным. Отличительной чертой дворянской культуры являлась её тесная связь с нравами и обычаями, традиционно бытовавшими в крестьянской среде.

Автор также указывает на усиление в послереформенный период «русского» элемента в духовной

атмосфере, царившей в настроениях дворянского общества вообще и в усадебной культуре «первого сословия» в частности. Особенно следует отметить традиционные общеусадебные, празднуемые и владельцами имений, и служащими, и крестьянами храмовые праздники местных святых, столь характерные для повседневной жизни загородной усадьбы второй половины XIX – начала XX в. [12].

Исследование С. В. Черникова помогает пролить свет на предысторию существования дворянских имений Центрально-Чернозёмного региона России [13]. Автором отмечены тенденции развития процесса эволюции дворянских владений в XVIII в.: территориальное расширение крепостнического землевладения, концентрация земельного фонда и крепостных в руках крупных собственников, рост темпов укрупнения владений дворянства, масштабное проникновение крепостнического землевладения в южные уезды страны. Приведённые факты и статистические выкладки помогают осмыслить роль поместного дворянства в дореформенной России и понять основные причины, побудившие правительство начать реформирование аграрного сектора экономики страны во второй половине XIX в.

В 1990-х – начале 2000-х гг. выходили исследования по региональной истории. История тверского дворянства проанализирована в статье О. К. Ермишкиной [14]. Взаимодействие дворянства и местной власти на примере Тверской губернии в конце XVIII – первой половины XIX в. было показано в автореферате В. В. Чижовой, в рамках которого также был проведён анализ работы дворянских самоуправленческих структур накануне проведения крестьянской реформы 1861 г. в Тверской губернии [15]. В. В. Чижова указывает, что на дворянских съездах путём отказа от участия в выборах их делегаты-дворяне активно проявляли своё негативное отношение к крестьянской реформе и полное нежелание участвовать в её проведении. В итоге автор приходит к выводу об ослаблении влияния дворянства, к мнению которого уже не прислушивалось правительство, поскольку такая достаточно ярко и повсеместно высказанная позиция «первого сословия» не повлекла за собой отказа Александра II от проведения преобразований.

Истории верхнеднепровского дворянства посвящен труд под редакцией С. В. Думина [16]. Важные направления развития орловского дворянства (включая польских мигрантов) в XIX – начале

XX в. были изучены в работах М. И. Лавицкой и И. В. Проваленковой [17].

Анализ Г. А. Двоеносовой дворянской родословной книги Казанской губернии XIX – начала XX в. важен в методическом плане для работы с подобного рода источниками [18]. Весь спектр направлений развития саратовского дворянства накануне отмены крепостного права рассматривается Т. В. Платоновой [19]. Автор исследует процесс формирования губернского дворянского общества, численность, состав, социально-юридическое положение «первого сословия», освещает экономическую деятельность сословных дворянских органов, показывает две важнейшие составляющие сферы быта российского господствующего сословия: усадебную и городскую культуры.

Роль сословных дворянских учреждений накануне проведения Великих реформ XIX столетия в России также была затронута в трудах Н. М. Селиверстовой и Е. Ю. Дементьевой [20]. В них анализировалась характеристика дворянства, раскрыто значение дворянских обществ ряда губерний Центра Европейской России во время подготовки преобразований 1860 – 1870-х гг.

Краеведческий аспект проблематики в масштабах Ярославской губернии впервые был затронут в работе О. В. Сизовой. Ее кандидатская диссертация стала существенным вкладом в изучение ярославского дворянства конца XVIII – первой половины XIX в. [21]. В ней автор осветила состояние помещичьего хозяйства, численность, происхождение и землевладение дворянства Ярославской губернии. В отдельной главе О. В. Сизова проанализировала роль дворянства в организации местного и сословного управления, раскрыла виды служебной деятельности дворян и функционирование дворянских обществ в Ярославской губернии и службе по дворянским выборам накануне отмены крепостного права [22].

Значительный вклад в изучение темы дворянства Ярославского региона внесла В. М. Марасанова, показавшая взаимосвязь дворянских обществ с местной администрацией Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX столетия [23]. По подсчётам исследователя, в пореформенный период дворяне по-прежнему занимали две трети всех высших должностей на государственной службе и одну треть средних. В своей диссертации В. М. Марасанова приводит данные о численности потомственных и личных дворян в пореформенное время в Ярославском крае, исследует

их связи с государственной службой. По мнению автора, в формировании кадров губернских учреждений в исследуемый период постоянно присутствовали две тенденции. С одной стороны, налицо было стремление центральной власти обеспечить господствующие позиции дворянского сословия в правительственных учреждениях. С другой стороны, при явном предпочтении дворянства к военной службе и значительном числе вакансий часть средних и низших должностей в местном управлении активно замещались выходцами из других сословий. Вместе с тем преимущество дворян в продвижении по государственной службе было важной привилегией «благородного сословия». В. М. Марасанова отмечала расширение перспектив общественной деятельности представителей «первого сословия» в сфере органов дворянского сословного управления.

В статье вышеуказанного исследователя о реформах местного управления в Российской империи в XVIII – начале XX в. сделан справедливый вывод о противоречивости и внутренней конфликтности реформ, проводимых правительством в сфере местного управления [24]. В. М. Марасанова объясняет это стремлением правительственных кругов не ущемлять привилегий российского дворянства.

Многие аспекты деятельности дворянских корпораций и их руководителей в Ярославской губернии во второй половине XIX – начала XX в. (губернское и уездные дворянские собрания, губернские и уездные предводители дворянства, дворянская опека, взаимоотношения корпоративных организаций дворянства с государственной властью, участие дворянства в первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) были проанализированы в кандидатской диссертации и ряде опубликованных трудов одного из авторов данной статьи [25].

Историю дворянского рода Бирюковых – потомственных дворян Костромской губернии – раскрывает в своём одноимённом исследовании Е. М. Бирюкова (действительный член Российского Дворянского Собрания с 1990 г.) [26]. Хронологические рамки ее работы ограничиваются 1835 – 1920 гг. (нижняя граница обусловлена датой покупки имения в Костромском крае, верхняя – временем, когда усадьбу покинул последний представитель этого дворянского рода). Автор излагает историю дворянской фамилии, помогающую показать деятельность костромских помещиков Бирюковых в качестве носителей лучших традиций русского поместного дворянства Российской

империи. Данное исследование является интересным и полезным в плане проведения погубернских сравнений и выявления общих закономерностей развития дворянских обществ и сословных структур в регионе.

Итак, современная историография изучаемой темы характеризуется следующими чертами: отказом авторов от марксистско-ленинской методологии, постепенным отказом от формационного подхода, актуализацией цивилизационных исследований. По сравнению с советским временем произошло резкое увеличение в количественном отношении работ, посвященных российскому дворянству в региональном аспекте. В ряде публикаций отмечается стремление исследователей заменить минусы в оценке деятельности дворянского сословия, свойственные советской исторической науке, на плюсы без глубокого и комплексного анализа источников. На современном этапе растет внимание исследователей к деятельности дворянских корпораций в региональном масштабе, генеалогическим проблемам, истории дворянских усадеб, повседневному дворянскому быту.

Список использованной литературы

1. Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993.
2. Корягин С. В. К истории донского дворянства // Дворянское собрание. М., 1999. № 10. С. 100–106.
3. Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д. Морально-этические воззрения провинциального дворянства в первой половине XIX в. // Российская провинция и её роль в истории государства и развитии культуры народа. Кострома, 1991. Вып. 1. С. 183–187; Мир русской усадьбы: очерки. М., 1995; Поликарпов В. С. История нравов в России: Восток или Запад? Ростов/н.Д., 1995; Реалии культурной жизни: материалы III Всероссийской научной конференции: в 2 кн.; Пенза, 1996. Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001; и др.
4. Мир русской усадьбы // Памятники Отечества. 1992. № 25.
5. Злочевский Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий // Там же. С. 77–87.
6. Труды секции искусствоведения Института археологии и искусствоведения. М., 1928. Т. 2. С. 5.
7. Иванова Л. Вывоз из усадеб художественных ценностей // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71–75.
8. Миронов Г. Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки, XIX век. М., 1995.
9. Там же. С. 129.
10. Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на юго-востоке Европейской России в начале XX в. // Россия сельская, XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М., 2004. С. 229.
11. Еремина О. И. Культура повседневности загородной дворянской усадьбы второй половины XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
12. Там же. С. 20–21.
13. Черников С. В. Дворянские имения Центрально-Чернозёмного региона России в первой половине XVIII века.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2001.
14. Ермишкина О. К. Провинциальное дворянство // Тверская старина. Тверь, 1994. № 1–2.
15. Чижова В. В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001.
16. Смоленское дворянство / под ред. С. В. Думина. М., 1997. Вып. 1.
17. Лавицкая М. И. Орловское потомственное дворянство. Орёл, 2005; Проваленкова И. В. Дворянство польского происхождения в Орловской губернии в XVII – начале XX вв. (Этномиграционный процесс): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2008.
18. Двоеносова Г. А. Дворянская родословная книга Казанской губернии, 1785 – 1917 гг.: региональные аспекты изучения массового источника: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.
19. Платонова Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
20. Селиверстова Н. М. Дворянство Среднего Поволжья накануне проведения Великих реформ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994; Дементьева Е. Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.
21. Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999.
22. Там же. С. 156–176.

23. Марасанова В. М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005.

24. Марасанова В. М. Реформы местного управления в Российской империи: успехи и трудности // Век нынешний, век минувший ...: Исторический альманах. Вып. 5 / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского, В. П. Федюка, В. М. Марасановой. Ярославль, 2006. С. 5–11.

25. Леднева Н. К. Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине

XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009; Её же. Участие дворянства в первой Всероссийской переписи населения // Актуальные проблемы образования и общества. Ярославль. 2008. Т. 2. С. 38–41; Её же. Взаимоотношения корпоративных организаций дворянства и государственной власти в пореформенное время (60-е–90-е гг. XIX в.) // Исторические уроки развития российской государственности X–XX вв. Ярославль, 2009. С. 114–134.

26. Бирюкова Е. М. Мой род // Дворянское собрание. 1998. № 8. С. 95–102.

В статье рассматриваются различные точки зрения на функционирование особого вооруженного формирования в российской военной истории – «государевых людей», или опричников, принимавших активное участие в боевых действиях во второй половине XVI в.

Ключевые слова: XVI в.; Россия; Иван Грозный; опричники.

The article considers various points of view on the functioning of the special armed formation in the Russian military history – the «sovereign people» or the guardsmen, who took an active part in the hostilities in the second half of the XVI century.

Key words: XVI century; Russia; Ivan the Terrible; guardsmen.

С. В. Боровиков

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: sergey.borowikow@yandex.ru

Опричные войска Ивана Грозного в отечественной историографии

Обзорная статья

S. V. Borovikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: sergey.borowikow@yandex.ru

Tsar's Troops of Ivan the Terrible in a Domestic Historiography

Review article

В 1565 г. в вооруженных силах России появились элитные привилегированные части в черной униформе наподобие европейского рыцарского ордена, с личной присягой и служением монарху, который являлся для них высшим командиром. С 1572 г. употребляется термин «Двор», а бывшие опричные соединения именуются соответственно «дворовыми», т. е. речь идет о преобразовании, а не о полной отмене этих частей. Историография данного вопроса рассмотрена недостаточно, потому что ранее проводились исследования преимущественно политической и социально-экономической сущности Опричнины. Специальных работ про опричное войско нет, и его история рассматривается только в трудах, посвященных в целом обозначенному времени или внутренней политике Ивана Грозного. Из источников доступны записки иностранцев о России, летописи, актовые материалы и воспоминания, основные же документы были уничтожены в результате сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 г.

В историографии, сложившейся в период Российской империи, было заложено главное противоречие в решении вопроса о назначении опричных войск. Так, В. О. Ключевский утверждал, что отряд в тысячу человек, зачисленных в опричнину,

становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы, орденом отшельников, а Малюта Скуратов (Г. Я. Плещеев-Бельский) был шефом этого корпуса [1]. Однако тайная государственная полиция не являлась частью вооруженных сил и занималась преимущественно внутренними делами. Следовательно, речь шла о создании новых боевых частей «черной гвардии». Д. И. Иловайский считал, что, почувствовав свою безнаказанность, опричники скоро сделались бичом для мирных граждан, обижали, грабили и нарочно заводили с ними тяжбы, чтобы взыскать с них денежные пени [2]. М. К. Любавский заявлял, что опричнина все же была частью Московского государства и царь не отказывался от власти в земщине. Поэтому хотя у него в опричнине и образовалась своя дума и приказы – Разряд, Большой Приход и было набрано собственное войско, Иван Грозный продолжал править и в опричнине, и в земщине. Опричные полки зачастую отправлялись в походы вместе с земскими [3]. Е. Ф. Шмурло полагал, что едва ли введение опричного войска значительно подняло общую численность военных сил государства, зато оно поставило значительную часть новых подразделений в непосредственное ведение и под контроль верховной власти [4]. В целом историография Российской

© Боровиков С. В., 2013

империи не интересовалась военной составляющей Опричнины. Основной упор делался на государственно-правовую и социально-экономическую историю.

В советской историографии 1930 – начала 1950-х гг. присутствовал ярко выраженный догматизм в оценках прошлого, что было связано с восхищением И. В. Сталиным политикой Ивана Грозного и его террором и нашло отражение в Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме Большая жизнь», 4 сентября 1946 г.: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма Иван Грозный обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, – слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета» [5]. В трудах специалистов давались аргументированные, взвешенные оценки событиям XVI столетия, сохранившие свою научную значимость. П. А. Садилов утверждал, что в Ливонской войне опричные отряды не оказали существенной помощи. Вместо энергичных боевых операций они занимались главным образом грабежом населения. В результате воевода, опричник В. И. Умног-Колычев, был арестован, выслан в Москву, где после следствия казнен [6].

В «Очерках истории СССР» говорилось, что опричное войско в основной своей массе состояло преимущественно из поместного дворянства. Среди воевод, бояр и окольных встречались представители из аристократических, титулованных, а также старых боярских, но второстепенных московских фамилий. Большинство по положению не отличалось ничем от нетитулованных «детей боярских». В состав опричников входили и некоторые полководцы, опытные в ратном деле, храбрые воины, независимо от того, принадлежали они к знатым фамилиям или нет [7]. Опричники получали за службу поместья во временное пользование и государево жалованье.

С. Б. Веселовский подчеркивал, что во время погромов 1569–1570 гг. и вслед за ними со дна общества поднялись отбросы, которые пользовались тем, что население утратило способность отличать царского слугу от разбойника. Разграбление целых областей, таких как новгородские пятины, приняло характер большого государственного бедствия [8]. А. А. Зимин в своем исследовании указал, что это войско состояло к 1567 г. из трех, а к 1569 г. – из

пяти полков, т. е. его численность намного превосходила тысячу человек [9].

В «Советской военной энциклопедии» присутствует ключевое замечание: вопросы истории опричного войска остаются спорными и нуждаются в дальнейшем исследовании историков [10]. Д. Н. Альшиц акцентировал внимание на том, что слово «опричина» употреблялось за сто лет до Ивана Грозного. После смерти или гибели служилого человека в бою поместье, пожалованное ему великим князем, забиралось в казну, кроме небольшого участка земли, достаточного для содержания его семьи. Инсценируя в 1564 г. бегство из Москвы, государь назвал опричиной небольшой удел, в который он «удалялся от царствования», на самом деле создавая собственный военный лагерь. Сопровождавших его дворян и стали именовать опричниками [11].

Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в глухом вологодском краю, на значительном удалении от границ, и прочие военные приготовления не имели цели укрепления обороны страны от внешних врагов [12]. Интерес к изучаемой теме присутствовал преимущественно в исследованиях военных специалистов. Новые концепции формулировали гражданские авторы, однако их идеи находились в русле марксистско-ленинской методологии.

Современные исследователи в первую очередь обращают внимание на детали. Г. Э. Введенский обратил внимание на символику цвета. Колорит в Древней Руси был весьма консервативен. Черный расценивался как торжественный, показывающий строгость, послушание, беспорочность, мудрость и образованность, что даже в условиях процветающей в Московии коррупции должно было продемонстрировать земским властям божественную чистоту замыслов, связанных с Опричниной, а также аскетизм и возвышенность установленного порядка [13]. Особое значение имеет унификация военной формы (чёрный цвет) – на короткое время, еще до реформ Петра I.

Период начала XX в. в целом отличается псевдонаучностью и спекуляцией, попытками оправдать правление Ивана Грозного с патристических позиций. Историография, с учетом ее достижений и просчетов, подводит к тому, что это была особая армия наподобие гвардии, хорошо оснащенная, использовавшаяся для карательных акций и войн с внешними врагами.

Список использованной литературы

1. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1988. С. 169.
2. Иловайский Д. История России. Т. 3. М., 1890. С. 262.
3. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. СПб., 2000. С. 197.
4. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 2. СПб., 1999. С. 116.
5. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 601.
6. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 39.
7. Очерки истории СССР. Т. 5 / под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955. С. 316.
8. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1963. С. 59–60.
9. Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 214.
10. Советская военная энциклопедия. Т. 6 / под ред. А. А. Гречко. М., 1978. С. 75.
11. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 120.
12. Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 64.
13. Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005. С. 17.

В статье рассматривается деятельность ярославского отделения Императорского Русского технического общества в начале XX в. Главное внимание членами отделения уделялось развитию технических знаний населения края.

Ключевые слова: Императорское Русское техническое общество; техническое образование; техническое училище; курсы для рабочих; интеллигенция.

The article reviews the activities of the Yaroslavl branch of the Imperial Russian Technical Society in the early 20th century. The main attention was paid to members of the branch development of technical knowledge population of the province.

Key words: Imperial Russian Technical Society; technical education; technical school; courses for workers; intellectuals.

Н. В. Панина

Государственная академия промышленного менеджмента им. Н. П. Пастухова

E-mail: paninanv@gapm.ru

Ярославское отделение Императорского Русского технического общества в начале XX в.

Научная статья

N. V. Panina

State Academy of Industry Management named after Pastukhov

E-mail: paninanv@gapm.ru

Yaroslavl Branch of the Imperial Russian Technical Society in the Early XX Century

Scientific article

Эпоха великих реформ в России характеризовалась активной деятельностью интеллигенции в сфере образования и просвещения. Большую роль сыграло Императорское Русское техническое общество (ИРТО), созданное в 1866 г. по инициативе видных промышленников, инженеров, преподавателей Санкт-Петербургского университета. Если деятельность ИРТО в столице нашла отражение в публикациях исследователей [1], то региональные отделения общества и результаты их деятельности слабо отражены в литературе [2]. Экономический подъем в регионах в пореформенный период во многом объяснялся деятельностью различных общественных организаций, которые ставили целью улучшение благосостояния страны.

В Ярославской губернии одной из таких организаций стало отделение Императорского Русского технического общества, возникшее в 1901 г. К этому времени ИРТО развернуло образовательную и просветительскую деятельность по всей стране. Основная цель ИРТО по мысли его создате-

лей заключалась в «содействии развитию техники и технической промышленности в России» [3]. Была разработана программа, которая требовала привлечения специалистов, чьи знания и практический опыт являлись ценным источником для создания перспективной системы профессионального образования, определявшего развитие промышленности и сельского хозяйства.

Активная деятельность ИРТО проявилась в организации чтений и публичных лекций, выставок мануфактурных и промышленных изделий, выпуске таких периодических изданий, как «Техническое образование», «Записки Императорского Русского технического общества», «Электричество», «Железнодорожное дело», ходатайстве перед правительством о принятии мер, «могущих иметь полезное влияние на развитие технической промышленности в России» [4].

Для достижения поставленных задач при Обществе было организовано девять отделов: химический, механический, строительный, военно-морской, фотографический, электро-технический, воздухо-

плавательный, железно-дорожный и учебный (Постоянная комиссия по техническому образованию).

ИРТО брало на себя инициативу поощрения талантливых ученых. Были разработаны положения о премиях и медалях¹. Среди почетных и действительных членов ИРТО были известные государственные и общественные деятели, представители научных и промышленных кругов: С. Ю. Витте, И. А. Вышнеградский, М. Н. Делянов, И. А. Анопов, А. Г. Неболсин, Л. Э. Нобель, В. И. Ковалевский, Д. И. Менделеев.

Образовательная и просветительская деятельность ИРТО проявилась в устройстве и содержании доступных для рабочих училищ, школ, различных курсов. Это были школа десятников, школа печатного дела, школа для рабочих электротехников, курсы портняжного дела, классы черчения и рисования. Плата в подобных учебных заведениях была минимальной и колебалась от 1 до 20 рублей в год [6] в зависимости от сроков обучения, профиля и типа, а в некоторых из них обучение проходило бесплатно. Количество открываемых учебных заведений ИРТО постоянно росло и в 1901 г. достигло 55 с числом учащихся 6325 [7].

О популярности ИРТО можно судить и по числу отделений, открываемых в различных губерниях. В 1897 г. их насчитывалось уже 22. В начале XX в. было создано еще несколько отделений, в том числе и в Ярославле. Торжественное открытие последнего состоялось 11 февраля 1902 г. Создатели общества подчеркивали, что Ярославль как крупный промышленный и культурный центр изобилует лицами с техническим образованием, поэтому необходимо объединить их профессиональные интересы для поднятия уровня профессионального образования в губернии, подготовки квалифицированных рабочих для фабрик и заводов.

В присутствии ярославского губернатора Б. В. Штюрмера, городского головы И. А. Вахромеева и членов-учредителей общества в помещении технического училища имени Н. П. Пастухова

¹ Премия и медаль имени Э. Нобеля за исследования по металлургии или нефтепромышленности, премия имени М. И. Казы за лучшее техническое изобретение или исследование в области математики, физики, механики, химии «к потребностям жизни вообще и русской в особенности», золотой медали имени А. П. Бородина за наиболее выдающееся изобретение, усовершенствование или исследование по механике или устройству железных дорог [5].

был отслужен молебен и торжественно объявлено о создании Ярославского отделения. Губернский инженер Адам-Арнольд Карлович Енш был избран его председателем. На первом заседании он определил основные цели деятельности Общества, ссылаясь на Устав ИРТО, которым следовало руководствоваться. По мнению А. К. Енша, поле деятельности общества было достаточно обширно и для реализации задуманного требовалось объединить техников разных специальностей. Председатель отмечал, что «необходим обмен мыслей и сведений, чтобы не отстать, если и не от чистой науки, хоть от практических результатов ее...» [8].

На всем протяжении своего существования Ярославское отделение Императорского Русского технического общества располагалось в здании технического училища имени Н. П. Пастухова, любезно предоставленном директором училища М. П. Ершовым. Здесь же располагалась и библиотека общества, которой заведовал учитель математики училища А. М. Пинцкер. На средства отделения приобретались книги технического содержания и периодические издания, такие как «Зодчий», «Инженер», «Промышленность», «Технический сборник», «Технолог» и др. Сюда же поступали «Записки Императорского Русского технического общества», «Записки» Московского, Виленского, Киевского отделений.

Численность Ярославского отделения Императорского Русского технического общества сразу начинает расти: в 1903 г. в нем насчитывалось 30 действительных членов, в 1905 г. – 53 человека, из них 32 городских и 21 – иногородних [9]. В состав общества входили инженеры-технологи Ярославских предприятий, преподаватели Пастуховского училища во главе с директором М. П. Ершовым, который в обществе занимал пост товарища председателя, а с 1907 г. – председателя.

На заседаниях Технического общества заслушивались и активно обсуждались доклады по актуальным проблемам. В качестве примера назовем лишь некоторые из них: «Два случая пожаров на прядильных фабриках с человеческими жертвами, причины последних и средства к устранению их», «Действие токов трамвая на водопроводные и канализационные трубы», «К вопросу о перевозке по железным дорогам багажа пассажиров» [10] и другие. Заседания проходили публично и были открыты для любых заинтересованных лиц. В газете «Северный край» размещались объявления о предстоящих заседаниях, сообщения об основных обсуждаемых вопросах.

Ярославское отделение ИРТО, как и отделения в других городах, брало на себя инициативу по открытию курсов для рабочих. Так, были открыты курсы для кочегаров, по окончании которых выдержавшим соответствующий экзамен выдавалось свидетельство об успешном прохождении обучения. Открытие подобных курсов потребовало от инициаторов большой предварительной подготовки, изучения опыта Кременчугского и Киевского отделений. Для разработки программы курсов и организации учебного процесса была создана специальная комиссия из числа представителей общества.

Активная позиция членов отделения привлекала внимание представителей и других общественных организаций, существовавших в Ярославской губернии. Местная интеллигенция предпринимала попытки совместными усилиями решать наиболее острые проблемы социально-экономического развития края. Так, рабочий вопрос, постоянно звучавший в начале XX в., привел к попытке представителей общества врачей и технического общества создать специальное бюро для экспертизы увечий рабочих. По мысли учредителей, «устройство бюро вызывается необходимостью устранения случающихся очень часто противоречий в определении степени потери трудоспособности» [11]. В бюро должны были войти наряду с фабричными врачами независимые медицинские специалисты, имеющие право совещательного голоса. Обращает на себя внимание тот факт, что проведение экспертизы, определяющей степень тяжести увечья, проводилось для рабочих бесплатно.

Еще одна проблема, неоднократно обсуждавшаяся на заседаниях общества, – страхование рабочих [12]. Полемика по данному вопросу приняла характер бурной дискуссии, в которой участвовали не только члены технического общества, но и представители общества врачей, юридического общества. В процессе дискуссии детально разбирался передовой опыт Германии. Было указано на необходимость учитывать местные особенности для определения условий, при которых возможно осуществление подобной задачи [13]. Участниками высказывались сомнения, полномочно ли общество решать подобные проблемы, относя их к государственной политике. Один из участников дискуссии, Г. Лимчер, определил роль общества в решении данного вопроса следующим образом: «...что бюрократическая машина выработает, то может и не подойти. Общество же должно указать эти местные особенности, оно должно сказать

свое слово...» [14]. В качестве одной из наиболее прогрессивных мер по вопросу страхования для рабочих предлагалось введение подоходного налога. Для объективной оценки обсуждаемого вопроса участниками дискуссии были представлены статистические данные по отраслям промышленности уездов Ярославской губернии, позволяющие выявить средний возраст рабочих, продолжительность рабочего дня на предприятиях, количество производственных травм и пр.

Ярославское техническое общество, о существовании которого мог знать любой грамотный обыватель из газеты «Северный край», способствовало оживлению изобретательской деятельности населения. Местные изобретатели предлагали на суд компетентных специалистов ту или иную техническую новинку. Так, один из жителей города И. А. Тихомиров обратился с просьбой рассмотреть изобретенный им новый тип огнестойких построек [15]. При большом количестве деревянных построек в Ярославле в начале XX в., подобное предложение не могло не заинтересовать технических специалистов.

Ярославское отделение ИРТО играло заметную роль в развитии края в начале XX в. Его представители принимали активное участие в обсуждении наиболее насущных проблем социально-экономического развития Ярославской губернии, включая в этот процесс заинтересованную общественность и подкрепляя тем самым культурные начинания местной интеллигенции.

Список использованной литературы

1. Чарнолусский В. И. Частная инициатива в деле народного образования. Социальное значение, типы, основные вопросы. Очередные практические задачи свободных просветительских общественных организаций в современной России. СПб., 1910; Зотова Е. Б. Роль Императорского Русского технического общества в становлении и развитии женского профессионального образования в России в середине XIX – начале XX века // Современные проблемы науки и образования. М., 2008. С. 15–19.
2. Демченко Т. П. Культурно-просветительская деятельность отделений Русского технического общества на Украине в 1870–1914 годы: автореф.... канд. ист. наук, 1983.
3. Рудольф Н. Ф. Одна из современных задач Императорского Русского технического общества // Техническое образование. 1906. № 2. С. 1.

4. Там же. С. 2.
5. Записки Императорского Русского технического общества. 1902. № 1. С. 3–7.
6. Тиц Б. Н. Краткий обзор деятельности Императорского Русского технического общества по образованию рабочих. СПб., 1907. С. 5.
7. Записки Императорского Русского технического общества. 1902. № 7–8. С. 17.
8. К открытию Ярославского технического общества // Северный край. 1902. № 59. С. 3.
9. Записки Императорского Русского технического общества. 1905. № 5. С. 165.
10. Там же. 1903. № 8–9. С. 173.
11. Северный край. 1905. №23. С.3.
12. Там же. № 31. С. 3.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. № 126. С. 3.

ПЕДАГОГИКА

УДК 658.3

В статье рассматриваются особенности становления профессионала – педагога дополнительного образования детей. Рассмотрены составляющие его профессиональной компетентности. Проанализированы современные профессиональные требования к данной категории педагогов.

Ключевые слова: профессия педагога дополнительного образования детей; профессиональная компетентность; современные профессиональные требования.

In the article features of formation of a profession of the teacher of additional education for children are considered. Components of professional competence of the teacher of additional education for children are displayed. Modern professional requirements to teachers of additional education of children are analysed.

Key words: profession of the teacher of additional education for children; professional competence; modern professional requirements.

М. В. Громова

Государственная академия промышленного менеджмента имени Н. П. Пастухова

E-mail: gromovamarina2010@yandex.ru

Современные профессиональные требования к педагогам дополнительного образования детей

Научная статья

М. V. Gromova

State academy of industrial management of a name of N. P. Pastukhov

E-mail: gromovamarina2010@yandex.ru

Modern Professional Requirements to Teachers of Additional Education for Children

Scientific article

В современной ситуации развития образования обновляются требования к работе педагога дополнительного образования детей. Примечательно, что в перечне профессий до 1998 г. отсутствовал государственный стандарт подготовки педагогов дополнительного образования детей. Предполагалось, что в данной системе может работать любой человек, имеющий специальное образование и некоторые педагогические способности. В 1998 г. Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации ввело специальность «педагогика дополнительного образования». На данном этапе, согласно Федеральному государственному стандарту высшего профессионального образования, идет подготовка бакалавров и магистров в рамках направлений «Педагогическое образование» по профилю «Дополнительное образование» и «Психолого-педагогическое образование» по профилю «Психология и педагогика дополнительного образования детей». Данные

© Громова М. В., 2013

профили включают в себя подготовку педагога к педагогической, культурно-просветительской деятельности, психолого-педагогическому сопровождению дополнительного образования, в том числе психолого-педагогическому сопровождению одаренных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья и т. д. Процесс становления профессии педагога дополнительного образования детей сопровождался рядом обстоятельств:

- кадровый потенциал системы дополнительного образования формируется из специалистов различных областей деятельности и из профессионально подготовленных педагогов;
- специалист, имеющий базовые сведения в каком-либо виде деятельности, как правило, обращает внимание на профильную подготовку детей в данной деятельности и недооценивает педагогическую сторону;
- специалист, имеющий базовую педагогическую подготовку, ориентируясь прежде всего на

решение педагогических проблем, «переносит» их в систему дополнительного образования, не всегда учитывая его принципы и особенности [1].

Профессия педагога дополнительного образования относится к профессиям типа «человек-человек». Согласно точке зрения Е. А. Климова, этот тип профессий определяется следующими качествами человека: устойчиво хорошим самочувствием в ходе работы с детьми, потребностью в общении; способностью мысленно ставить себя на место другого человека; способностью быстро понимать намерения, помыслы, настроения других людей, разбираться в их взаимоотношениях; способностью хорошо помнить, держать в уме знания о личных качествах многих разных людей и т. д.

Входящая в этот тип профессия педагога дополнительного образования предъявляет еще целый ряд специфических требований, среди которых профессиональная компетентность является основной. Изучение представлений о профессиональной компетентности педагога показывает, что они формировались в различных направлениях: это – разработка основ педагогической направленности (С. Г. Вершловский, Ф. Н. Гоноволин, Е. А. Климов, Я. Л. Коломинский и др.) и развития профессионально важных качеств в целом (Н. В. Кузьмина, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин, В. А. Сластенин и др.); определение сущности и условий педагогического творчества и индивидуального стиля продуктивной педагогической деятельности (В. И. Андреев, В. А. Кан-Калик, М. М. Поташник и др.), анализ психологических основ профессиональной педагогической деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.). В 1980–1990 гг. наметилась тенденция в изучении отдельных сторон профессиональной компетентности. При этом внимание было акцентировано на изучении специфических условий формирования компетентности в зависимости от сферы образования [2]. Так, Н. В. Кузьмина анализирует специально-педагогическую и научно-педагогические компетентности [3], Т. Б. Руденко – дидактико-методическую компетентность [4], В. И. Кашницкий – коммуникативную [5] и т. д. Анализ научной литературы показывает, что ученые, изучающие проблему компетентности педагога, в своих исследованиях используют то термин «профессиональная компетентность», то термин «педагогическая компетентность», то оба термина, а иногда объединяют данные термины по аналогии с профессио-

нально-педагогической деятельностью – «профессионально-педагогическая компетентность».

В настоящее время в науке нет единого подхода к определению этого понятия. Так, по мнению В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева, А. И. Мищенко и Е. Н. Шиянова [6], профессиональная компетентность педагога выражает единство его теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности. При этом основу структуры компетентности педагога составляют многочисленные педагогические умения, характеризующие эту готовность.

Педагогическая компетентность – системное явление, сущность которого состоит в системном единстве педагогических знаний, опыта, свойств и качеств педагога, позволяющих эффективно осуществлять педагогическую деятельность, целенаправленно организовывать процесс педагогического общения и также предполагающих личностное развитие и совершенствование педагога [7]. Исследуя особенность педагогической компетентности, В. Г. Александрова, М. И. Шишов отмечают, что это интегральная профессионально-личностная характеристика, которая обуславливает готовность и способность выполнять педагогические функции в соответствии с принятыми в социуме в конкретно-исторический момент нормами, стандартами, требованиями [8]. Авторы определяют это понятие как оценку, которую дают окружающие педагогу и его профессиональной деятельности, выделяя в ее структуре три подструктуры:

- деятельностную (знания, умения, навыки и индивидуальные способы самостоятельного осуществления педагогической деятельности);
- коммуникативную (знания, умения, навыки и способы творческого осуществления педагогической деятельности);
- личностную (потребность в саморазвитии, а также знания, умения, навыки самосовершенствования).

И. А. Колесниковой определение педагогической компетентности рассматривается как гармоничное сочетание знания предмета, методики и дидактики преподавания, умений и навыков (культуры) педагогического общения, а также приемов и средств саморазвития, самосовершенствования и самореализации. Дополняет эту позицию В. В. Сериков [9], относя к признакам педагогической компетентности: принятие педагогической деятельности как сферы самореализации, как области, в которой специалист осознает свои

возможности и уверен в своих силах; владение ориентировочной основой педагогической деятельности, включающей образ ее результата и процесса его достижения; набор апробированных в собственном опыте способов решения задач, входящих в структуру педагогической компетенции; опыт выполнения этой деятельности в проблемных условиях; рефлексия и самоконтроль своих действий на основе использования собственных подчас уникальных образцов и критериев эффективности.

При рассмотрении структуры педагогической компетенции также наблюдается разнообразие точек зрения. Л. М. Митина рассматривает в структуре компетентности основные педагогические способности: контролировать уровень знаний учащихся, устно и письменно предъявлять учащимся материал, вести диалог с учащимися, организовывать работу на занятиях, использовать различные методы обучения, насыщать общение с учащимися положительными эмоциями и чувствами, поддерживать дисциплину на занятиях [10]. В. А. Слостенин определяет в структуре педагогической компетентности компоненты: педагогическую рефлексию, эмоциональную устойчивость, индивидуальные особенности характера педагога, положительное отношение к труду [11]. К. Ангеловски выделяет структуру профессиональной компетентности педагога через педагогические умения [12], которые могут быть объединены в четыре группы:

1. Умения «переводить» содержание объективного процесса воспитания в конкретные педагогические задачи: изучение личности и коллектива для определения их подготовленности к активному овладению новыми знаниями и проектирования на этой основе развития коллектива и отдельных учащихся; выделение комплекса образовательных, воспитательных и развивающих задач, их конкретизация и определение доминирующей задачи;

2. Умения построить и привести в движение логически завершенную педагогическую систему: комплексное планирование образовательно-воспитательных задач; обоснованный выбор форм, методов и средств его организации;

3. Умения выделить и установить взаимосвязи между компонентами и факторами воспитания, привести их в действие: создать необходимые условия (материальные, морально-психические, организационные и др.); активизировать личность школьника, развитие его деятельности;

4. Умения учета и оценки результатов педагогической деятельности: самоанализ и анализ обра-

зовательного процесса и результатов деятельности учителя; определение нового комплекса доминирующих и подчиняющихся задач.

В современных исследованиях рассматриваются такие компоненты профессиональной компетентности педагога, как мотивационно-волевой, функциональный, коммуникативный и рефлексивный. Согласно инструктивному письму Департамента общего образования Министерства образования и науки РФ от 29.11.10 № 03-339 квалификация педагога может быть описана как совокупность шести основных компетентностей: компетентность в области личных качеств; компетентность в постановке целей и задач педагогической деятельности; компетентность в мотивировании обучающихся на осуществление учебной (воспитательной) деятельности; компетентность в разработке программы деятельности и принятии педагогических решений; компетентность в обеспечении информационной основы педагогической деятельности; компетентность в организации педагогической деятельности.

Несмотря на обилие исследований, посвященных изучению профессиональной компетентности педагога, авторы, как правило, имеют в виду прежде всего учителя, преподавателя. Педагог дополнительного образования – особая категория работников образовательных учреждений. Прежде всего это специалист, организующий образовательный процесс для детей в сфере свободного времени ребенка. Согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития от 5 мая 2008 г. № 216н «Об утверждении профессиональных квалификационных групп должностей работников образования» должность педагога дополнительного образования отнесена ко 2-му квалификационному уровню (из 4 возможных) профессиональной квалификационной группы должностей педагогических работников (наряду с должностями инструктора-методиста; концертмейстера; педагога-организатора; социального педагога, тренера-преподавателя) [13].

Принадлежность к тому или иному уровню является определяющей при оплате труда педагога. Труд педагога дополнительного образования представляет собой неразрывное единство двух составляющих: во-первых, «педагогического, который предполагает педагогическое овладение ситуацией творческого становления личности воспитанника», во-вторых, «профильно-технологического, который зачастую не имеет прямого аналога не только в деятельности учителя школы, но и в других видах профессиональной деятельности» [14]. Соответственно предмет

профессиональной деятельности педагога дополнительного образования детей включает выполнение нескольких функций: обучающей, воспитательной, организаторской, исследовательской и прогностической, диагностической и педагогической поддержки, посреднической, организационно-коммуникативной, профилактической, культурно-досуговой. Главная задача педагога дополнительного образования заключается в руководстве разнообразной досуговой деятельностью детей в возрасте от 4 до 18 лет. Профессиональная деятельность педагога направлена на развитие познавательной мотивации детей, на решение образовательных задач. Современные профессиональные требования к педагогам дополнительного образования разработаны на основании Постановления Минтруда РФ от 11 ноября 1992 г. № 33 «О согласовании разрядов оплаты труда и тарифно-квалификационных характеристик по должностям работников учреждений и организаций образования Российской Федерации» (с изменениями от 13, 20 апреля 1993 г.), приказа Минобразования и Госкомвуза РФ от 31 августа 1995 г. № 3436/1268 с изменениями и дополнениями, внесенными приказом от 14 декабря 1995 г. № 622/1646, и Приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 года № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» устанавливает основные требования, предъявляемые к педагогическому работнику в отношении специальных знаний, а также знаний законодательных и иных нормативных правовых актов, положений, инструкций и других документов, методов и средств, которые педагогический работник должен применять при выполнении должностных обязанностей, в том числе и умений владеть компьютерными технологиями. Анализируя вышеизложенные приказы, мы можем сгруппировать требования, предъявляемые к педагогам дополнительного образования в следующем порядке:

– осуществляет дополнительное образование обучающихся в соответствии со своей образовательной программой, развивает их разнообразную творческую деятельность;

– комплекзует состав обучающихся объединения и принимает меры по сохранению контингента обучающихся в течение всего срока обучения;

– обеспечивает педагогически обоснованный выбор форм, средств и методов работы, исходя из

психофизиологической и педагогической целесообразности, используя современные образовательные технологии;

– проводит учебные занятия, опираясь на достижения в области методической, педагогической и психологической наук, возрастной психологии, а также современных информационных технологий;

– участвует в разработке и реализации дополнительных образовательных программ;

– составляет планы и программы занятий, обеспечивает их выполнение;

– выявляет творческие способности обучающихся, способствует их развитию, формированию устойчивых профессиональных интересов и склонностей;

– организует разные виды деятельности обучающихся, ориентируясь на их личности, осуществляет развитие мотивации их познавательных интересов, способностей;

– организует самостоятельную деятельность обучающихся, в том числе исследовательскую, включает в учебный процесс проблемное обучение, осуществляет связь обучения с практикой, обсуждает с обучающимися актуальные события современности;

– обеспечивает и анализирует достижения обучающихся, оценивает эффективность обучения, учитывая овладение умениями, развитие опыта творческой деятельности, познавательного интереса, используя компьютерные технологии;

– оказывает особую поддержку одаренным и талантливым обучающимся, а также имеющим особые образовательные потребности;

– организует участие обучающихся в массовых мероприятиях;

– участвует в работе педагогических, методических советах, организует каникулярное время и оказывает консультационные услуги детям и родителям по вопросам выбора объединения по интересам;

– обеспечивает соблюдение прав и свобод обучающихся.

Таким образом, на данном этапе развития образования педагог дополнительного образования детей должен быть, с одной стороны, высококлассным специалистом в определенной области деятельности и профессиональным педагогом, с другой – формировать у обучающихся знания, умения, навыки и в то же время развивать личность ребенка, помогать ему в становлении.

Список использованной литературы

1. Голованов В. П. Методика и технология работы педагога дополнительного образования. М., 2004. С. 4–5.
2. Гущина Т. Н. Методическая компетентность как психолого-педагогическая проблема // Внешкольник. 2002. № 1(13). С. 35.
3. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М., 1990. 92 с.
4. Руденко Т. Б., Каткова Л. В. К вопросу о профессиональной компетентности учителя // Наука, образование, общество: Интернет-журнал Сахалинского гос. ун-та. URL: <http://journal.sakhgu.ru/>
5. Кашницкий В. И. Формирование коммуникативной компетентности будущего учителя: автореф. дис... канд. пед. наук. Кострома, 1995. 197 с.
6. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 208 с.
7. Гришина И. В. Профессиональная компетенция руководителя школы как объект исследования: монография. СПб.: СПбГУПМ, 2002. С. 9–10.
8. Александрова В. Г., Шишова М. И. Аксиологическая направленность компетентностного подхода в гуманно-личностном образовательном пространстве // Вестник Московского университета. Сер. Педагогическое образование. 2011. № 2. С. 59.
9. Сериков В. В. Природа педагогической деятельности и особенности профессионального образования педагога // Педагогика. 2010. № 5. С. 35.
10. Митина Л. М. Психология труда и профессиональное развитие учителя. М.: Академия, 2004. 320 с.
11. Слостенин В. А. Профессионализм педагога: акмеологический контекст // Педагогическое образование и наука. 2002. № 4. С. 4–9.
12. Ангеловски К. Учителя и инновации книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
13. Сборник нормативных правовых актов с комментариями / под ред. В. Н. Понкратовой, Ж. П. Осипцовой. М.: МИСИС, 2009. 94 с. С. 28.
14. Голованов В. П. Указ. соч. С. 75.

В настоящей статье рассматриваются проблемы борьбы с незаконной организацией игорного бизнеса в России. Автор вносит конкретные предложения по совершенствованию как ст. 171.2 УК РФ, так и иноотраслевого законодательства. В частности, обосновывается необходимость введения в ст. 171.2 УК РФ административной преюдиции в качестве криминообразующего признака, альтернативного крупному размеру дохода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : азартные игры; игорный бизнес; ст. 171.2 УК РФ; совершенствование; иноотраслевое законодательство.

In the present article problems of campaign against illegal organization of gaming in Russia are considered. The author makes specific proposals on improvement as art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the legislation of other branches of law. In particular, a need for introduction of art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation of an administrative prejudice as the illegal sign alternative to the large size of the income locates.

Key words: gambling; gaming; art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; improvement; legislation of other branches of law.

А. В. Иванчин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

О совершенствовании уголовно-правовых и иноотраслевых средств борьбы с незаконной организацией азартных игр в России

Научная статья

А. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

On the Improvement of Criminal-Legal and the Other Branches of the Law Means Against Illegal Organization of Gambling in Russia

Scientific article

В настоящее время в России масштабы нелегального игорного бизнеса превышают все допустимые и прогнозируемые криминологами пределы. По различным оценкам в настоящее время в России функционируют около 60 тыс. нелегальных игорных заведений, включая залы игровых автоматов. Число больных лудоманией (игровой зависимостью) неуклонно растет. По данным Генеральной прокуратуры, РФ с 2009 г. по июнь 2012 г. только в результате прокурорских проверок пресечена деятельность 36,49 тыс. незаконных игорных заведений, изъято более 550 тыс. единиц игорного оборудования, в доход государства с предпринимателей взыскано более 53,4 млн руб., полученных от азартных игр [1]. В связи с этим особую значимость приобретают проблемы совершенствования правовых средств борьбы с незаконными азартными играми.

Указанные средства борьбы регламентированы как в УК РФ, так и в законодательстве иной отраслевой принадлежности (неуголовном, т. е. иноотраслевом). Так, в 2006 г. был принят Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ»¹ (далее – ФЗ № 244). В силу ст. 9 данного Закона на территории нашей страны предусмотрено создание четырех игорных зон (в Алтайском, Приморском краях, в Калининградской области, а также на границе Краснодарского края и Ростовской области). В силу ст. 5 ФЗ № 244 установлено, что деятельность по организации и проведению азартных игр не может осуществляться с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

средств связи, в том числе подвижной связи. Наконец, согласно ст. 3 ФЗ № 244 государственное регулирование деятельности по организации и проведению азартных игр проводится, в том числе, путем выдачи разрешений на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорных зонах; выдачи лицензий на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах.

Работа по созданию игорных зон продолжается, но уже сейчас в игорной зоне, расположенной на границе Краснодарского края и Ростовской области (зона «Азов-Сити»), функционируют первые легальные казино. Практика работы этих заведений выявила первые серьезные просчеты в организации игорных зон. Так, большинство участников азартных игр не готово совершать путешествия в игорные зоны, расположенные далеко за пределами крупных населенных пунктов. Первые казино России расположены посреди голой степи – на берегу Азовского моря: 1000 га с одной стороны границы, еще 1000 га – с другой. В большинстве стран мира игорный бизнес следует за туризмом, а в России решили отступить от этой практики, построив игорные заведения «на пустом месте», попытавшись привлечь игроков и туристов. Все эти факторы вкуче с жесткими законодательными требованиями к организации игорного бизнеса, огромными налогами порождают открытие нелегальных казино и иных игорных заведений, значительное количество которых расположено за пределами игорных зон – практически в каждом городе России. Ясно, что, пока будут существовать нелегальные казино и иные игорные заведения, идея игорных зон ничего не даст. Это обстоятельство актуализировало вопрос об уголовно-правовом противодействии нелегальному игорному бизнесу.

В связи с этим федеральным законом от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ в УК РФ была введена ст. 171² об уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр. Объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171² УК, включает в себя организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, включая подвижную связь, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, сопряженные с извлечением дохода в крупном размере (по примечанию к ст. 169 УК – это сумма свыше

1,5 млн руб.). По ч. 2 ст. 171² наказуемы те же деяния, которые сопряжены с извлечением дохода в особо крупном размере (п. «а») либо совершены организованной группой (п. «б»).

В настоящее время начинает формироваться практика применения ст. 171² УК. Например, И. была осуждена по ч. 1 ст. 171² УК за то, что она с целью незаконного извлечения прибыли арендовала в г. Воронеже пустующий павильон, приобрела и разместила там 19 игровых автоматов, подобрала необходимый рабочий персонал, и по итогам двух месяцев получила доход за счет проигрыша любителей азартных игр. По ч. 1 ст. 171² УК были квалифицированы и действия Т., который арендовал три нежилых помещения, а затем открыл в них якобы интернет-кафе, а в действительности установил там компьютеры, оборудованные игровыми платами, с установленными программами для азартных игр. За период с сентября 2011 г. по февраль 2012 г. Т. получил доход около 4 млн 100 тыс. руб.² В связи с формированием следственно-судебной практики наметились и первые проблемы в применении ст. 171² УК.

Полагаем, что решение ряда этих проблем требует совершенствования не самой ст. 171² УК, а иноотраслевого законодательства. В частности, нередко деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием лотерейного оборудования (которое фактически является игровым) маскируется предпринимателями под деятельность, регулируемую Федеральным законом от 11 ноября 2003 г. «О лотереях», который позволяет проводить лотереи с использованием лотерейного оборудования [2]. Устранена данная проблема может быть лишь путем совершенствования ФЗ № 244 и Федерального закона «О лотереях» с закреплением в них более четких разграничительных признаков азартной игры и лотереи.

Еще одним способом ухода от ответственности по ст. 171² УК является открытие интернет-клубов или интернет-кафе, владельцы которых поясняют, что их клиенты вправе самостоятельно выбирать любые сайты для посещения, в том числе сайты онлайн-игр и онлайн-казино. Такие заведения фактически оказывают услуги доступа к онлайн-интернет-казино и другим интернет-ресурсам, предлагающим услуги проведения азартных игр в условиях реального времени. При этом фактически осуществляется лишь трансляция азартной игры, а непосредственно организатор азартной

² Официальный сайт прокуратуры Воронежской области.

игры расположен за пределами России (в Кипре и т. д.), где такая деятельность разрешена [3]. Однако квалифицировать подобные действия по ст. 171² УК нельзя. Деятельность общества по предоставлению посетителям интернет-клуба (кафе и т. д.) доступа к конкретному сайту азартных игр не является деятельностью по организации и проведению азартных игр в смысле, придаваемом этой деятельности ФЗ № 244. Организация, оказывающая клиентам услуги доступа к сети Интернет, в том числе оплаты услуг с помощью «электронного кошелька», не может нести ответственность за действия клиента, решившего воспользоваться услугами интернет-казино и использующего при этом электронные средства оплаты, предварительно принятые от него этой организацией и зачисленные на его счет.

Решение данной проблемы, равно как и первой, лежит в плоскости совершенствования регулятивного (иноотраслевого) законодательства. В частности, необходимо обсудить возможность введения законодательного запрета на онлайн азартные игры в сети Интернет. В этой связи разумным представляется и предложение о введении запрета доступа к конкретным сайтам, предоставляющим услуги проведения азартных игр. Перед операторами связи федерального уровня также может быть поставлена (на законодательном уровне) задача обеспечения запрета доступа к конкретным интернет-ресурсам, предлагающим услуги организации и проведения азартных игр, в том числе к интернет-ресурсам, собственникам которых дисковое пространство (хостинг) предоставлено на серверах зарубежных стран [4]. При этом в законодательстве возможно определить орган государственной власти, уполномоченный на формирование перечня интернет-ресурсов, подпадающих под такой запрет, с учетом мониторинга изменения интернет-пространства. Думается, что только такого рода изменения регулятивного законодательства могут способствовать эффективному противодействию виртуальному незаконному игорному бизнесу [5].

Вместе с тем для эффективной борьбы с нелегальным игорным бизнесом, помимо совершенствования иноотраслевого законодательства, требуется оптимизация и самой ст. 171² УК. Так, в основной состав преступления в качестве *альтернативного* криминообразующего признака наряду с доходом в крупном размере резонно, как представляется, включить *признак административной преюдиции* (по примеру ст. 151¹, 178 УК). То есть условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 171² УК может выступать не только извлечение круп-

ного дохода (как сейчас), но и совершение деяния в течение определенного периода времени (например, в течение 1 года) после привлечения к административной ответственности за тождественное правонарушение (по ст. 14.1¹ КоАП РФ). Правда, идея внедрения в УК РФ составов с административной преюдицией встречает критику. Н. Ф. Кузнецова отмечала, в частности, что «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие. Поэтому количество проступков неспособно перерасти в качество преступления («сто кошек не могут образовать одного тигра»)» [6]. Н. А. Лопашенко указывает, среди прочего, что преступление с административной преюдицией противоречит теории криминализации [7].

Невзирая на всю массу критических стрел в адрес рассматриваемого феномена, мы убеждены, что его использование в качестве криминообразующего признака вполне согласуется как с теорией криминализации, так и с иными фундаментальными положениями теории уголовного права. Так, основанием криминализации признается общественная опасность поведения [8]. Общественная же опасность определяется набором всех присущих преступлению признаков, включая и характер самого действия (бездействия), и вред, и форму вины, и мотив или цель, и признаки субъекта, и т. д.

В случае с административной преюдицией *вредоносность* повторного нарушения правил организации игорного бизнеса объективно не повышается, но опасность личности субъекта-бизнесмена возрастает, а, следовательно, в целом возрастает *общественная опасность* такого поведения. Это и позволяет нам ставить вопрос об учете данного фактора при построении основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171² УК.

Кстати, практика показывает, что в условиях проблем с доказыванием крупного размера дохода многие организаторы подпольных игорных заведений неоднократно подвергаются административному воздействию, что не отбивает у них желания продолжать заниматься данным бизнесом. В этих условиях включение в ч. 1 ст. 171² УК признака административной преюдиции будет являться адекватной мерой и позволит эффективно бороться с такими дельцами. Заметим также, что реализация предлагаемой идеи сделает более гибким переход от административной к уголовной ответственности в рассматриваемой сфере («перекинет мостик» между ними), что в полной мере отвечает правилам межотраслевой дифференциации ответственности [9].

Что касается построения квалифицированного состава, предусмотренного ч. 2 ст. 171² УК, то и здесь, на наш взгляд, есть возможности для совершенствования закона. Как уже отмечалось, в настоящее время ответственность за рассматриваемое преступление дифференцирована с помощью двух квалифицирующих признаков (извлечение дохода в особо крупном размере и совершение преступления организованной группой). Полагаем, что эти признаки могут быть дополнены еще, как минимум, двумя, призванными углубить дифференциацию ответственности за анализируемое преступление.

Первый признак – это *признак судимости за тождественное преступление*. Полагаем, что участие в незаконном игорном бизнесе после осуждения за совершение такого же преступления существенно увеличивает степень общественной опасности его субъекта. Если, как уже отмечалось, есть основания для учета повышенно опасных свойств личности в процессе криминализации, то возникают основания для подобного учета и в процессе дифференциации ответственности. Как известно, российский законодатель в 2003 г. исключил из УК РФ такой квалифицирующий признак, как совершение преступления лицом, ранее судимым за такое же либо аналогичное преступление. Думается, что сделано это было (как и многое другое в сфере уголовного правотворчества) без учета криминологических реалий. В настоящее же время доминирующей криминологической тенденцией в России остается продолжающийся рост рецидивной преступности, представляющей известную опасность как для общества, так и для государства (уровень рецидива среди лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, превышает 30 % ³). В таких условиях логично, на наш взгляд, вернуться к использованию в УК такого квалифицирующего признака, как судимость.

Второй признак, который резонно, по нашему мнению, ввести в число квалифицирующих в ч. 2 ст. 171² УК, – это совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения. Изученная автором настоящей статьи практика применения ст. 171 УК в отношении организаторов незаконного игорного бизнеса, а также формирующаяся практика применения ст. 171² УК показывают, что в ряде случаев

³ См.: Общие сведения о состоянии преступности за январь–сентябрь 2012 г. URL: http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=crimstat.htm (сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции).

(но не в большинстве) продолжительное по времени существование нелегальных заведений становится возможным благодаря причастности к их организации должностных лиц (в том числе, правоохранительных и контролирующих органов). Повышенная же общественная опасность участия в игорном бизнесе должностных лиц с использованием ими своих служебных полномочий очевидна. В связи с этим имеются основания, как мы полагаем, и для установления повышенной ответственности за совершение такого рода деяний.

Список использованной литературы

1. Российская газета. 2012. 22 июня. С. 3.
2. Литвин А. А. Расследование преступлений, связанных с незаконной организацией азартных игр // Законность. 2010. № 5. С. 60–62.
3. Степанова О. Азартные игры в сети Интернет // Законность. 2010. № 3. С. 32 - 34; Бондаренко В. А., Терехин А. А. Надзор за соблюдением законодательства об организации и проведении азартных игр // Законность. 2011. № 7. С. 34 – 36
4. Указ.соч. С. 35 – 36.
5. Нетупский П. Азартных россиян и валютных трейдеров выгоняют из Интернета. URL: <http://www.kadis.ru/daily/?id=57598>.
6. Кузнецова Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции. М., 2002. С. 12.
7. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 69.
8. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 210; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 280–281.
9. Кругликов Л. Л. О межотраслевой дифференциации ответственности // Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 37–40; Его же. Эволюция и современные направления реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях в сфере дифференциации ответственности // Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе России: монография. Ярославль, 2012. С. 7–55.

УДК 343.11

В статье исследуются вопросы дифференциации ответственности и особенности построения квалифицированных составов экономических преступлений в уголовном праве Англии, проблематика их анализа. Автор критикует положения уголовного закона Англии, утверждая, что признаки, выступающие в качестве усиливающих ответственность, далеко не всегда отражают более высокую общественную опасность содеянного, при этом судебная практика зачастую трактует их излишне широко и достаточно субъективно.

Ключевые слова: экономические преступления; уголовное право Англии; дифференциация ответственности; квалифицирующие признаки; квалифицированные составы.

The article investigates questions of responsibility differentiation, construction of the qualified structures of economic crimes in criminal law of England and represented as strengthening responsibility, far not always reflect higher public danger of performed actions, while judiciary practice treats them frequently unduly widely and subjectively enough.

Keywords: economic crimes; criminal law of England; responsibility differentiation; qualifying signs; qualified structures.

О. Г. Соловьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Уголовно-правовое регулирование экономической деятельности в Англии: проблемы дифференциации ответственности*

Научная статья

O. G. Solovyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Criminal-Legal Regulation of Economic Activities in England: Problems of Responsibility Differentiation

Scientific article

Отсутствие кодифицированного уголовного законодательства в Англии, многообразие его источников ведут к нарушению единообразного подхода к конструированию норм. Очень часто уголовно-правовые запреты содержатся в межотраслевых нормативно-правовых актах, проекты которых готовятся без учета требований науки и практики криминального цикла специалистами иных отраслей права. Заметим, что такая ситуация в большей степени характерна для конструирования уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности. Это ведет к сбоям в законодательной технике, нарушающим правила общеправовой межотраслевой дифференциации ответственности, которые не всегда удачно корректируются судебной практикой. Таким образом, технические проблемы конструирования статутов порож-

дают ухудшение правоприменительной техники и качества прецедента. Все эти обстоятельства в полной мере касаются и проблем специальной дифференциации ответственности в уголовном праве, прежде всего законодательной регламентации квалифицирующих обстоятельств составов экономических преступлений.

Специфика построения норм об экономических преступлениях, особенности их конструирования не всегда могут дать правильное представление о структуре такой нормы. В частности, в уголовном праве Англии отсутствует представление (в понимании российской правовой доктрины) о квалифицирующих признаках преступления. Однако, несмотря на то что сам законодатель отказывается от построения уголовно-правовых норм путем выделения отдельных способов или иных при-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00155а.

© Соловьев О. Г., 2013

знаков в фелонии, включенных в эту же статью, мы можем проследить определенные закономерности влияния некоторых видов более опасных (квалифицирующих) обстоятельств преступного поведения на: 1) процесс конструирования норм, содержащих составы преступлений в сфере экономической деятельности; 2) особенности квалификации экономических посягательств.

Построение уголовно-правовых норм английским законодателем иногда осуществляется следующим путем: конструируется норма, охраняющая определенные интересы и общественные отношения, описываются признаки объективной стороны, но, если аналогичные действия могут быть совершены иным субъектом (например, в составах, посвященных «отмыванию» денежных средств) или более опасным способом, законодатель выделяет специальный однородный состав, описывающий казуистично сходное деяние, порой с выделением одного, за редким исключением нескольких, квалифицирующих признаков.

Закрепление иного, более опасного, криминального поведения путем выделения отдельных квалифицирующих признаков за счет расширения количества специальных составов имеет целый ряд недостатков. Во-первых, численность всех норм, содержащих экономические преступления, будет постоянно расти, а, во-вторых, если преступление совершено при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств, закрепленных в разных нормах, то образуется излишняя конкуренция норм, которая для уголовного права недопустима.

Заметим, что те признаки, которые английский законодатель выделяет по сути как квалифицирующие, существенно отличаются от российских аналогов. Различия в выделении этих признаков связаны с особым вниманием английского уголовного права прежде всего к способу совершения преступления. Более опасный способ совершения посягательства закреплен практически во всех квалифицированных составах экономических преступлений.

Наиболее распространено в английском уголовном праве указание на такие квалифицирующие обстоятельства, как обманные или мошеннические способы. Наличие подобного способа имеет существенное значение при регламентации санкции, например за уклонение от уплаты налогов. Так, положение Закона о порядке уплаты налогов определяет: «...в вышеперечисленных случаях

лицо обязано уплатить разницу между суммой причитающегося налога и той суммой, которую он уплатил. Если указанные действия носили мошеннический характер, то размер дополнительного платежа удваивается» [1]. Характерно, что применение принципа кратности относительно нанесенного ущерба будет применяться только в случаях наличия мошеннического характера действий. К тому же более сложное и опасное поведение лица, целью которого является уклонение от уплаты налогов, будет нести дополнительную ответственность (помимо штрафа, указанного в конкретной статье), размер санкций будет напрямую зависеть от доходов и размера имущества конкретного лица, что, по нашему мнению, является удачной чертой техники конструирования норм об экономических преступлениях.

Однако указание на более опасный способ посягательства не всегда оправдано, в особенности когда деяние не наносит реального материального или иного ущерба, но формально содержит все признаки мошеннического преступного поведения. На языке отечественного уголовного права формальный, иногда даже без указания на количественные характеристики размаха преступной деятельности, по конструкции состав экономического преступления может быть квалифицированным лишь при наличии признаков обмана или злоупотребления доверием. Конечно, это вызывает сложности в правоприменительной практике. Тем более, представление о мошенническом способе в английской доктрине достаточно размыто, во многом субъективно и зависит от конкретного судебного толкования, поскольку термин «мошенничество» законодательно не определен и формируется на базе достаточно неопределенных в своей дефиниции признаков.

Для российского уголовного права, напротив, указание при регламентации криминообразующих или квалифицирующих признаков в «материальных» составах на размер ущерба, а в «формальных» – на объем противоправного поведения – основной критерий для большинства деяний, закрепленных в гл. 22 УК РФ. Что же касается размера ущерба как дифференцирующего признака в уголовном праве Англии, то он имеет значение прежде всего для определения подследственности. Так, к компетенции Serious Fraud Office относятся коммерческие преступления, ущерб от которых составляет более 300 тыс. фунтов [2]. Более того,

по ряду экономических посягательств для признания деяния лица преступным вообще не нужно доказывать факта причинения вреда. По нашему мнению, отсутствие в уголовном праве Англии такого квалифицирующего признака, как определенный размер ущерба, является серьезным недостатком, поскольку для большинства преступлений в сфере экономической деятельности степень общественной опасности будет в значительной мере зависеть от негативных последствий. Значимость ущерба английским законодателем не учитывается. Она замещается на практике системой кратности мер ответственности относительно ущерба. Например, штраф за невыполнение таможенных правил назначается в трехкратном размере от стоимости провозимых товаров [3]. Таким образом, отсутствие глубокой законодательной дифференциации ответственности в английском уголовном праве замещается судебной практикой индивидуализации наказания.

Квалифицирующим признаком многих преступлений в сфере экономической деятельности по уголовному праву России является признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору. Как ни странно, именно объединение нескольких физических лиц для совершения преступления в сфере экономической деятельности не расценивается английским законодателем как более опасная форма совершения преступления, хотя в составах, посвященных налоговым преступлениям, преступлениям в сфере банковской деятельности, предусмотрены более высокие штрафы для юридических лиц [4].

Институт соучастия в английском уголовном праве ограничивается: а) описанием в доктрине тех субъектов, которые в ходе содействия совершения преступления в последующем будут привлечены к уголовной ответственности; б) проблемами индивидуализации наказания в зависимости от роли соучастника; в) достаточно необычным положением о неосторожном причинении вреда несколькими субъектами.

Объединение физических лиц в целях совершения преступления в сфере экономической деятельности по своей природе более опасно, чем совершение этого же преступления одним лицом. Выделяя квалифицированные составы по признакам способа, цели, предмета преступления, английский законодатель не использует одно из наиболее распространенных и востребован-

ных квалифицирующих обстоятельств – группу лиц. К примеру, в УК РФ большинство составов гл. 22 предусматривают такие квалифицирующие признаки, как «деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору» либо «...организованной группой». Несомненно, если участники преступления будут оказывать помощь друг другу, объединять усилия в целях совершения преступления, их действия, бесспорно, будут более опасны, чем действия одного лица. Это особенно характерно для посягательств в экономической сфере.

Для некоторых составов квалифицирующим признаком будет наличие юридического лица, выступающего в качестве субъекта преступления, однако в понимании английского уголовного права ответственность юридического лица либо может быть опосредованной относительно действий физического лица, либо отождествляться с действиями его руководителя.

Преступление в сфере экономической деятельности, совершенное действием, влечет более строгое наказание, чем преступления с пассивной формой поведения преступника. Заметим, что это характерно и для других видов преступлений. На наш взгляд, выделение активного поведения как более опасного элемента деяния, а по сути квалифицирующего обстоятельства не совсем удачно, так как не отражает реальную степень общественной опасности содеянного. Например, в Законе о порядке уплаты налогов разграничение составов с пассивными и активными формами поведения сводится к разграничению санкций за них [5]. Однако при отсутствии такого дифференцирующего признака, как определенный размер ущерба, реальная картина применения данных норм заключается в том, что активная форма поведения с незначительными суммами неуплаченных налогов будет квалифицироваться судами всегда как более опасная, чем с пассивной формой, но с большим размером ущерба.

В итоге отметим, что некоторые положительные моменты в выделении и описании некоторых квалифицирующих признаков в английском уголовном праве имеют место, однако присутствует и целый ряд существенных недостатков: во-первых, отсутствие системы квалифицирующих признаков и единообразия их отражения в диспозициях статей; во-вторых, некоторые значимые для уголовного закона квалифицирующие обстоятельства,

характеризующие определенный размер ущерба или группу лиц; в-третьих, законодатель иногда излишне акцентирует внимание на способах совершения преступления как квалифицированном виде поведения. Данные признаки, выступающие в качестве усиливающих ответственность, далеко не всегда отражают более высокую общественную опасность содеянного, при этом судебная практика трактует их зачастую излишне широко и достаточно субъективно.

Список использованной литературы

1. Tax Management Act 1970. S. 41 // Great Britain Great Britain Statutory Publications. 1970. P. 34.
2. SFO Annual Report. 2001. P. 34. URL: <http://www.sfo.gov.uk>.
3. Financial Services Act. 1986. S. 33 // Great Britain Statutory Publications. 1986.
4. Ashton S. R. V. 164 // Court of Appeal: Criminal Division (England and Wales). 1998.
5. Tax Management Act 1970. P. 45.

В статье рассматриваются особенности конструкции семейно-правовой ответственности, в том числе отличающей ее от ответственности в гражданско-правовой сфере.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность; особенности; актуальные аспекты.

In the article features of construction of family and legal responsibility, including distinguishing it from responsibility in the civil sphere, are considered

Key words: family and legal responsibility; features; topical aspects.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniylar.ac.ru

Семейно-правовая ответственность – актуализация конструкции*

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nant@univ.uniylar.ac.ru

Family and Legal Responsibility – Updating Construction

Scientific article

Несмотря на доминирующее положение идеи о суверенности семейного права как отрасли права [1] и тем более отрасли законодательства, ни в первом ни во втором своем воплощении оно не имеет развитого института семейно-правовой ответственности. Разумеется, с одной стороны, понятие последней и основные ее постулаты проистекают из теории права и гражданского права («материнской» отрасли). С другой стороны, коль скоро семейные правоотношения весьма специфичны (по субъектному составу, преобладанию лично-правового контекста, тесному взаимодействию формально-юридических и нравственных начал и др. [2]), а Семейный кодекс претендует хотя бы на относительно системное нормирование отношений с семейным элементом, хотелось бы видеть в его Общей части констатации принципов и мер семейно-правовой ответственности во взаимодействии с мерами защиты.

Опираясь на положения о том, что семейно-правовая ответственность, как и иные виды, возникает из правонарушения (допущение безвиновного основания есть либо необоснованная фикция, либо смешение данного института с мерами защиты), не включает исполнение обязанностей под при-

нуждением (Н. С. Малейн [3] и др.), а состоит в обязанности претерпевания неблагоприятных последствий в виде лишения (ограничения) прав или наложения дополнительных обременений, цивилисты подчеркивают несколько особенностей ее проявления в семейно-правовой сфере: 1) она применяется только в отношении членов семьи (не третьих лиц!), участников уже существующих семейных правоотношений (Е. М. Ворожейкин, М. В. Антокольская [4] и др.); 2) не обусловлена, как правило, наступлением последствий (вреда) в силу личного характера семейно-правовых связей [5]; 3) ключевой мерой семейно-правовой ответственности является лишение или ограничение права, а не имущественного «претерпевания»¹;

¹ Е. А. Крашенинников, в рамках современной дискуссии о понятии гражданско-правовой ответственности, подчеркивает, что известное определение С. С. Алексеева понятия юридической ответственности как «обязанности лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершение правонарушения в форме лишения личного, организационного или имущественного порядка» не является универсальным (а следовательно, и верным), так как гражданско-право-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 12-03-00521-а.

4) одна и та же санкция, на основании конкретных обстоятельств дела, квалифицируется либо как мера защиты, либо как мера ответственности (например, ограничение родительских прав, отмена усыновления, ограничение родителей или других родственников в праве на общение с ребенком и т. д.).

К неочевидным относятся констатации некоторых цивилистов о квалификации тех или иных санкций в качестве мер (не мер) ответственности. Полагаем, что данная квалификация должна быть более гибкой – в зависимости от ситуации, к которой применяется семейно-правовая норма, собственно ситуационной, как правило и являющейся (К. И. Комиссаров и др.) [7]. Например, уменьшение судом доли одного из супругов при разделе совместно нажитого имущества в обоих указанных законом случаях (п. 2 ст. 39 СК РФ), как правило, зиждется на противоправном виновном поведении (качество противоправности базируется не на обязанности трудиться, а на супружеских обязанностях, предусмотренных нормой п. 3 ст. 31 СК РФ). Аналогичная квалификация допустима (в противовес мнению А. П. Сергеева и др. [8]) относительно последствий для недобросовестной стороны при признании недействительными тех или иных семейно-правовых актов (односторонне фиктивного брака, фиктивной опеки и т. п.), поскольку именно она лишается полученного по сделке так желанного ею блага (конечно, неблагоприятные последствия могут затронуть и интересы добросовестного субъекта, однако, во-первых, не всегда, а во-вторых, на то он – и потерпевшая сторона, защита которой может иметь эффект «бумеранга»).

Спорным является утверждение, пусть и не без доли сомнения самих авторов (А. М. Нечаева [9] и др.), о том, что лишение родительских прав (в их действующей конструкции) всегда суть мера ответственности: хронический алкоголизм или наркомания – весьма специфичные характеристики состояния субъекта, близкие или равные фактической недееспособности, поэтому указанные основания ответственности представляет собой «обладающую способностью быть исполненной под воздействием государственного принуждения охранительную гражданскую обязанность правонарушителя, реализация которой влечет для него лишения имущественного характера» [6].

Данная позиция усиливает особенности семейно-правовой ответственности (в сравнении с гражданско-правовой), характеризующейся доминированием публично-правовых элементов, императивных начал, как и метод семейно-правового регулирования в целом.

ния в зависимости от наличия (отсутствия) состава правонарушения в одних случаях могут рассматриваться как мера защиты, в других – в качестве меры ответственности. Кроме того, при объективной противоправности деяния следует переходить с санкции о лишении права на его ограничение, а в особых случаях выделять в самостоятельную нормативно-правовую позицию, не исключающую и самых жестких мер – с целью защиты жизненно важных интересов личности (в нашем случае ребенка) и общества.

В дискуссионном поле находится тезис о признании неэтичного (аморального) поведения в качестве противоправного только в случаях, прямо указанных в законе (М. В. Антокольская [10]). Однако, например, передача ребенка по решению суда другому родителю в связи с аморальным образом жизни первого может рассматриваться как мера ответственности; аналогичное поведение опекуна, приемного родителя ведет к прекращению опеки или договора о приемной семье и т. п. – и при этом прямое указание закона на данный счет (и по данному основанию) отсутствует. Те же обстоятельства, проявляющиеся при общении ребенка с отдельно проживающим родителем или близкими (и другими) родственниками, служат предпосылкой судебного решения об ограничении или запрете такого общения и т. д.

Вопреки позиции М. В. Антокольской возмещение морального вреда не является для семейно-правовой сферы универсальной конструкцией: ограниченность субсидиарного применения норм гражданского законодательства (вследствие личного характера и иных особенностей семейных правоотношений) не ведет к подобному толкованию, в том числе и посредством, как показывает практика, судебного усмотрения. Расширение границ указанной возможности, а также иные усовершенствования рассматриваемого института в целом должны осуществляться в рамках уточнения позиции законодателя по общим и частным вопросам семейно-правовой ответственности.

Коль скоро специфичны проявления не только данной конструкции, но и мер защиты (в собственном смысле, то есть не составляющих мер ответственности), по-прежнему актуальной остается проблема установления и отслеживания системной демаркационной линии между ними, где в качестве главного «штрих-кода» выступает универсальная конструкция вины. В принципе публично-правовые и частноправовые ее трактовки весьма сходны.

Что касается семейного права, как справедливо замечает М. В. Антокольская, то, несмотря на отсутствие в данной области юриспруденции (прежде всего отрасли законодательства) указания на формы вины, деление последней на умышленную и неосторожную (простую и грубую) косвенно в ней присутствует. Например, когда суд применяет ограничение родительских прав вместо заявленного в иске лишения (п. 1, ч. 2, п. 2 ст. 73 СК РФ), он с очевидностью оценивает и учитывает и объективную, и субъективную стороны ситуации – в их разнообразии. В указанных нормах дифференциация вины, пусть и без четкого словесного обозначения, присутствует явственно. Напротив, в аналогичных ситуациях правоотношений усыновления (удочерения) вина, при отмене усыновления (удочерения²), просматривается в излишне обобщенном (и даже латентном) виде, что вряд ли целесообразно. Недаром в судебной практике встречаются случаи переквалификации отмены усыновления на ограничение усыновления, хотя такая возможность не предусмотрена семейным законом. Применение по аналогии норм о лишении и ограничении родительских прав на том основании, что усыновление (удочерение) и родительство – правоотношения юридически однопорядковые (п. 1 ст. 137 СК РФ), практически эффективно, но юридически сомнительно, ибо в исходных нормах, как мы уже отмечали, присутствуют не только (и не столько) меры защиты, но и меры ответственности. Распростра-

² Повторением варианта в скобках мы намеренно подчеркиваем одну из терминологических «толстостей» семейного закона: глава 19 называется «Усыновление (удочерение) детей», в п. 1 ст. 124 данное удвоение фиксируется, а в последующих статьях «пошла писать губерния»..., то есть употребляется только термин «усыновление», а значит, формально все конкретные нормы предназначены для мальчиков. Вот уж воистину без всякой к тому необходимости, а исключительно по небрежности создается почва для гендерных «подтанцовок»...

нить же положения о последних посредством аналогии закона не принято по принципиальным соображениям. Почему бы в этом вопросе, коль скоро соответствующая потребность судебной практики обнаружена и имеет под собой основания, не среагировать *de lege ferenda*? Систематизации и дифференциации должны подвергнуться и другие аспекты взаимодействия мер семейно-правовой защиты и ответственности: законодателю всего лишь нужно осознать необходимость и проявить свободную (в силу этого осознания) волю к возведению в закон усовершенствований рассмотренных институтов. Желательно не посредством «латания дыр», а путем системного изменения комплекса нормативно-правовых позиций.

Список использованной литературы

1. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 4–62.
2. Ворожейкин Е. М. Семейное право как самостоятельная отрасль права // Совесткое государство и право. 1967. № 4. С. 29–37.
3. Малеин Н. С. Защита семейных прав // Там же. 1972. № 3. С. 35–36.
4. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Норма Инфра-М, 2010. С. 79–80.
5. Там же.
6. Крашенинников Е. А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 5. С. 11.
7. Тарусина Н. Н. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 68–81.
8. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М.: Велби, 2009. С. 111–112.
9. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юрист, 2006. С. 193–194.
10. Антокольская М. В. Указ. соч. С. 79.

УДК 34.03

В работе представлены результаты изучения правовой природы юридической ответственности. Сформулирован комплексный подход к её определению. Дано расширительное толкование позитивной юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность; негативная (ретроспективная) ответственность; позитивная (проспективная) ответственность.

In this paper the results of legal nature of judicial responsibility research are presented. The complex approach to its definition is given. The author suggests a wide interpretation of the positive judicial responsibility.

Key words: judicial responsibility; negative (retrospective) responsibility; positive (prospective) responsibility.

А. В. Томашова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: asichcool@mail.ru

Сущность позитивной юридической ответственности (дискуссионные аспекты проблемы)

Научная статья

А. V. Tomashova

P. G. Demidov Yaroslavl State State University

E-mail: asichcool@mail.ru

The Legal Essence of Positive Judicial Responsibility (discussion aspects of the problem)

Scientific article

В многообразии теоретических проблем гражданско-правовой ответственности одно из центральных мест занимает вопрос о так называемой позитивной ответственности. Сторонники широкого понимания юридической ответственности выделяют в ней две составляющие: позитивную (проспективную) ответственность, состоящую в обязанности добросовестно реализовывать определенную правом деятельность, и негативную (ретроспективную) ответственность, наступающую в виде неблагоприятных последствий за невыполнение возложенных функций.

Одним из первых обратил внимание на позитивную юридическую ответственность В. Г. Смирнов, который полагал, что она проявляется не только в связи с правонарушениями, но и реализации осуществления правомерных деяний [1].

В последующие годы сложилось понимание позитивной ответственности как осознания необходимости добросовестного, инициативного выполнения требований закона, связанного с правомерным поведением субъектов права, с реализацией ими требований правовых норм [2].

Как отмечает Д. Липинский, «юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, следовательно, имеет две формы реализации: государственно-принудительную (негативную) и добровольную (позитивную)» [3]. Если негативная юридическая ответственность главным образом обращена в прошлое, так как наступает в результате нарушения, неисполнения юридической обязанности и потому часто называется ретроспективной, то позитивная юридическая ответственность выступает в качестве регулятора общественных отношений в настоящем и будущем. Поскольку оба аспекта юридической ответственности диалектически взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, то, по справедливому замечанию Т. Д. Зражевской, исключительно ретроспективный подход не может полностью раскрыть роль правовой ответственности, поэтому в качестве юридического следует рассматривать также перспективный аспект [4].

Таким образом, необходимо заметить, что юридическая ответственность как форма социальной ответственности имеет различные стороны проявления и должна рассматриваться комплексно.

Позитивная ответственность сопряжена со свободой личности, т. е. возможностью выбрать свою линию поведения, самостоятельно определить направленность своих поступков [5]. При таком подходе свобода выступает как осознанная и ответственная деятельность, основанная на познании необходимости и свободном выборе. Свободный выбор цели и средств ее достижения предполагает ответственность соответствующих субъектов. Правильное понимание лицом возложенных на него обязанностей, обуславливающих надлежащее отношение к обществу, другим лицам, составляет субъективную сторону рассматриваемого аспекта юридической ответственности. Объективная сторона выражается в поведении, основанном на внутренних побудительных мотивах. Все это предполагает правомерное социально активное поведение соответствующих субъектов. Следовательно, юридическую ответственность нельзя представлять только как меру воздействия за правонарушение. Она будет неполной без позитивных элементов, которые способствуют сознательному и активному выбору субъектами моделей правомерного поведения.

Возникновение в отечественной юридической науке первых подходов к пониманию юридической ответственности как комплексного явления было связано с понятием ответственного поведения. Как писал Н. И. Матузов, «ответственное поведение – это такое поведение, которое характеризуется глубоким осознанием необходимости следовать требованиям правовых и моральных норм, уважением к закону, праву и предполагает активное влияние на ход событий, вклад в общее дело, в развитие общества» [6].

Существует также точка зрения, согласно которой позитивная ответственность рассматривается как «неуклонное и добросовестное исполнение своих обязанностей лицом, на которое эти обязанности возложены в силу закона» [7]. В этом определении акцент сделан на моральной стороне позитивной ответственности, на определенном отождествлении права и закона. Однако представляется невозможным ограничивать позитивную ответственность только ее морально-нравственной составляющей, хотя нормы морали и играют в позитивной ответственности важную роль. Как справедливо отмечает Н. В. Витрук, позитивную ответственность следует рассматривать как обязанность субъекта права давать отчет в своих действиях. Согласно данной точке зрения, «позитивная ответственность означает понимание ее субъек-

том того груза, который он несет на своих плечах, понимание того, что придется нести определенные лишения, если он не справится с возложенной задачей» [8].

Сегодня концепция позитивной ответственности, с одной стороны, находит все больше сторонников среди отечественных правоведов [9], с другой – подвергается серьезной критике. Так, например, Р. Л. Иванов отмечает, что указанный подход является апологией, казалось бы, давно отвергнутой цивилизованным обществом идеи юридической ответственности за образ мыслей и чувств, широко представленный в европейских памятниках средневекового права [10]. Такое положение заставляет исследователей заниматься дальнейшим анализом теоретических проблем позитивной ответственности, результатом чего стало смещение акцентов с субъективной стороны поведения на объективную сторону человеческой деятельности. Под позитивной ответственностью предлагается понимать любое правомерное поведение, связанное с исполнением обязанностей [11]. Такой подход также вызывает справедливую критику, поскольку вопросы правомерного поведения вполне успешно могут быть рассмотрены вне понятия позитивной ответственности, без подмены одного понятия другим.

Противоречие существующих точек зрения объясняется тем, что к проблемам позитивной ответственности исследователи нередко подходят с тех же позиций, с которых они анализируют негативную ответственность. Как справедливо указывает А. С. Булатов, «к позитивной ответственности нельзя подходить с мерками негативной, так как с этих позиций ее не понять. Это особый феномен, выражающий иные связи и отношения. Соответственно здесь должны применяться другие оценки и критерии. В противном случае можно было бы довольствоваться одной лишь ретроспективной ответственностью» [12].

На основании вышеизложенных положений стоит согласиться с теми авторами, которые предлагают говорить о юридической ответственности в узком и в широком смысле. Рассматривая юридическую ответственность в узком смысле, правильно будет определить ее как предусмотренную санкцией правовой нормы меру государственного воздействия на лицо, виновное в совершении правонарушения, и предусматривающую для данного лица определенные лишения материального, личного или организационного характера. Юридичес-

кая ответственность в широком смысле – это государственно-правовая оценка поведения субъектов права с возложением на них позитивных или негативных санкций.

Список использованной литературы

1. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 21.
2. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 191–216; Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 23–31 и др.
3. Липинский Д. Взаимосвязь функций юридической ответственности // Право и жизнь. 2002. № 48. С. 31.
4. Зражевская Т. Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 20–21.
5. Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 459.
6. Матузов Н. И. Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности личности // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 143.
7. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2006. С. 489.
8. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 362.
9. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 195.
10. Иванов Р. Л. Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 97.
11. Гревцов Ю. И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 196.
12. Булатов А. С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985. С. 15.

УДК 343.11

В статье исследуются различные подходы к выработке понятия средств дифференциации ответственности в уголовном праве, анализируются перечни таких средств в Общей и Особенной частях УК РФ. Автором сделаны предложения о переводе ряда характерных для многих составов преступлений квалифицирующих обстоятельств из Особенной в Общую часть Кодекса.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; дифференциация; индивидуализация; средства; обстоятельства; квалифицирующие признаки.

In article various approaches to development of concept of means of differentiation of responsibility in criminal law are investigated, lists of such means in General and Especial part of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. Author of the offer on transfer of some characteristic crimes for many structures of qualifying circumstances from Especial in the General part of the Code.

Key words: the criminal liability; crime structure; differentiation; an individualization; means; the circumstances; qualifying signs.

А. Е. Дубков

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: a_dubkov@mail.ru

Особенности регламентации средств дифференциации ответственности в УК РФ

Научная статья

A. E. Dubkov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: a_dubkov@mail.ru

Features of Regulating Means of Responsibility Differentiation in the Criminal Code of the Russian Federation

Scientific article

В настоящее время в теории уголовного права выделяются не только *средства*, но и *обстоятельства* дифференциации [1]. К первым из них относятся все нормы и положения, в которых законодатель однозначно отразил направление изменения типовой ответственности, т. е. ответственности за преступления с основным составом для типового субъекта [2]. Под вторыми следует понимать изложенные в законе условия применения средств дифференциации.

Заметим, что в юридической литературе нет единства в определении перечня дифференцирующих средств, имеющих в Уголовном кодексе. Так, широкой трактовки средств дифференциации ответственности придерживается В. С. Минская, которая относит к ним практически все нормы и институты Общей части уголовного закона: категоризацию преступлений, форму вины, добровольный отказ, виды наказаний, назначение наказания

и освобождение от уголовной ответственности и наказания и т. д. [3].

Т. А. Лесниевски-Костарева, напротив, неоправданно ограничивает круг средств дифференциации уголовной ответственности и относит к ним только: 1) квалифицирующие и привилегирующие признаки; 2) общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности [4]. Исходя из этого, она критикует позицию П. В. Коробова, признающего в качестве средства дифференциации ответственности институт освобождения от наказания (гл. 12 УК) [5]. По существу, указывает Т. А. Лесниевски-Костарева, в этом случае не дифференцируются ни уголовная ответственность, ни типовое наказание, они остаются постоянными. Однако этап назначения наказания уже пройден, и можно говорить об этапе индивидуализации [6].

Полемизуя с ней, Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский отмечают, что она несправедливо отка-

зывает в праве называться дифференцирующими многим институтам Общей части УК, например институту освобождения от наказания, полагая, что речь в нём идёт об индивидуальной степени общественной опасности, а не о типовой. Но если признаки общественной опасности деяния или лица, его совершившего, типизированы и закреплены в законе, то почему речь должна идти об индивидуализации? [7].

Несомненно, что институт освобождения от наказания необходимо отнести к средствам дифференциации. Индивидуализацией же в этом случае нужно считать «маневрирование» правоприменителя в рамках ст. 79–83 УК. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК при замене неотбытой части наказания суд может избрать *любой более мягкий* вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в ст. 44 УК. Именно выбор судом конкретного варианта, предлагаемого уголовно-правовой нормой, с учётом конкретных обстоятельств и применение этого выбора к конкретному лицу и есть *индивидуализация* ответственности.

Более спорным выглядит вопрос о том, считать ли средством дифференциации институт освобождения от уголовной ответственности. Категорически возражает против этого (как и против того, чтобы признавать дифференциацией ответственности освобождение от наказания) М. Н. Каплин, который пишет, что «уголовной ответственностью может являться лишь реальная мера, а не освобождение от неё. Соответственно, дифференцировать то, чего нет, невозможно» [8]. Напротив, иные исследователи прямо относят институт освобождения от уголовной ответственности к средствам дифференциации [9]. Освобождение от уголовной ответственности и наказания, пишет А. В. Васильевский, является наиболее *радикальным средством дифференциации ответственности* [10]. При этом к дифференцирующим средствам не всегда относятся как общие виды освобождения от уголовной ответственности, так и специальные виды, закреплённые в Особенной части УК. Так, П. В. Коробов считает, что специальные виды освобождения не относятся к проявлениям дифференциации уголовной ответственности «из-за специфики оснований их применения» [11]. Некоторые исследователи усматривают в освобождении от уголовной ответственности не дифференциацию, а индивидуализацию уголовной ответственности [12]. Несомненно, подобный вывод не соотносится с правовой природой института осво-

бождения от уголовной ответственности как института, закреплённого *законодателем в уголовном законе* и применяемого к неопределённому кругу лиц. Отнесение освобождения к индивидуализации либо к дифференциации имеет важное теоретическое и практическое значение. От решения данного вопроса зависит, например, определение оснований освобождения от уголовной ответственности. Как известно, основанием индивидуализации ответственности выступает прежде всего *индивидуальная* степень опасности содеянного и личности виновного; основаниями дифференциации (как мы уже отмечали) являются *характер* и *типовая* степень общественной опасности содеянного и *типовая* степень общественной опасности личности.

Полагаем, что к средствам дифференциации ответственности необходимо относить институт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, как это делает А. В. Васильевский [13]. Однако М. Н. Каплин ставит под сомнение этот вывод и полагает, что не все обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и 62 УК, необходимо относить к рассматриваемым средствам [14]. Представляется, что подобное утверждение в определённой степени верно лишь по отношению к институту отягчающих обстоятельств. Дифференцирующими могут быть любые смягчающие обстоятельства, характер действия которых либо прямо определён в законе (ст. 62 УК), либо те, которые могут быть признаны судом исключительными (ст. 64 УК), либо те, которые учитываются при назначении наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65 УК). Из отягчающих обстоятельств чёткий дифференцирующий характер влияния имеет, пожалуй, только рецидив (ст. 68 УК). Однако с учётом положений ст. 62 и ч. 4 ст. 65 УК опосредованное дифференцирующее воздействие, на наш взгляд, могут оказывать любые отягчающие обстоятельства. Учитывая изложенное, следует напомнить, что Л. Л. Кругликовым предлагалось выделить промежуточную, «буферную» группу обстоятельств. От обычных смягчающих и отягчающих они отличаются тем, что влекут возникновение новой санкции, иных законодательных пределов назначения наказания (например, применительно к рецидиву, несовершеннолетию и т. п.). От квалифицирующих (привилегирующих) обстоятельств их отличает нейтральность в части влияния на квалификацию содеянного, невыполнение ими функции основания ответственности [15].

Таким образом, к средствам дифференциации уголовной ответственности, регламентированным

в УК РФ, мы относим: в Общей части – 1) институт рецидива преступлений, 2) возраст субъекта преступления, 3) форму вины, 4) институт стадий преступной деятельности, 5) институт соучастия, 6) институт смягчающих и отягчающих обстоятельств, 7) институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, в Особенной части – 1) разделы и главы УК, 2) общие и специальные составы, 3) квалифицированные и привилегированные составы – те, в которых законодательно закреплены дифференцирующие обстоятельства, ведущие по сравнению с родственным простым составом преступления к увеличению (уменьшению) степени общественной опасности содеянного (и личности виновного), соответственно изменяющие правовую оценку содеянного; 4) специальные виды освобождения, закреплённые в примечаниях к статьям Особенной части УК.

Список использованной литературы

1. Кругликов Л. Л. О дифференциации ответственности за экономические преступления с помощью средств Общей части УК РФ // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 5. Ярославль, 2001. С. 163.
2. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 88.
3. Минская В. С. Дифференциация уголовной ответственности в УК РФ // Уголовное право. 1998. № 3. С. 18–24.
4. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 175–178.
5. Коробов П. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). Ярославль, 1995. С. 8.
6. Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 176.
7. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 169.
8. Каплин М. Н. Сущность дифференциации уголовной ответственности // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2001. Вып. 5. С. 177.
9. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2000. С. 18–19; Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 178.
10. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19.
11. Коробов П. В. Указ. соч. С. 3.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 2002. С. 19; Сверчков В. В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания) // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 37.
13. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности и наказания в Общей части уголовного права. С. 170–171.
14. Каплин М. Н. Указ. соч. С. 180.
15. Кругликов Л. Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995. С. 54–57.

УДК 343.2/.7

В статье рассмотрены теоретические аспекты правовой природы юридической техники в уголовном законодательстве, ее виды, взаимодействие и их соотношение между собой и с юридической техникой как родовой категорией, исследованы сферы функционирования и применения последней.

К л ю ч е в ы е с л о в а : юридическая техника; виды; законодательная, интерпретационная, правоприменительная техника.

The article deals with the theoretical aspects of the legal nature of the legal technique in the criminal law, its types, the interaction and the relationship between them, and with a legal technique as a generic category. It also investigates scope of functioning and application of the latter.

К e y w o r d s : legal techniques; forms; legal, interpretation, law enforcement machinery.

О. Л. Строганова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: shifoner_ok@mail.ru

Юридическая техника в уголовном законодательстве: некоторые аспекты её содержания, разновидности и их соотношение

Научная статья

O. L. Stroganova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: shifoner_ok@mail.ru

Legal Techniques in the Criminal Law: Aspects of the Concept's Content, its Variants and Their Correlation

Scientific article

В последние годы в условиях динамичного изменения уголовного законодательства возрастает значение юридической техники и, как следствие, усиливается внимание к её проблемам в правовой литературе. И это вполне объяснимо: игнорирование юридической техники, её недооценка или неэффективное использование могут привести к пробелам, противоречиям и коллизиям между уголовно-правовыми нормами, разночтениям и спорам, повлечь ошибочное толкование, а затем и неверное применение закона, что отнюдь не способствует повышению авторитета права.

Несмотря на то что вопросам юридической техники посвящено множество трудов, о ее устойчивости понятия говорить еще рано. Суммируя суждения авторов о правовой природе исследуемого явления, можно выделить две основные точки зрения. Согласно первой, юридическая техника – это *совокупность* средств, приемов, методов, правил. По вопросу об указанных компонентах техники мнения исследователей разнятся. К ним относят средства (например, применяемые при разработке, разъяснении, применении, совершенс-

товании и систематизации актов [1]); средства и приемы (используемые для разработки уголовного законодательства [2]); приемы, правила и методы (применяемые при разработке содержания, структуры актов и их претворении в жизнь [3]) и т. д. В соответствии со второй точкой зрения юридическая техника – это система правил, средств, приемов, методов. Здесь идет речь о правилах (к примеру, формирование правового материала [4]); средствах, правилах, приемах, требованиях (подготовки и упорядочения правовых актов [5]); средствах, способах, методах и приемах (используемых при создании актов [6]) и пр.

Изложенное свидетельствует, что, несмотря на многообразие подходов к исследуемому явлению, суть их сводится к одному: под юридической техникой в уголовном законодательстве надлежит понимать средства, приемы, правила, методы, используемые на различных стадиях правовой деятельности – при возведении правотворцем государственной воли в уголовный закон, её формировании и закреплении в общеобязательных предписаниях, в процессе толкования уголовно-правовых норм и пр.

Уяснение содержания изучаемого понятия через призму данных определений порождает вопросы о сфере функционирования и применения юридической техники. При этом позволим себе согласиться с мнением большинства о выделении в данном русле двух подходов: широкого, когда ее отождествляют с правом в целом либо полагают, что она лежит в его основе, либо реализуется на нескольких стадиях правовой деятельности (в сферах правообразования, правоприменения и интерпретации [7], правотворчестве и правоприменении [8] и т. д.), и узкого, когда считают, что юридическая техника присутствует лишь в одной сфере права – правотворчестве [9], правоприменении [10] и пр.

В настоящее время все большее признание находит мысль, что исследуемая техника наличествует практически во всех сферах уголовного права, в связи с чем обоснованным является выделение ее различных видов, при этом важнейшим из них считается техника законодательная. Обращает на себя внимание понимание последней (как и юридической техники) в узком и широком смысле (так называемый дуализм в трактовке). Сторонники широкого подхода наряду с техническими операциями по созданию нормативных предписаний пытаются объять ее понятием и иные правотворческие компоненты: правила утверждения и опубликования проектов [11], приемы, методы, способы создания и изменения систем правовых актов [12]. При узком подходе под законодательной техникой подразумевают стадию собственно технического построения норм [13], совокупность средств, приемов и т. д., задействуемых в процессе выработки нормативных актов [14] и пр. Поскольку при широкой трактовке законодательная техника фактически растворяется в понятии уголовного правотворчества, мы придерживаемся ее узкого понимания, исключая процедурно-процессуальные моменты той или иной стадии законотворчества. Некоторые исследователи отождествляют законодательную технику с юридической [15], что не вполне точно, поскольку последняя – понятие более широкое, родовое.

К одному из видов юридической техники справедливо относят и технику толкования, поскольку сущностные признаки исследуемой техники характерны для всех ее разновидностей; в том числе и для интерпретационной техники инструменты последней призваны обеспечивать синхронность между смыслом, закладываемым законодателем, и смыслом, открываемым интерпретатором (особая необходимость адекватного толкования именно

уголовного закона бесспорна, она вызвана общим характером норм права, репрессивностью уголовного законодательства, системностью уголовно-правовых норм и пр.).

Невозможно не признать тесную взаимосвязь интерпретационной и законодательной техники, поскольку средства одной из них, по сути, выступают в качестве средств второй (конструкции составов преступлений, санкций статей Особенной части УК, презумпции повышенной (пониженной) степени общественной опасности преступления и пр.). Знание приемов, средств построения уголовно-правовых норм служит прочной основой толкования закона. Однако не только обращение к законодательной технике при толковании, но и учет потребностей и правил последнего при использовании арсенала законодательной техники должны происходить в их единстве и с учетом специфики и потребностей каждого из двух видов техники.

В научной среде существует мнение, что интерпретационная техника является разновидностью правоприменительной. Представители данной позиции утверждают, что любое толкование преследует цель обеспечить правильное применение законов при рассмотрении конкретных дел, оказывает опосредованное воздействие на решение через правоприменяющего субъекта, следующего пониманию, выраженному в результате толкования¹. Но разъяснение смысла уголовного закона само по себе играет важную роль в правоприменительной деятельности, содействует его единообразному пониманию и применению всеми субъектами права, поэтому мы выражаем солидарность с теми, кто считает интерпретационную технику также самостоятельным видом юридической [17].

Уголовно-правовые нормы существуют для того, чтобы целенаправленно воздействовать на волю и сознание людей, побуждая их вести себя так, как предписывает законодатель. Через поведение участников общественных отношений достигаются результаты, которых законодатель, издавая эти нормы, намерен добиться. Законодательная техника направлена на создание нужных обществу предписаний уголовно-правового характера. Для точного же их воплощения в жизнь необходима правоприменительная техника.

¹ В частности, И. Н. Бокова, включая в юридическую технику в качестве одного из явлений правовой действительности интерпретационную деятельность, считает, что «назначение и сущность последней наиболее наглядно проявляется как в процессе правотворчества, так и в процессе правоприменения» [16].

менительная техника. Содержание взаимодействия этих двух элементов юридической техники – законодательного и правоприменительного – состоит в том, что первый указывает, по каким правилам и с помощью каких средств строился правовой акт, а второй определяет, насколько верно и оптимально это было сделано [18].

Подытоживая изложенное, отметим, что, являясь родовой категорией, юридическая техника служит важнейшим фактором внутреннего развития уголовно-правовых норм, обретения ими официально признанных свойств. При этом для максимального достижения поставленных целей это должно происходить в полном взаимодействии ее самостоятельных видов, а не в отрыве их друг от друга.

Список использованной литературы

1. Миронов А. П. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 45.
2. Маршакова Н. Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение // Там же. С. 56.
3. Козлов А. В. Юридическая техника и проблемы совершенствования норм об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Там же. 2008. № 2. С. 120.
4. Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Там же. 2007. № 1. С. 12.
5. Мазуренко А. П. Вопросы взаимодействия правотворческой политики и юридической (законодательной) техники: теоретический аспект // Там же. С. 42.
6. Савченко Л. В. Юридическая техника в правотворчестве субъекта Российской Федерации: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.
7. Соловьев О. Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики: учеб. пособие. Ярославль, 2008. С. 32.
8. Жинкин С. А. Законодательная техника в региональном правотворчестве: теоретический аспект: дис...канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 13.
9. Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 12.
10. Кухта А. А. Юридическая техника и техника доказывания по уголовным делам // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 241; Мазуренко А. П. Указ. соч. С. 42.
11. Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 46.
12. Чухвичев Д. В. Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006. С. 21.
13. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 12.
14. Иванчин А. В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: учеб. пособие. Ярославль, 2009. С. 43.
15. Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // *Советское государство и право*. 1967. № 8. С. 53.
16. Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве: Технично-прикладной анализ главы 22 Уголовного кодекса РФ: дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 32.
17. Соловьев О. Г. О видах юридической техники // *Юридическая техника*. 2008. № 2. С. 68.
18. Соловьев О. Г. К вопросу о юридической технике в теории права: понятие, виды, значение // *Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе*. Ярославль, 2002. С. 31, 33.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9(075.8)

Проблема надежности труда операторов приобретает важнейшее значение. Психологический аспект надежности отражают понятия тревожности, стресса и нейродинамики. Это комплексный феномен, включающий систему характеристик. Следовательно, в основе изучения надежности должен лежать принцип системности. Исследование надежности в системе трудовой деятельности помогает решить проблему оптимизации труда.

Ключевые слова: оператор; деятельность; тревожность; надежность; стресс; энергосистема; факторы надежности.

Problem of the reliability of work of the operators has become a key factor. Psychological aspect of reliability shows implies terms as anxiety, stress and neurodynamics. This is a complex phenomenon which includes a system of characteristics. Thus, a principle of system should underlie in study of reliability. Research of reliability of work activities helps to optimize the way of work.

Key words: operators; work activities; anxiety; reliability; stress; power system; factors of reliability.

Л. Ю. Субботина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: sublara@mail.ru

Исследование надежности в системе трудовой деятельности

Научная статья

L. Yu. Subbotina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: sublara@mail.ru

Research of Reliability of Work Activities

Scientific article

Эффективность и надежность функционирования комплексной системы «человек – машина» обусловлена надежностью работы как технических звеньев, так и человека-оператора. Особое значение надежность приобретает в аварийных ситуациях работы. Характеристика психологической надежности личности является одной из важнейших характеристик человека. Она наиболее тесно связана с понятием тревожности. В самом общем виде проблема тревожности может быть сформулирована как проблема изучения механизмов психологической защиты и закономерностей влияния ее на обучение, воспитание и развитие личности. Решению проблем и вопросов, связанных с изучением уровней тревожности, механизмов психологической защиты, посвящены работы многих психологов [1]. Определенный уровень тревожности необходим для эффективного приспособления действительности. Тревожность – это психологический фактор, «запускающий» оборонительную

реакцию (ОбР), являющуюся основой приспособительного поведения в ситуации угрозы. В общей психологии различают два основных смысла термина «тревожность» [2]. Во-первых, для описания неприятного эмоционального состояния, которое характеризуется субъективным ощущением напряжения, ожидания неблагоприятного развития событий. Возникает это состояние в ситуации неопределенной опасности (ожидание негативной оценки или агрессивной реакции, восприятие отрицательного к себе отношения или угрозы своему самоуважению, престижу) и часто обусловлено неосознаваемым источником опасности. Во-вторых, тревожность как черта, свойство личности характеризует относительно устойчивую склонность человека воспринимать угрозу своему «Я» в различных ситуациях. Личность с выраженной тревожностью склонна воспринимать окружающий мир как несущий в себе потенциальную угрозу или опасность в значительно большей степени, чем личность с низ-

© Субботина Л. Ю., 2013

ким уровнем тревожности. Повышенный уровень тревожности является показателем неблагополучия личностного развития и, в свою очередь, оказывает на него отрицательное влияние. Особенно ярко данный феномен проявляется в операторской деятельности. В исследовании, осуществленном совместно с Л. В. Севериной [3], мы попытались рассмотреть психологические аспекты надежности на примере деятельности операторов энергоустановок.

Для решения важнейших практических задач в энергетике необходимо обратиться к проблеме надежности человеческого фактора в трудовой деятельности. При этом нужно учитывать взаимовлияние многих составляющих системы «Человек–техника–среда». Эти составляющие подразделяются на внутренние, относящиеся к субъекту деятельности, и внешние, характеризующие средства, условия, содержание, организацию и обеспечение деятельности. Тогда профессиональная надежность работника выступает интегральной производной, критерием эффективности использования профессионального комплекса [4]. В энергетике необходимо разработать систему оценки потенциально достижимого уровня надежности, которая основывается на положении, что даже в случае полной оптимизации условий деятельности человеческого фактора всегда остается риск ошибок по вине персонала, который детерминирован природной организацией человека. Но риск ошибки по вине персонала должен быть сведен к минимуму и стать тем высшим уровнем надежности, к которому необходимо стремиться при организации психофизиологического обеспечения профессиональной деятельности. Для решения указанной проблемы необходимо выяснить факторы, влияющие на надежность операторов энергосистем.

Наиболее сложной и ответственной функцией деятельности оператора считается управление установкой при появлении отклонений технологических параметров, особенно в случаях резких изменений режимов, приводящих к аварийному состоянию. Оператор здесь выполняет функции принятия решения по управлению системой, как правило, в условиях неполной информации о процессе, отсутствия известного алгоритма управления и высокой психической напряженности, вызываемой большой ответственностью за принимаемые решения, опасностью и дефицитом времени. В этом случае у него (в зависимости от квалификации и опыта) может отсутствовать ясное представление о том, как восстановить нормальный режим [5].

У некоторых операторов появляется состояние эмоционального стресса, при котором они допускают ряд серьезных неоправданных ошибок в своих действиях, ухудшая положение на объекте управления, или не принимают никаких мер по устранению возникшей аварии. Развитие и закрепление способности оператора правильно работать в условиях эмоционального стресса достигается целенаправленным обучением в условиях предаварийных и аварийных ситуаций, максимально приближенных к реальным [6].

Эффективность работы, и в первую очередь принятие и реализация решений, определяется психологической структурой операторской деятельности. Большое значение имеет структура ориентировки в условиях выбора и исполнения профессиональной деятельности. Правильно сформированная система ориентировки является первым фактором надежности деятельности оператора. Ориентировка оператора энергосистем соответствует общей схеме формирования ориентировочной основы действия и функционирует на четырех уровнях:

- «информационном» (уровне адекватного восприятия информации);
- «смысловом» (уровне основных целей, реализуемых в деятельности оператора);
- «функциональном» (уровне выбора способов изменения режимов функционирования технической системы);
- «операционном» (уровне условий исполнения принятого решения) [7].

Теоретическим основанием анализа проблемы надежности в нашем исследовании являлись работы В. Д. Небылицына [8]. Выделяются натуральные (природные) и социальные факторы надежности. Особо подчеркивается, что проблема надежности человека есть всегда проблема индивидуальных различий. В его работах последовательно проанализирована особая роль «психофизиологических факторов личности» индивидуализированной надежности человека в операторской деятельности. Говоря об оперативной надежности, В. Д. Небылицын опирался на характеристики индивида, которые выражаются в его способности к устойчивому сохранению оптимальных рабочих параметров (работоспособности, «бдительности», «помехоустойчивости» и т. п.) в течение заданных промежутков времени и при всевозможных усложнениях обстановки. Надежность он считал существенно важной оперативной характеристикой человека, сталкивающегося с экстремальной

ситуацией и решающего в условиях значительной напряженности достаточно сложные и ответственные задачи. Отмечается, что проблема надежности возникает в связи с «...особыми, необычными, затрудненными, экстремальными...» и т. п. условиями и ситуациями деятельности. Анализ состояния надежности и эффективности деятельности персонала предприятий электроэнергетики России свидетельствуют о том, что в электроэнергетике сохраняются высокие уровни аварийности, травматизма, в том числе и с тяжелыми последствиями (около 100 случаев в год) [9]. Результаты исследований [10] показали, что предрасположенность к совершению ошибочных действий проявляется на всех уровнях биологической организации индивида: физиологическом, психофизиологическом и психическом (личностном) и негативно сказывается на совместной деятельности. Определяющими психофизиологическими коррелятами предрасположенности к ошибочным действиям являются нарушения биоэлектрической активности головного мозга («плоские» и гиперсинхронные ЭЭГ), выраженное снижение помехоустойчивости функции внимания, скорости переработки информации, уровня функциональной активности ЦНС, психическая дезадаптация. Результаты исследований [11] продемонстрировали, что низкая реактивность и внутренний локус контроля как базовые личностные черты в ситуациях риска коррелируют со снижением стремления к безопасности на поведенческом уровне. Соответствующим показателем (критерием) состояния эффективности надежности профессиональной деятельности персонала энергопредприятий является заболеваемость работников.

Важным фактором, влияющим на надежность деятельности операторов, являются виды стрессоров [12]. В зависимости от механизмов возникновения стресса различают два его вида: физиологический и психологический. Несмотря на условность, такая дифференциация позволяет учитывать, к каким характеристикам субъекта преимущественно адресуются стимулы – биологическим или психологическим. С этой точки зрения можно выделить физиологические и психологические стрессоры. Психологические стрессоры затрагивают психологические структуры. Их анализ требует учёта потребностно-мотивационных, волевых и других особенностей личности, её опыта и т. д. При возрастании экстремальности действующего фактора, как правило, появляется резко выраженное эмоциональное напряжение, переживаемое как

чувство страха, тревоги крайней степени. В профессиональной деятельности и жизнедеятельности вообще неизбежны ситуации, несущие реальную угрозу удовлетворению актуальной потребности и порождающие состояние тревоги. Важным неблагоприятным производственным фактором является хронический психический стресс, который возникает вследствие напряженности трудового процесса. Приоритетным фактором напряженности труда энергетиков является высокий уровень эмоциональной нагрузки, связанный с высокой степенью ответственности, значимостью ошибочных действий, степенью риска для собственной жизни, ответственностью за безопасность других лиц, высокой вероятностью развития аварийных ситуаций и необходимостью их устранения [14]. Поэтому весьма важным является формирование таких психических свойств, которые даже в критические моменты позволяют сохранить внутреннее спокойствие, самообладание и эмоциональную уравновешенность – одним словом, стрессоустойчивость. Важно, чтобы в любой экстремальной ситуации человек продолжал активный поиск способов её преодоления, поиск выхода из нее. Даже в том случае, если ситуация остаётся сложной и трудноразрешимой, активная деятельность препятствует дезорганизующему влиянию отрицательных эмоций и их вредному воздействию на здоровье. Большая часть работников энергетической отрасли (особенно диспетчеры и руководители различных уровней) испытывают хронический производственный стресс. Это связано, прежде всего, с огромной ответственностью, большим потоком информации, поступающей извне, и порой ограниченным временем для принятия важнейших решений. Поэтому для полноценной подготовки специалистов-энергетиков необходимо формирование у них такого интегрального качества личности, как стрессоустойчивость.

Как выявили наши исследования, стрессоустойчивость является определяющим фактором надежности операторов-энергетиков. Под стрессоустойчивостью мы понимаем эмоционально-волевое свойство личности, включающее в себя как переживание эмоции тревоги (стресс личности), так и жёсткий волевой контроль за этими переживаниями. Стресс в наиболее широком понимании представляет собой неспецифические черты (элементы) физиологических и психологических реакций организма, возникающих при любых реакциях личности. Понятие стресса впервые в науке использо-

вал канадский физиолог Ганс Селье [15] в 1936 году. Он рассматривал стресс с позиции физиологической реакции организма человека. Содержание его теории стресса можно свести к следующим основным положениям. Все биологические организмы имеют врождённые механизмы поддержания состояния внутреннего гомеостаза или равновесия функционирования своих систем. Поддержание равновесия является жизненно важной задачей организма. Стрессоры, т. е. сильные внешние раздражители, нарушают внутреннее равновесие. Организм реагирует на любой стрессор (приятный или неприятный) специфическим физиологическим возбуждением. Эта реакция является защитно-приспособительной. Развитие стресса и приспособление к нему проходит несколько стадий (стадия тревоги, резистентности (сопротивления) и стадия истощения). Совокупность этих трёх стадий Г. Селье называл общим адаптационным синдромом.

В деятельности операторов энергоустановок адаптационный синдром выступает системообразующим вектором функционального состояния стресса. Оценка функционального состояния проводилась в два этапа: на первом этапе были получены первичные показатели по методикам оценки функционального состояния основных регуляторных систем организма; на втором этапе проводилась классификация функциональных состояний основных регуляторных систем по интегральным оценкам, полученным на основе первичных показателей. По интегральной оценке можно судить о величине психофизиологических резервов работника, которые во многом определяют эффективность профессиональной деятельности по человеческому фактору, его стрессустойчивость. На основе интегрального показателя функционального состояния выделялись группы «риска», то есть лица, которые по своим психофизиологическим возможностям не в полной мере соответствуют требованиям профессиональной деятельности. Большинство обследованного персонала составляют лица со средним уровнем личностной тревожности (72%). Вместе с тем 14% обследованного персонала относится к лицам с высоким и очень высоким уровнями личностной тревожности (соответственно 12% и 2%). Данной группе лиц присущи такие качества, как низкая самооценка, склонность к самоанализу, тенденция возлагать вину за фрустрацию на себя (интрапунитивные реакции). При принятии решения эти лица перебирают большое число вариантов и затрудняются

в выборе одного из них. Поскольку ситуации принятия решения являются для них достаточно фрустрирующими, эти лица стремятся к четко регламентированной деятельности, в которой эти ситуации сведены до минимума. Для них характерны также тщательность, пунктуальность в работе, аспонтанность в поведении и стремление следовать установленным нормам и правилам, так как отклонение от нормы вызывает у них тревогу. Группу лиц с высоким и очень высоким уровнями личностной тревожности, по нашему мнению, следует рассматривать как группу с нарушением психической адаптации. Это обстоятельство может негативно сказываться как на эффективности деятельности, с одной стороны, так и на состоянии здоровья работников, с другой стороны. Возникновение постоянной тревожности в психологической структуре личности у ряда электромонтеров может быть объяснено характером их деятельности, связанной с работой в неблагоприятных условиях, которые могут представлять угрозу здоровью и жизни человека, с высокой ответственностью за результат деятельности, значительной психофизиологической нагрузкой, необходимостью сменной работы в разное время суток и т. д. Некоторое увеличение тревожности работников по сравнению с нормальными статистическими величинами можно рассматривать также как фактор, способствующий повышению бдительности, большему вниманию и, следовательно, увеличивающий надежность деятельности работника. С другой стороны, чрезмерное увеличение тревожности личности может приводить к резкому падению эффективности деятельности, связанному с дезорганизацией психической деятельности у высокотревожных лиц в условиях психического стресса.

Результаты проведенных обследований позволили вывести оценку надежности профессиональной деятельности персонала ОАО «Вологдаэнерго», куда входят операторская работоспособность, состояние центральной нервной системы, состояние дыхательной системы, психической адаптации, функциональных возможностей сердечно-сосудистой, центральной нервной систем, физической и операторской работоспособности. Так, для оценки профессиональной пригодности оперативного персонала энергетических предприятий значимыми являются способность сохранять оптимальное функциональное состояние в различных ситуациях, психическая работоспособность, функциональное состояние вестибулярного анализатора, отсутствие

эпилептоформной активности, адекватное отреагирование в ситуациях стресса. Цена ошибочных действий в энергетике достаточно высока, поэтому качественный профессиональный отбор при приеме на работу и последующая безаварийная работа окупает все затраты на психофизиологическое тестирование и обеспечение.

Приоритетным фактором напряженности труда операторов-электромонтеров является высокий уровень эмоциональной нагрузки, обусловленный высокой степенью ответственности (несет ответственность за функциональное качество основной работы), значимостью ошибки, степенью риска для собственной жизни, за безопасность других лиц, а также возможностью внезапного возникновения аварийных ситуаций и необходимостью их быстрого устранения.

Накопленный в исследованиях опыт позволил с системных позиций рассмотреть полученные нами результаты, причем в качестве системообразующего фактора нами была использована профессиональная адаптация. Под профессиональной адаптацией в настоящей работе понимается социально направленный и управляемый многоуровневый процесс приспособительных изменений организма и личности работающего человека под воздействием совокупности условий и факторов среды жизнедеятельности (климатических, социальных, производственных, бытовых и пр.) и собственных ценностей, целей, установок и пр., который обеспечивает заданные уровни эффективности и надёжности его деятельности и сводит к минимуму вероятность возникновения психосоматических и других профессионально обусловленных заболеваний [16]. Ситуации, связанные с монотонией, требующие тщательности, кропотливости, длительной фиксации внимания, являются стрессогенными и могут вызвать нарушения психической адаптации. Нарушения адаптации у лиц данной группы могут быть связаны также с межличностными конфликтами, обусловленными чрезмерно упорным отстаиванием своей точки зрения и неспособностью занять в таких конфликтах конструктивную позицию. В экстремальных ситуациях представители данной группы проявляют определенную стереотипность действий, мешающую принять правильные решения. Полученные результаты позволили сделать вывод, что состояние психической адаптации электромонтеров электрических сетей достигается за счет «высокой физиологической цены», о чем свидетельствуют выраженные сдвиги

в физиологическом состоянии организма персонала на уровне регуляторных механизмов сердечно-сосудистой системы и физического состояния. Выявился достаточно низкий уровень операторской работоспособности, а также неблагоприятная структура распределения персонала по уровням функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы и физической работоспособности. Эти данные отражают состояние напряжения и перенапряжения регуляторных механизмов функционального состояния персонала по критерию психофизиологической адаптации человека.

Таким образом, теоретический и эмпирический анализ позволяет утверждать, что на надежность деятельности операторов энергосистем влияет комплекс факторов всех уровней психофизиологической, психической и личностной организации. Учет их является обязательным при организации и обучении операторской деятельности.

Список использованной литературы

1. Котик М. А., Емельянов А. М. Природа ошибок человека-оператора. М.: Транспорт, 1993; Леонова А. Б., Чернышова О. Н. Психология труда и организационная психология: современное состояние и перспективы развития. М.: Радикс, 1995; Ломов Б. Ф., Мясников В. И. Медико-психологические аспекты профессиональной надежности космонавта // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 6. С. 8–17.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.
3. Северина Л. В., Субботина Л. Ю. Психологическая характеристика оптимальных моделей деятельности операторов энергоустановок // Научный поиск. Вып. 5. Ярославль, 2004. С. 126–131.
4. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
5. Никифоров Г. С. Проблемы надежности человека-оператора в инженерной психологии // Хрестоматия по инженерной психологии / под ред. Б. А. Душкова. М.: Высшая школа, 1991.
6. Очерки психологии труда оператора / под ред. Е. А. Милеряна. М., Наука, 1974; Пономаренко В. А. Проблема информационного обеспечения надежности оператора в особых условиях деятельности // Психология и научно-технический прогресс: тезисы докладов к VII Съезду общества психологов СССР. М., 1989; Психологические проблемы деятельности в особых условиях. М.: Наука, 1985.

7. Очерки психологии труда оператора.
8. Небылицын В. Д. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990; Его же. Надежность работы оператора в сложной системе управления // Хрестоматия по инженерной психологии.
9. Субботина Л. Ю. Психологические основы техники безопасности и производственного травматизма. М.: Учебно-метод. центр МИНЭНЕРГО России, 2002.
10. Котик М. А., Емельянов А. М. Указ. соч.
11. Щебланов В. Ю., Бобров А. Ф. Надежность деятельности человека в автоматизированных системах и ее количественная оценка // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 3.
12. Никифоров Г. С. Указ. соч.
13. Очерки психологии труда оператора.
14. Ломов Б. Ф., Мясников В. И. Указ. соч.
15. Северина Л. В., Субботина Л. Ю. Указ. соч.
16. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979.
17. Шадриков В. Д. Указ. соч.

В статье рассматриваются вопросы динамического развития мотивов учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе. Выделяются базовые учебные мотивы студентов. Определены различия в степени их выраженности на аналитическом уровне исследования. Проанализированы особенности структурной организации мотивов учебной деятельности студентов 1–5-го курсов, а также абитуриентов факультета психологии. Описаны ключевые точки изменения учебной мотивации студентов.

Ключевые слова: мотивы учебной деятельности; динамика формирования; структурный анализ.

This article considers the questions of dynamic development of motives in students' learning activity at the university. Basic learning motives of students have been revealed. Differences in the degree of their expressiveness on the analytic level of research have been determined. Features of the structural organization of motives in 1–5 year-student learning activity as well as applicants to the Faculty of Psychology have been analyzed. Key points of changes in students' learning motivation have been described.

Key words: motivation of learning activity; dynamics of formation; structural analysis.

Ю. В. Филиппова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: yuliafil@hotmail.ru

Мотивация учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе

Научная статья

J. V. Filippova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: yuliafil@hotmail.ru

Motives in Students' Learning Activity at the University

Scientific article

Как показывают результаты целого ряда психологических исследований, успешность обучения в вузе и качество освоения учебного материала в большей степени зависят от фактора мотивации, нежели от уровня интеллекта обучающегося. В связи с этим мы считаем, что вопросы мотивации учебной деятельности студентов, поднимаемые нами в данной статье, являются весьма актуальными и требуют детального рассмотрения и изучения, в том числе и в контексте динамики формирования учебных мотивов. Произошедшие в последние годы социально-экономические изменения, динамика состояния рынка труда и другие внешние факторы оказали значимое влияние не только на трудовое поведение и профессиональную активность человека, но и на отношение к учебе молодых людей. Как отмечает Е. П. Ильин [1], побудительные силы учебной деятельности стали носить очевидно иной содержательный характер в отличие от классических описанных в психологической литературе закономерностей. При этом изучением динамики формирования учебной мотивации студентов сов-

ременные исследователи занимаются крайне мало, чаще всего ограничиваясь перечислением и описанием ведущих мотивов, детерминирующих учебную активность. В рамках работ Л. И. Божович [2], В. В. Давыдова [3], А. К. Марковой [4], Е. А. Рождественской, Н. А. Рощиной, Е. Н. Кубарева [5], О. А. Богословской [6], Е. П. Ильина [7] и других авторов описаны и проанализированы различные виды мотивов, представлены попытки их классификации, соотношения, изучались внутренние механизмы мотивации и некоторые другие вопросы.

Целью нашего исследования стало выявление динамики формирования мотивации учебной деятельности студентов на примере факультета психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Задачи исследования предполагали реализацию аналитического и структурного этапов исследования. На первом из них проводилось описание и сравнение учебных мотивов обучающихся, определялась достоверность различий в степени выраженности отдельных учебных мотивов у студентов разных курсов. На втором определялись

особенности внутренней системной организации учебных мотивов у студентов 1–5-го курсов, а также абитуриентов факультета психологии. Таким образом, в качестве объекта исследования выступила мотивация учебной деятельности студентов 1-5-го курсов, а предметом – динамика ее формирования.

В исследовании приняли участие 189 человек – студенты 1–5-го курсов факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, а также абитуриенты, поступающие на факультет. Возрастной диапазон испытуемых составил от 16 до 25 лет. Фактор пола при проведении исследования не учитывался в связи со сложностью формирования гомогенной выборки по данному признаку.

На теоретическом этапе исследования нами были проанализированы работы отечественных и зарубежных авторов, описывающие содержательные особенности учебной мотивации студентов и на основе этого выделены мотивы учебной деятельности студентов, которые, по мнению авторов ее определяют. К их числу были отнесены: мотив приобретения знаний; мотив овладения профессией; мотив получения диплома; внешние и внутренние мотивы учения; мотив избегания; мотив престижа; профессиональные мотивы; мотивы, связанные с творческой самореализацией личности; учебно-познавательные мотивы; коммуникативные мотивы; социальные мотивы.

Для диагностики каждого из выделенных мотивов были подобраны соответствующие психодиагностические методики. Таким образом, методический аппарат работы составили: методика для диагностики учебной мотивации студентов, разработанная А. А. Реаном и В. А. Якуниным и модифицированная Н. Ц. Бадмаевой [8]; методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной [9]; методика диагностики мотивации учения студентов педагогического вуза С. А. Пакулиной и М. В. Овчинникова [10]. Для математико-статистической обработки данных применялись: непараметрический критерий Н Крускал–Уоллиса, позволяющий определить достоверность различий в степени выраженности исследуемого признака в нескольких независимых выборках; непараметрический U-критерий Манна–Уитни, используемый для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню выраженности исследуемого признака, измеренного количественно; метод корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

На первом этапе исследования определялась достоверность различий в степени выраженности

указанных выше мотивов у студентов разных курсов обучения с использованием критерия Н Крускал–Уоллиса. Обнаружено, что в процессе обучения в вузе наибольшая динамика проявляется в выраженности следующих мотивов: мотива приобретения знаний; внешних и внутренних мотивов учения; стремлении к творческой самореализации; коммуникативного и учебно-познавательных мотивов; мотива избегания; мотива престижа; социальных и профессиональных мотивов.

Далее были определены попарные различия в степени выраженности каждого мотива между студентами разных курсов, что позволило нам выявить переломные точки в формировании каждого из них. Например, было выявлено, что субъективная значимость мотива приобретения знаний и учебно-познавательных мотивов снижается уже на ранних этапах обучения в вузе (рис. 1, 2).

Данный эффект связывается нами с тем, что при поступлении в вуз, а также на первых курсах обучения студенты стремятся к получению максимального количества знаний. Именно выборки абитуриентов и студентов 1–2-го курсов демонстрируют наиболее высокие средневыборочные значения по степени

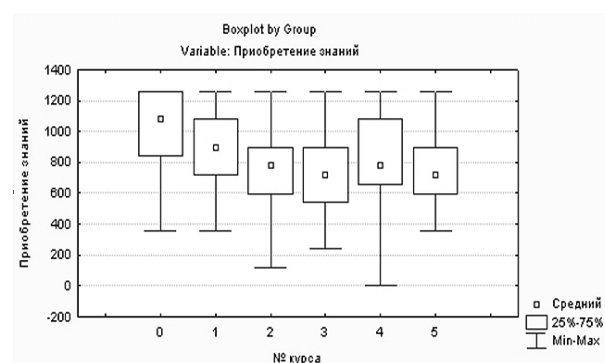

Рис. 1. Динамика выраженности мотива приобретения знаний в зависимости от курса обучения

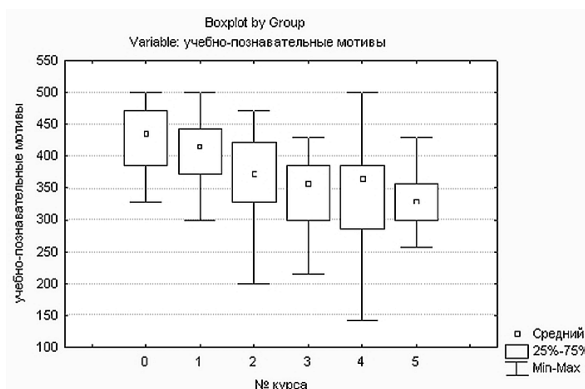

Рис. 2. Динамика выраженности учебно-познавательных мотивов в зависимости от курса обучения

выраженности учебно-познавательных мотивов. Приобретение знаний для абитуриентов, поступающих в вуз, и учащихся на 1 и 2-м курсах является одним из центральных способов закрепиться и прочно обосноваться в социальной группе студенчества и в дальнейшем получить профессию, став грамотными специалистами, профессионалами своего дела. Именно поэтому, на наш взгляд, ко 2-му курсу, когда период адаптации к новым условиям обучения у студентов заканчивается, показатели мотива приобретения знаний резко снижаются и остаются на более низком уровне практически до конца обучения.

На этапе структурного анализа исследовались особенности системной организации мотивов учебной деятельности студентов разных курсов обучения. Использовался метод корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) с построением матриц интеркорреляций и соответствующих им структурограмм, вычислением характеризующих их индексов и гомогенности – гетерогенности полученных структур. На основе анализа полученных структурограмм определялись индексы когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и организованности (ИОС) структур. Количественные показатели индексов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сводная таблица значений индексов когерентности, дивергентности и организованности структуры

№ курса	ИКС	ИДС	ИОС
абитуриенты	80	1	79
1	107	0	107
2	104	0	104
3	76	0	76
4	114	1	113
5	46	0	46

Таким образом, обнаруживается значительное снижение когерентности структурной организации мотивов учебной деятельности студентов на 3 и 5-м курсах обучения. В эти периоды обучения имеющиеся ранее связи между отдельными учебными мотивами распадаются, структура становится менее организованной. Этот сходный эффект, по нашему мнению, обусловлен на данных курсах разными психологическими механизмами. В частности, на 1–2-м курсах связи между мотивами могут образовываться стихийно, т. к. на начальных этапах обучения происходит перестройка той высокой мотивации, которая была диагностирована у абитуриентов, посту-

пающих в вуз. Кроме того, как отмечает Ю. П. Поваренков [11], на втором-третьем году обучения возникает кризис мотивации. Он происходит в результате осознания и принятия студентами новой ситуации социально-профессионального развития, отличной от той, которая имела место в старших классах средней школы. Главным результатом преодоления данного кризиса является формирование академической формы учебной деятельности и личности студента. Подтверждением этого является то, что на 3-м году обучения система мотивов распадается. Также, по нашему мнению, это может происходить по причине осознания студентом того, что фундаментальная теоретическая подготовка, ведущаяся на 1–3-м курсах, является необходимым, но недостаточным условием для решения задач обучения. К 4-му курсу студенты начинают более углубленно заниматься интересующими их дисциплинами, усиливается практическая составляющая обучения. На 5-м курсе уже происходит переход от учебной деятельности к профессиональной, что является причиной распада учебной мотивации и потери ее системных свойств. Студент постепенно переходит от реализации учебной к профессиональной деятельности, что сопровождается и развитием соответствующего типа мотивации. Таким образом, различия в учебной мотивации студентов в разные периоды обучения в вузе проявляется не только на уровне выраженности тех или иных мотивов, но и на более глубоком структурном уровне, отражающем их системную организацию.

Далее был проведен анализ гомогенности – гетерогенности структур мотивов учебной деятельности студентов разных курсов обучения с использованием экспресс-метода хи-квадрат. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты анализа гомогенности – гетерогенности структур мотивов учебной деятельности студентов разных курсов

Курсы	X	Уровень значимости
0-1	0.77	0.001
1-2	0.35	не значим
2-3	0.75	не значим
3-4	0.42	0.001
4-5	0.14	не значим

Таким образом, полученные результаты показали, что качественно гомогенными являются структуры мотивов учебной деятельности абитуриентов и студентов 1-го курса, а также 2 и 3-го курсов.

В остальных случаях переход от курса к курсу сопровождается качественным изменением структурной организации мотивов, что еще раз доказывает наличие качественной динамики мотивации учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе.

На основе результатов проведенного исследования динамики мотивации учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе, можно утверждать, что исследуемые мотивы различаются в зависимости от курса обучения не только на уровне выраженности отдельных характеристик, но и на уровне их структурной организации. Наиболее значимые системные изменения происходят при переходе от 1 ко 2-му, от 3 к 4-му и от 4 к 5-му курсам. При этом содержательное изменение учебной мотивации происходит на 3 и 5-м курсах, что и определяет необходимость организации соответствующих учебных мероприятий, использования тренинговых технологий, соответствующих актуальным потребностям обучающихся. Следует также отметить, что полученные результаты отражают особенности изменения учебной мотивации студентов факультета психологии и с определенным допущением могут быть распространены на студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Для определения особенностей мотивации студентов технических и естественно-научных специальностей и направлений подготовки необходимо проведение отдельного исследования.

Список использованной литературы

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009.
3. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М.: Академия, 2004.
4. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 2006.
5. Рождественская Е. А., Рощина Н. А., Кубарев Е. Н. Особенности мотивации обучения в вузе. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 1. С. 44–46.
6. Богословская О. А. Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии // Высшее образование в России. 2006. № 5.
7. Ильин Е. П. Указ. соч.
8. Бадмаева Н. Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: монография. Улан-Удэ, 2004.
9. Ильин Е. П. Указ. соч.
10. Пакулина С. А. Методика диагностики мотивации учения студентов педагогического ВУЗа. // Психологическая наука и образование: электронный журнал. 2010. № 1. URL: <http://www.psyedu.ru>.
11. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2002.

УДК 316.6.

В статье представлены результаты исследования протестных настроений, которые нашли отражение в массовых политических действиях в России после выборов в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г. Проверяется предположение о том, что возникновение протестных настроений вызвано депризацией потребностей принадлежности и любви, самоактуализации и безопасности. При этом нарушение равновесия ожиданий и имеющихся возможностей осуществляется в соответствии с паттерном прогрессивной депривации, при которой возможности удовлетворения потребностей относительно статичны, а ожидания возрастают.

К л ю ч е в ы е с л о в а : протест; политические настроения; депривация потребностей; Россия.

In the article the results of research of mass protest moods which found its reflection in the political actions in Russia immediately after the elections to the State Duma of RF (Dec.4, 2011) are considered. We test the hypothesis that it is the deprivation of post-material needs that explains the rise of the protest moods in Russia. Herewith the imbalance of the expectations and the existing possibilities is realized in accordance with the pattern of the progressive deprivation, when the possibilities are relatively static and the expectations are increasing.

К e y w o r d s : protest; political moods; deprivation of needs; Russia.

И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail:kisselev@univ.uniyar.ac.ru

E-mail:agsmirnova2001@mail.ru

Депривация потребностей как механизм формирования протестных настроений

Научная статья

I. Yu. Kiselev, A. G. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail:kisselev@univ.uniyar.ac.ru

E-mail:agsmirnova2001@mail.ru

Deprivation of Needs as a Mechanism for Conditioning Protest Moods

Scientific article

Митинги и акции протеста стали одним из самых обсуждаемых событий, которые сопровождали окончание «большого политического сезона», отмеченного проведением выборов депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации. Один из основных вопросов, который обсуждали эксперты, связан с определением причин подобной протестной активности.

Объяснение может основываться на проверке самых разных гипотез, которые базируются на теориях заговора и карнавализации политики и, как следствие, не связывают протестные действия с формированием соответствующих политических настроений в российском обществе. Вместе с тем не менее важно принять во внимание и такую возможность, что подобные настроения сформировались и, согласно описанию Д. В. Ольшанского, прошли этап брожения, смутного беспокойства и привели к появлению политических настроений, которые пока еще не носят массовый характер [1], но имеют возможность получить идеологическое оформление и способны вызвать массовые политические действия.

Подобное предложение должно быть проверено посредством обращения к социально-психологическим механизмам массовых настроений. Основной из них связан с динамикой потребностей, в частности с расхождением двух факторов: «ожиданиями людей, связанными с общими для значительного множества массовыми потребностями и интересами, с одной стороны, и реальными условиями жизни – с другой» [2]. Используем дан-

Подобное предложение должно быть проверено посредством обращения к социально-психологическим механизмам массовых настроений. Основной из них связан с динамикой потребностей, в частности с расхождением двух факторов: «ожиданиями людей, связанными с общими для значительного множества массовыми потребностями и интересами, с одной стороны, и реальными условиями жизни – с другой» [2]. Используем дан-

© Киселев И. Ю., Смирнова А. Г., 2013

ный тезис для анализа протестных настроений, которые нашли отражение в массовых политических действиях в России после выборов в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г.

Особенности протестных настроений и действий 2011–2012 гг.

Среди важных особенностей протестных настроений и действий необходимо назвать, во-первых, их политическую направленность. В соответствии с последовательностью этапов развития массовых настроений протест в России проходит «поворотный» период и приобретает политические очертания. При этом он поддерживается идеологическими конструкциями и программами, призывающими к конкретным политическим действиям. Резолюции, принятые по итогам митингов в Москве и других городах России [3], содержат призывы отменить результаты прошедших выборов, отправить в отставку видных политических деятелей, внести изменения в законодательство, регулирующее регистрацию партий и общественных объединений, проведение выборов, деятельность избранных депутатов. Таким образом, если протестные настроения и действия начала 2000-х гг. [4] были направлены против отдельных решений власти на фоне общей ее поддержки¹, то акции протестов 2011–2012 гг. имели цель изменить конфигурацию политического пространства, перераспределить властные ресурсы.

Во-вторых, протестные настроения не приобрели массовый характер. Например, по результатам оценки уровня протестных настроений, проведенной Фондом общественного мнения 30 июня – 1 июля 2012 г., 56% респондентов не испытывают недовольство, 79% опрошенных не приняли бы участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, если бы они состоялись в ближайшее воскресенье. В период активных выступлений несистемной оппозиции картина была аналогичной: от 50 до 60% россиян² не испытывали недовольство; 70–80% – не выразили готовность принять участие в акциях протеста [5].

Кто же стал носителем протестных политических настроений? Согласно опросу ВЦИОМ

¹ Результаты изучения общественного мнения в 2005 г. после акций протеста против реформы социальных льгот 2004–2005 гг., согласно которым деятельность как президента В. В. Путина, так и партии «Единая Россия» оценивалась преимущественно положительно [7].

² В зависимости от даты проведения опросов.

[6], среди участников митингов – большинство мужчин (71%), основная возрастная группа – граждане моложе 45 лет (в основном от 25 до 39), имеющие высшее образование; 18% опрошенных на митинге оказались офисными работниками, 12% – госслужащими, 11% – рабочими, 10% – работниками сферы информационных технологий. Кроме того, 9% участников – пенсионеры, 8% – студенты. Большинство охарактеризовали свое материальное положение как среднее (56%), высокими свои доходы назвали 34% респондентов, на недостаток в средствах сослались лишь 9% митингующих. Основным источником информации о митингах и местах их проведения стал Интернет (70%), в основном социальные сети. Главная причина участия в митинге – несогласие с итогами выборов в Госдуму (23%). Вторая по значимости причина – протест против властей (16%), на третьем месте (12%) – протест против В. В. Путина. Далее по частоте появления следуют: желание поддержать оппозицию (11%) и участие в митинге из простого любопытства (8%). Подавляющее большинство пришедших на митинг 4 февраля участвовали в парламентских выборах (82%). По убеждению большинства участников, сегодня необходим диалог между властью и оппозицией (57%). Существенно меньше тех, кто считает, что оппозиция не должна вступать в переговоры с властью (29%).

Приведенные характеристики позволяют сделать вывод, что участниками протестных действий и носителями соответствующих настроений стали молодые, социально и политически активные, образованные, материально обеспеченные россияне, готовые к диалогу с властью по поводу выработки разделяемого видения принципов функционирования политической системы, взаимодействия общества и государства. Один из вопросов, которым задавались эксперты, был связан с попыткой объяснить, почему именно они стали выразителями протестных настроений?

Протест: в поисках объяснений

Объяснение протестных настроений посредством анализа потребностей выглядит наиболее перспективным, поскольку основной вопрос, как правило, вызывают мотивы участников акций протеста. А поскольку мотив представляет собой опредмеченную потребность [8], изучение последних составляет важную составляющую объяснительной концепции.

Различные формы политического поведения могут быть поняты исходя из того, что хотят субъекты, что им необходимо, то есть их потребностей. Иначе говоря, данный фактор политического поведения практически универсален. В связи с этим для объяснения протестного поведения требуются дополнительные пояснения.

Прежде всего необходимо отметить, что формирование протестных настроений и действий связано с возникновением *относительной депривации потребностей*, а именно воспринятым расхождением между ожиданиями и ценностными возможностями субъектов [9]. Аналогичное объяснение политической нестабильности используют в своих работах Д. В. Ольшанский [10], У. Рансимен [11], Г. Лассуэлл и А. Каплан [12]. Сказанное позволяет заключить, что протест формируется на базе неудовлетворенных потребностей.

Однако данное утверждение требует дальнейших пояснений. Потребность сама по себе – это негативное состояние, состояние нужды, недостатка. Иначе говоря, существование потребности уже подразумевает депривацию. В связи с этим термин «депривация» обозначает нечто большее, чем потерю или лишение. Он связан с расхождением ожиданий и возможностей в двух сферах.

Во-первых, как отмечает У. Рансимен, речь идет о субъективной неудовлетворенности, которая возникает в результате сравнения субъектом собственного положения с желаемой ситуацией. При этом за образец принимается референтная группа. В качестве таковой выступает своя собственная группа, и тогда нынешняя ситуация, в которой оказались ее члены, сравнивается с положением дел в прошлом. Например, уровень жизни в настоящем сопоставляется с аналогичным показателем в прошлом. Иногда в качестве образца для сравнения используется уровень удовлетворенности потребностей другой группы. Например, индивид, принадлежащий к среднему классу в одной стране, сопоставляет свой уровень благосостояния с аналогичным показателем представителей среднего класса европейских государств. Можно предположить, что, если результаты сравнения складываются не в пользу своей группы, это влияет на отношение к действующей власти и готовность ее поддерживать.

Во-вторых, депривация связана с расхождением ожиданий и возможностей их удовлетворить. Механизм возникновения депривации может быть раскрыт посредством понятия «дистанции»,

предложенного К. Левиным [13]. Оно обозначает когнитивное образование, отражающее представление субъекта о доступности ему предмета потребности. Если дистанция велика, то есть субъективно предмет воспринимается как недоступный, потребность не возникает. Д. Маклеланд и его коллеги доказали, что сила мотива максимальна, когда дистанция обладает «средней» величиной [14]. То есть предмет потребности находится в «поле зрения» субъекта, но для его достижения необходимо преодолеть препятствия. Подобная дистанция может возникнуть и в том случае, когда ранее субъекты уже обладали возможностями реализовать потребности, но по тем или иным причинам их лишились.

Соотношение двух аспектов феномена депривации находят отражение в трех паттернах нарушения равновесия ожиданий и возможностей [15]. Первый – это *убывающая депривация*, при которой ценностные ожидания группы остаются относительно постоянными, в то время как возможности снижаются. Данный паттерн депривации возникает в условиях описанной выше ситуации средней дистанции до предмета потребности. Второй – *устремленная депривация*, которая характеризуется стабильными возможностями и возрастающими ожиданиями. Третий – *прогрессивная депривация*, отличающаяся возрастанием ожиданий и снижением возможностей реализовать потребности. Приведенные паттерны объединяет общая черта, позволяющая лучше понять природу относительной депривации потребностей. Во всех случаях речь идет о динамике одного или обоих компонентов – уровня ожиданий и имеющихся возможностей. Таким образом, появление протеста связано не только с увеличением воспринятой дистанции до объекта потребности, но и с негативной оценкой субъектом своего положения по сравнению с положением референтной группы. Длительная и постоянная депривация потребностей и существование в обществе консенсуса относительно распределения возможностей по их удовлетворению может и не привести к протесту.

Применение понятия потребностей для объяснения протестных настроений и поведения требует еще одного пояснения, требующего учесть факт существования разных категорий потребностей. Разработано множество подходов к построению их классификации [16]. Самым общим основанием является деление потребностей на те, которые обеспечивают физическое и социальное

существование. Можно предположить, что депривация первых будет иметь иные последствия, нежели препятствия при реализации вторых.

Значимость удовлетворения физиологических потребностей трудно переоценить. Концепция иерархии потребностей А. Маслоу строится на основе положения о том, что потребности более высоких уровней (в принадлежности и любви, самореализации и самоактуализации) не могут быть удовлетворены, пока не будут насыщены потребности, существенные для физического выживания [17]. Депривация этой категории потребностей выступает в качестве фактора политического поведения. Ухудшение экономического положения оказывает влияние на электоральный выбор [18]. Фрустрация базовых потребностей создает основание для развития массового насилия [19].

Означает ли сказанное, что возможность удовлетворить потребности в пище, питье, физической активности, сенсорной стимуляции, безопасности и защите снижает вероятность протестного политического поведения? Ответ на поставленный вопрос будет отрицательным. Так, исследования, проведенные Е. Б. Шестопал, позволяют обнаружить влияние уровня удовлетворенности потребностей россиян на восприятие власти [20]. При этом важно отметить, что конструирование образа власти осуществляется с учетом реализации потребностей не только физического, но и социального существования (принадлежность, любовь), а также потребностей самореализации и самоактуализации. Более того, нормативные представления о власти также соотношены с возможностью удовлетворить основные потребности. В свою очередь, Т. Р. Гарр рассматривает политику в качестве одного из направлений деятельности субъектов, которое предоставляет возможность поддерживать желательный уровень удовлетворения своих потребностей [21]. Таким образом, сказанное позволяет предположить, что трудности с удовлетворением потребностей социального существования и саморазвития, так же как и фрустрация материальных потребностей, могут привести к формированию протестных настроений и действий.

По нашему мнению, именно депривация постматериальных потребностей объясняет возникновение протестных настроений в нашей стране. При этом нарушение равновесия ожиданий и имеющихся возможностей осуществляется в соответствии с паттерном *прогрессивной депривации*, при которой возможности относительно

статичны, а ожидания возрастают. Сделанное предположение лежит в основе исследования, результаты которого представлены в следующем разделе статьи.

**Особенности иерархий потребностей
в предвыборной программе партии
«Единая Россия» и в резолюциях, принятых
по итогам митингов несистемной оппозиции**

Для проверки предположения был проведен контент-анализ предвыборной программы Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах Президента России 4 марта 2012 г. [22] и резолюций, принятых по итогам митингов после выборов в Государственную Думу VI созыва 4 декабря 2011 г. Выбор для сравнения программных документов «Единой России» объясняется тем, что в резолюциях, принятых по итогам митингов, содержалась критика решений данной партии и ее представителей. В результате можно было ожидать, что анализ иерархий потребностей, сконструированных «партией власти» и представителями оппозиции, позволит выявить основные сферы депривации потребностей и определить ее характер. В качестве основы для анализа текстов выступили описания потребностей по А. Маслоу.

Сравнение иерархий позволяет сделать вывод о существовании различий в представлениях о доминирующих потребностях. В предвыборной программе партии «Единая Россия» преобладают утверждения, описывающие потребности самоактуализации (29%). Далее по частоте следуют потребности: физического существования (28%), самореализации (24%), безопасности (14%), принадлежности и любви (5%). В свою очередь, в текстах резолюций обнаруживается другая последовательность: потребность в самоактуализации (64%), самореализации (16%), безопасности (11%), принадлежности и любви (9%). Потребности физического существования в текстах оппозиции не представлены (0%). Сопоставление частотных распределений с помощью критерия хи-квадрат Пирсона позволяет сделать вывод о статистически достоверных различиях в выраженности потребностей: $\chi^2 = 36,61$; $p \leq 0,01$, $df = 4$.

Полученные результаты позволяют описать несколько тенденций.

Прежде всего необходимо отметить, что в текстах обоих участников политического пространства доминируют потребности в самоактуализации. Вероятно, подобное совпадение объясняется тем,

что все тексты относятся к периоду предвыборной президентской кампании. Самоактуализация – желание субъекта стать тем, кем он может стать. В связи с этим в анализируемых текстах «Единой России» и оппозиции конструируется ожидаемый образ страны и гражданина, отношений между обществом и государственными институтами. В то же время отличается частота упоминания потребности в самоактуализации: в текстах резолюций, принятых по итогам митингов оппозиции, она упоминается почти в три раза чаще. Кроме того, содержание преобразований противоположно тем инициативам, которые уже провела или предложила «Единая Россия». В целом потребность в изменениях озвучивается более настоятельно и это находит отражение в доминировании потребности в самоактуализации.

Наиболее серьезные различия наблюдаются в уровне выраженности потребностей физического существования. В тексте «Единой России» они занимают второе место по частоте упоминания; в резолюциях, принятых по итогам митингов оппозиции, последнее. Как было показано в составленном портрете участников акций протеста, в них приняли участие люди без выраженных материальных проблем. Можно предположить, что их потребности физического существования удовлетворены настолько, насколько приобрели актуальность потребности высших уровней, которые в меньшей степени смогла представить «Единая Россия». Иначе говоря, у определенных слоев населения сформировался запрос на другие потребности, который лидирующая партия не смогла распознать и реализовать, сделав акцент именно на удовлетворении базовых потребностей.

Среди потребностей, которые не смогла реализовать «Единая Россия», стала потребность в любви и принадлежности. На первый взгляд данная категория потребностей в наименьшей степени связана с восприятием власти. Вместе с тем исследование Е. Б. Шестопаля позволило сделать вывод, что образ идеальной власти имеет потребностный профиль, в котором потребность в принадлежности и любви – третья по уровню выраженности [23]. В текстах резолюций, принятых по итогам митингов несистемной оппозиции, потребность в принадлежности и любви в большинстве случаев носит дефицитный характер. Подчеркивается, что действующая власть игнорирует мнение обычных людей, не стремится идти с ними на диалог, проводит антинародную политику. При этом протестующие высказывают поддержку Всероссийс-

кому протесту против фальсификации проведенных выборов. Иначе говоря, декларируют свою принадлежность к силам, выступающим против действующей власти.

«Единая Россия» видит другие возможности реализации потребности в принадлежности и любви. В предвыборной программе партии на выборах президента России отмечается возможность сохранить культурную идентификацию россиян на базе общей истории. Кроме того, подчеркивается значимость государственной поддержки семьи. Таким образом, партия власти использует традиционные основания для поддержания единства, которые оставляют мало возможностей для проявления оппозиционности.

Необходимо отметить еще одну потребность, которая оказалась дефицитной, по мнению участников акций протеста несистемной оппозиции. Они не ощущают себя в безопасности в отношениях с действующей властью.

Таким образом, иерархия потребностей, созданная носителями протестных настроений, позволяет сделать вывод о депривации потребностей социального существования, самоактуализации и безопасности. При этом их содержательное наполнение говорит о наличии противоречия между ожиданиями и возможностями по типу прогрессивной депривации. С одной стороны, в исследовании удалось зафиксировать актуализацию потребностей, которым действующая власть придает меньшую значимость или наделяет другим содержанием. Фактически имеет место возрастание ожиданий. С другой стороны, негативная идентификация с действующей политической системой, чувство незащищенности влияет на снижение возможности реализовать актуальные потребности.

Список использованной литературы

1. Ольшанский Д. В. Психология массовых политических настроений // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 172.
2. Там же. С. 171.
3. Резолюция митинга от 10 декабря 2011 года, Архангельск. URL: <http://redarhangelsk.livejournal.com/54230.html>; Резолюция митинга от 24 декабря 2011 года, Москва. URL: http://slon.ru/russia/rezolyutsiya_mitinga_na_sakharova-728175.xhtml; Резолюция митинга от 24 декабря 2011 года, Самара. URL: <http://kprf.ru/actions/100795.html>; Резолюция митинга от 24 декабря 2011 года, Саратов. URL: <http://sargrob.livejournal.com/54073.html>;

- Резолюция митинга от 4 февраля 2012 года, Москва. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/50839.html>; Резолюция митинга 4 февраля 2012, Краснодар. URL: <http://krainiyug.ru/2012/02/2206/>; Резолюция митинга от 4 февраля 2012 года, Рыбинск. URL: <http://rybkprf.ru/node/216>; Резолюция общегражданского митинга «За честные выборы» 10 декабря 2011. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/52973.html> (дата обращения: 15.07.2012)
4. Климов И. Перманентный бунт: реформа социальных льгот 2004–2005 годов и новые формы протестной активности // Гражданское общество в современной России: Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 151–168.
5. Уровень протестных настроений: Опрос «ФОМнибус» 30 июня – 1 июля. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d26upn12.pdf> (дата обращения: 10.07.2012)
6. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=812&q_id=57219&date=12.02.2012 (дата обращения: 2.07.2012)
7. Влиятельность и политический вес партии: Опрос населения. 24.11.2005. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of054701> (дата обращения: 10.07.2012); Деятельность В. Путина – вчера и сегодня: Опрос населения. 13.10.2005. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd054123> (дата обращения: 10.07.2012).
8. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 2–6.
9. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 75.
10. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 368 с.
11. Runciman W.C. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth Century England. Berkeley: University of California Press, 1966. 322 p.
12. Lasswell H., Kaplan A. Power and Society: A Framework of Political Inquiry. New Haven: Yale University Press, 1950. 295 p.
13. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996. С. 94.
14. McClelland et al. The Achievement Motive. N.Y.: Appleton-Century-Crofts., 1953. 384 p.
15. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. С. 84.
16. Хромченко А. Л. К вопросу о разработке классификации потребностей в российской научной традиции // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 143–150.
17. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
18. Sniderman P. M., Brody R. A., Tetlock P. E. Reasoning and Choice. Explanations in Political Psychology. Cambridge University Press, 1991. P. 172.
19. Staub E., Bar-Tal D. Genocide, Mass Killing, and Intractable Conflict: Roots, Evolution, Prevention, and Reconciliation // Oxford Handbook of Political Psychology / Ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. N.-Y.: Oxford University Press, 2003. P. 714–716.
20. Образы власти в постсоветской России: Политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Алетейа, 2004. С. 168–189.
21. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. С. 66–67.
22. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах Президента России 4 марта 2012 г. URL: <http://www.putin2012.ru/program> (дата обращения: 15.07.2012)
23. Образы власти в постсоветской России: Политико-психологический анализ. С. 182.

Статья посвящена проблеме изучения личностных характеристик студентов музыкального колледжа, способствующих успешности музыкально-исполнительской деятельности и функционированию надситуативного уровня мышления при решении проблемных ситуаций. Приведены результаты исследования данных характеристик. Дана дифференцированная оценка личностных характеристик студентов с учётом успешности в музыкально-исполнительской деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : музыкально-исполнительская деятельность; личностные характеристики; профессиональное мышление; уровни мышления при решении проблемных ситуаций.

The article is devoted to the problem of musical college students' personal characteristics research which facilitate successful musical-performing activity and functioning level of above-situation thinking in solving of problem situations context. The results of empiric study of these characteristics have been given. The differentiated assessment of students' personal characteristics with the consideration of their musical-performing activity is also found here.

Key words: musical-performing activity; personal characteristics; professional thinking; levels of thinking while solving problem situations.

М. М. Кашапов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smk007@bk.ru

С. В. Цымзина

Детский оздоровительно-образовательный (социально-педагогический) центр, г. Владимир

E-mail: svetatsy@mail.ru

Психологические характеристики профессионального мышления студентов музыкального колледжа*

Научная статья

М. М. Kashapov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: smk007@bk.ru

S. V. Tsymzina

Children Health-Educational (social-pedagogical) Centre, Vladimir

E-mail: svetatsy@mail.ru

Psychological Characteristics of Musical College Students' Professional Thinking

Scientific article

В последнее время в психологии труда много уделяется внимания творческим специальностям. Особый интерес вызывают музыкально-исполнительская деятельность и особенности формирования творческой личности в процессе профессионализации на этапе обучения в музыкальном колледже. В век стремительных социальных преобразований к личности музыканта-исполнителя

предъявляются всё возрастающие требования. Следовательно, одним из приоритетных направлений является изучение личностных характеристик, обуславливающих успешность музыкально-исполнительской деятельности и творческую активность студентов-музыкантов.

Изучением музыкально-исполнительской деятельности занимались такие учёные, как Л. Л. Бочкарёв,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-06-00738а.

Д. К. Кирнарская, М. А. Кононенко, В. И. Петрушин, Б. М. Теплов, Ю. А. Цагарелли, Г. М. Цыпин и другие, выделявшие в целостной психологической структуре музыкально-исполнительской деятельности личностные характеристики одарённых музыкантов-исполнителей [1].

Практическое мышление, в том числе и мышление музыканта-исполнителя, направлено на решение проблемных ситуаций. Ю. К. Корнилов подчёркивает, что объект практического мышления представляет собой проблемную ситуацию, в которой можно выделить следующие особенности: комплексность, постоянное развитие, изменчивость, абстрактность, неопределённость [2].

Ю. Н. Кулюткин, опираясь на работу Б. М. Теплова «Ум полководца», отмечает, что практическое мышление является зрелой формой мыслительной деятельности, которое «осуществляется в условиях конкретных, целостных индивидуально-своеобразных ситуаций. Задача практического мышления – применение знаний всеобщего к частным ситуациям деятельности. Сложность таких ситуаций, их изменчивость, противоречивость, а также необходимость немедленного принятия решений – всё это определяет специфический характер мышления профессионала-практика, операциональность используемых знаний» [3].

Профессиональное мышление представляет собой высший познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения проблемности, выявление внешне не заданных, скрытых свойств познаваемой и преобразуемой действительности. Единицей мышления при этом выступает проблемность как неотъемлемая черта познания, порождающая процессы мышления и рефлексии, ориентированные на решение профессионально значимых противоречий. Следовательно, профессиональное мышление протекает на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. Надситуативный уровень мышления, характеризующийся умением профессионала выйти за пределы решаемой специалистом задачи при решении проблемных ситуаций, способствует не только активизации мыслительной деятельности, но и личностному развитию профессионала. Таким образом, выход профессионала на надситуативный уровень – это проявление творческого мышления, результатом которого является открытие принципиально нового или совершенствование уже известного решения той или иной производственной задачи [4].

Целью нашего исследования явилось изучение личностных характеристик студентов музы-

кального колледжа, способствующих успешности музыкально-исполнительской деятельности и функционированию надситуативного уровня мышления при решении проблемных ситуаций.

В исследовании приняли участие 150 студентов Владимирского областного музыкального колледжа.

Методы исследования: экспертная оценка; тестирование с применением методик: «Личностный опросник 16 PF» Р. Кеттелла, в адаптации А. А. Рукавишниковой, М. В. Соколова [5], модификация С. В. Цымзиной опросника М. М. Кашапова, Ю. Н. Жихаревой на определение ситуативного и надситуативного уровней профессионального мышления.

При помощи экспертной оценки преподавателей было установлено, что 31,4% составляют успешные в музыкально-исполнительской деятельности студенты, 39,3% – нестабильные, 29,3% – неуспешные.

Кроме того, при помощи модификации методики «Опросник на определение доминирующего уровня проблемности» мы выявили студентов с ситуативным и надситуативным уровнями мышления (табл.).

Таблица

Распределение испытуемых по уровням проблемности

<i>Испытуемые с разной степенью успешности в музыкально-исполнительской деятельности</i>	<i>Уровень мышления испытуемых при решении проблемной ситуации</i>	
	<i>ситуативный, %</i>	<i>надситуативный, %</i>
успешные	0	100
нестабильные	76,3	23,7
неуспешные	88,6	11,4

В ходе исследования установлено, что для студентов с высокими показателями успешности в музыкально-исполнительской деятельности характерны положительные корреляционные связи со следующими факторами: теплотой, интеллектом, силой «Я», смелостью, эмоциональной сензитивностью, воображением, мятежностью (консерватизм–радикализм), самоудовлетворённостью. Надситуативный уровень решения проблемных ситуаций у данной группы студентов имеет те же корреляционные связи, кроме фактора эмоциональная сензитивность.

В результате регрессионного анализа установлено, что влияние на успешность в музыкально-исполнительской деятельности в группе успешных студентов оказывают следующие факторы: воображение, эмоциональная сензитивность и сила «Я».

Успешность = $6,875+0,133M+0,081I+0,046C$
 $B_1 = 0,133, p = 0,001; B_2 = 0,081, p = 0,01; B_3 = 0,046,$
 $p = 0,05$

*M – воображение, I – эмоциональная сензитивность, C – сила «Я».

Таким образом, по Р. Кеттеллу, музыкантов-исполнителей с высокой успешностью отличает гибкость мыслительных процессов, пронизательность, рассудительность, сообразительность. Они способны быстро адаптироваться к постоянно меняющимся условиям: различным концертным залам, публике, городам и т. д. При возникновении проблемной ситуации данная группа студентов реально оценивает обстановку, принимает решения исходя из сложившихся обстоятельств, предвидя последствия своих действий, что особенно важно в условиях концертного выступления. Решение проблемных ситуаций имеет как обучающий, так и развивающий эффект для этих студентов.

Развитое воображение свидетельствует о высоком творческом потенциале, постоянном творческом поиске, что способствует созданию оригинальных интерпретаций музыкальных произведений. Они отличаются нестандартным, свободным от стереотипов мышлением. Талантливые музыканты, по словам Г. М. Цыпина, «... умеют высказаться по-новому, находят свои свежие и оригинальные подходы к интерпретируемым произведениям. Даже обращаясь к музыке, которая исполнялась бесчисленное множество раз, талантливый человек оказывается непохожим на других» [6].

Для успешных студентов важно привнести в интерпретацию частицу своей индивидуальности. Их привлекают новые взгляды и идеи. Данные студенты независимы и самостоятельны в своих суждениях, о чём свидетельствуют показатели по факторам мятежность и самоудовлетворённость.

Эта группа студентов в музыкально-исполнительской деятельности отличается эмоциональной стабильностью, зрелостью. Они способны управлять проблемной ситуацией за счёт того, что не позволяют эмоциям затмить реальную ситуацию и умеют адекватно оценивать свои возможности при её разрешении. Как отмечает Д. К. Кирнарская, «творческий склад ума влечёт за собой особый склад характера, как бы выковывает и тренирует его, необходимо превращая человека тонкого и чувствительного в человека сильного и находчивого, способного встретить во всеоружии любую неожиданность» [7].

Успешные студенты эмоционально сензитивны, что проявляется в склонности к романтизму, худо-

жественном восприятии мира, артистичности. Музыкант открыт и очень чутко воспринимает всё, что происходит в действительности. В. И. Петрушин так пишет об этой способности: «Большая эмоциональная нагруженность художника жизненными впечатлениями приводит к тому, что в его сознании рождается масса художественных образов, которые с необходимостью требуют своего выражения в красках, звуках, рифмах стиха, движениях танца» [8].

Показатели по факторам теплота и смелость свидетельствуют, что эти студенты открыты, общительны, умеют устанавливать контакты – это важно при взаимодействии с аудиторией во время концерта. От умения взаимодействовать с аудиторией будет зависеть адекватность восприятия музыкального произведения и понимание авторского замысла слушателями. По словам Д. К. Кирнарской, артист выполняет миссию посредника между композитором и публикой. «Понимание своей высокой миссии заставляет Артиста искать встречи с публикой, стремиться к ней. Он мечтает об этих встречах и не может представить себя вне общения с аудиторией, к которому призван» [9].

В группе нестабильных студентов установлены положительные связи успешности в музыкально-исполнительской деятельности со следующими факторами: интеллект, сила «Я», смелость, эмоциональная сензитивность, воображение, мятежность и отрицательные связи с факторами импульсивность и уверенность в себе. Надситуативный уровень мышления данной группы студентов имеет те же связи, кроме фактора импульсивность.

Данные регрессионного анализа показали, что влияние на успешность у нестабильных студентов оказывают факторы: воображение, мятежность, сила «Я», уверенность в себе.

Успешность = $5,552+0,113M+0,083Q1+0,072C-0,059O$

$B_1 = 0,113, p = 0,001; B_2 = 0,083, p = 0,001;$
 $B_3 = 0,072, p = 0,01; B_4 = -0,059, p = 0,05$

*M – воображение, Q1 – мятежность, C – сила «Я», O – уверенность в себе.

Анализ данных позволил установить достоверные различия успешных студентов с нестабильными по следующим факторам: интеллекту, смелости, эмоциональной сензитивности, мятежности, самоудовлетворённости.

Таким образом, нестабильные студенты более импульсивны и экспрессивны, что приводит к чрезмерной эмоциональности в исполнении. Уверенность в себе у данной группы студентов может при-

водить к неадекватной оценке своих возможностей, а это, в свою очередь, сказывается на успешности музыкально-исполнительской деятельности. Либо они не уверены в своих силах, что также является неблагоприятным показателем для музыкально-исполнительской деятельности. Они более ригидны в поисках средств интерпретации музыкальных произведений, чаще ориентируются на уже существующие исполнительские концепции выдающихся музыкантов.

В группе неуспешных в музыкально-исполнительской деятельности студентов установлена положительная связь и влияние на успешность фактора эмоциональная сензитивность. Надситуативный уровень решения проблемных ситуаций имеет положительную корреляционную связь с фактором конформность.

$$\text{Успешность} = 4,273 + 0,163I$$

$$B_1 = 0,163, r = 0,05$$

*I – эмоциональная сензитивность.

Установлены достоверные различия успешных в музыкально-исполнительской деятельности студентов с неуспешными по факторам: интеллекту, силе «Я», смелости, эмоциональной сензитивности, воображению, самоудовлетворённости.

Таким образом, неуспешные студенты отличаются низкой способностью решать абстрактные проблемы, медленной обучаемостью – это приводит к тому, что при решении проблемных ситуаций они действуют сиоминутно, не учитывая последствия своих действий, опираясь на свой прошлый опыт.

Для этих студентов характерны: практичность, прозаичность, зрелость суждений, здравомыслие, внимание к мелочам. Они довольно аккуратны в делах, добросовестные, связаны правилами и стандартами морали, но ригидность и консерватизм мешают творческому подходу в разрешении неожиданно возникших проблемных ситуаций. Оказавшись в сложной ситуации, они могут перекладывать ответственность на других, плохо контролируют свои эмоции. Робость и неуверенность в своих силах приводит к эмоциональной неустойчивости, чрезмерной тревожности перед концертным выступлением.

На основании полученных результатов в ходе исследования личностного компонента можно сделать вывод о том, что музыкально-исполнительская деятельность и надситуативный уровень решения проблемных ситуаций определяется следующими факторами: интеллектом, воображением, мятежностью, силой «Я», эмоциональной сензитивностью, уверенностью в себе, теплотой, смелостью, самоудовлетворённостью.

Список использованной литературы

1. Бочкарёв Л. Л. Психология музыкальной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1997. 352 с.; Кирнарская Д. К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. М.: Таланты – XXI век, 2004. 496 с.; Кононенко М. А. Соотношение общих и специальных компонентов музыкально-исполнительской деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 232 с.; Петрушин В. И. Музыкальная психология. М.: Академический Проект, 2006. 400 с.; Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 334 с.; Цагарелли Ю. А. Психология музыкально-исполнительской деятельности. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2008. 368 с.; Цыпин Г. М. Музыкально-исполнительское искусство: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2001. 320 с.
2. Корнилов Ю. К. Психология практического мышления. Ярославль, 2000. 200 с.
3. Кулюткин Ю. Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопросы психологии. 1986. № 2. С. 21–22.
4. Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала. Ярославль: Ремдер, 2009. 380 с.
5. Пособие по применению личностного опросника Р. Кеттелла 16 PF / сост. А. А. Рукавишников, М. В. Соколов. Ярославль: Психодиагностика, 2000. 36 с.
6. Цыпин Г. М. Указ. соч. С. 22.
7. Кирнарская Д. К. Указ. соч. С. 341.
8. Петрушин В. И. Указ. соч. С. 26.
9. Кирнарская Д. К. Указ. соч. С. 328.

В статье приведен анализ теоретических и эмпирических исследований психологического понятия «зрелость» на основе историографического анализа основных зарубежных психологических теорий и акмеологического подхода в отечественной психологии. Рассмотрены понятие «зрелость», основные подходы к его исследованию, а также психосоциальные и социально-психологические виды зрелости личности и группы. Среди актуальных вопросов дальнейшего исследования выделяются социально-психологическая зрелость, ее структура и типы, особенности проявления в различных сферах, основные формы и этапы становления.

Ключевые слова: зрелость; личностная зрелость; акмеологическая зрелость; социально-психологическая зрелость; измерение зрелости.

The article covers the analysis of the theoretical and empirical research of the psychological notion «maturity». It is based on the historiographical analysis of the main psychological theories from abroad and the acmeological approach in psychology in this country. The notion «maturity», major approaches to its research, psycho-social and socio-psychological types of the personal and group maturity are considered in the article. The socio-psychological maturity, its types and structure, the peculiarities of its manifestation in different fields, its main forms, the stages of its development are among the matters of topical interest of further investigation.

Key words: maturity; personal maturity; acmeological maturity; socio-psychological maturity; maturity measuring.

Н. В. Нозикова

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

E-mail: nv_nozikova@bk.ru

Понятие «зрелость» и основные эпистемологические подходы к его исследованию

Научная статья

N. V. Nozikova

Far Eastern University of the Humanities

E-mail: nv_nozikova@bk.ru

The Notion «Maturity» and Major Epistemological Approaches to its Investigation

Scientific article

Введение

Феномен зрелости и соответствующее ему научное теоретическое понятие *зрелость*, представленное в исследованиях, обладают рядом общих и специфических закономерностей, для понимания которых необходим анализ его эпистемологической эволюции и современного состояния проблемы.

Цель нашей статьи составляет теоретический комплексный междисциплинарный анализ основных исследовательских подходов к понятию и феномену *зрелость* и его видов, что позволит выделить определяющие подходы к изучению признаков социально-психологической зрелости личности и группы.

Историографический анализ демонстрирует особенности подходов к проблеме достижения

онтогенетической зрелости в теориях личности в зарубежной и отечественной психологии.

На рубеже XIX–XX вв. проблема зрелости личности, ее критерии и механизмы формирования рассматриваются в теориях глубинной психологии, уходящих своими корнями в теорию психоанализа, как цель и неперемное условие развития человека. Общие теоретические постулаты этого направления психологии, развитые в работах З. Фрейда, А. Адлера, К. Г. Юнга, К. Хорни, Э. Фромма, Э. Эриксона и др., в отношении зрелости личности содержат: апелляцию к бессознательному психическому содержанию, выявление его смысла и значения, уменьшение сдерживающего влияния деструктивных бессознательных сил и освобождение психической энергии, направ-

ляемой на реализацию социально значимых целей [1]. Согласно положениям диспозиционной теории личности как открытой и саморазвивающейся системы, представленной в работах Г. У. Оллпорта, зрелая личность качественно отличается от незрелой, обладая функциональной автономией от биологических потребностей, стремясь к осмыслению и социальной значимости [2]. Основной частью теории А. Маслоу, ставшей основой трансперсональной и гуманистической психологии, является модель иерархии врожденных и универсальных потребностей человека, во главе которой находится главная концепция – потребность в самоактуализации [3].

Разработка проблемы зрелости в нашей стране начинается с 30-х гг. XX в. на основе комплексного, междисциплинарного акмеологического подхода, сформированного работами В. М. Бехтерева, Н. А. Рыбникова, Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, А. А. Деркача и др. Акмеология рассматривает условия и факторы (прежде всего психологические), объясняющие высшие профессиональные, творческие достижения человека, т. е. достижение им состояния акме [4]. Теоретическое и практическое понимание путей достижения оптимальных показателей в периоде зрелости позволяет, например, развивать акмеологические качества профессиональной деятельности [5]; рассматривать проблемы самосовершенствования личности и общества [6]; оптимизировать процесс развития акмеологической культуры личности в образовательном пространстве [7]; формировать творческое мышление профессионала [8] и т. д.

Таким образом, в психологических исследованиях заложена основа многомерного научного понятия *зрелость*, которое широко используется в научной и практической работе. Категориальные критерии зрелости продолжают активно обсуждаться и вводятся в понятийный аппарат психологии.

Понятие «зрелость» и основные подходы к исследованию зрелости в современной психологии

Понятие *зрелость* в общенаучном плане рассматривается как высокая степень развития, совершенства. Психологическое понятие «зрелость» соответствует самому продолжительному периоду онтогенеза, хронологические рамки которого условны и определяются завершением юности и началом периода старения. Анализ основных теоретических и эмпирических подходов к исследованию

психологической зрелости позволил А. Л. Журавлеву выделить, прежде всего, *системный* подход к *целостному* изучению феномена зрелости в отечественной и зарубежной психологии, что обосновывает необходимость применения и дальнейшего развития *типологического* подхода для исследовательского анализа психологических профилей разных видов зрелости личности и групп, в том числе *онтогенетических этапов* их становления [9].

Во-вторых, феномен зрелости относится к типу психологических явлений, для которых в исследованиях выделяют различные по своему качеству полярные, альтернативные характеристики понятия *зрелость / незрелость*, а не через отрицание одним уровнем другого. Например, Р. Кассель рассматривает в числе психометрических критериев зрелости личности: *самоуважение, здравый смысл, ассертивность и локус контроля*, а среди критериев незрелости – *тревогу, вытеснение, неудовлетворенность и депрессию*. Отсюда следует теоретическая задача точного определения состояния незрелости [10].

В-третьих, понятие *зрелость* рассматривается с позиций основных аспектов психологических исследований. Так, Е. А. Сергиенко приводятся разные аспекты рассмотрения зрелости, в том числе как: 1) стадии онтогенетического развития; 2) общей тенденции развития; 3) результата достижения дефинитивной стадии развития; 4) развития разных структурно-функциональных уровней психической организации, например эмоциональная, интеллектуальная, нравственная, социальная, биологическая зрелость и др. [11].

В свою очередь, Н. П. Паттурина в исследованиях проблемы зрелости в психологии выделяет три основных направления употребления этого понятия: 1) зрелость как характеристика особенностей развития человека на различных возрастных этапах; 2) зрелость как характеристика отдельного возрастного этапа развития человека; 3) зрелость как личностная характеристика [12].

В-четвертых, развитие личности представляется *континуумом* и достижение ее оптимального состояния происходит на протяжении всей жизни, но в зависимости от условий онтогенеза потенциал личности может не быть реализован в полной мере или может иметь *обратимое* движение [13].

В-пятых, зрелость рассматривается на основе общих эпистемологических принципов как общая онтогенетическая тенденция психического развития, сочетающая процессы *интеграции и дифферен-*

циации [14]; необходимые и достаточные для организации поведения, т. е. исполнения и контроля [15].

В-шестых, развитие человека как личности предполагает усиление его *субъектности*. Структура личности задает общее направление *самоорганизации и саморазвития* в процессе достижения зрелости, в то время как субъект реализует его посредством выбора целей и ресурсов его индивидуальности; следовательно, человек будет «осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума "личность-субъект"» [16].

В-седьмых, выделяется проблема измерений зрелости личности, которая имеет особенную актуальность в отношении *взрослых* людей, поскольку в процессе исследования необходимо: отразить сложный вопрос взаимосвязи *социокультурной* среды и личности; *динамику* свойств личности; *гетерохронность*, неравномерность созревания отдельных ее компонентов; соотношение *общей* зрелости личности или группы людей и составляющих ее *элементов*, влияющих на профиль зрелости для квалификации личности или группы как зрелой. О зрелости *психологической* составляющей можно судить по зрелости мотивационной и характерологической, зрелости направленности и способностей, психических процессов и состояний и т. д. *Социальная* составляющая социальной зрелости проявляется в зрелости ролевой и гражданской, политической и правовой, профессиональной и карьерной и т. д. Следует учитывать *нелинейность* биографического пути личности, возможность жизненных кризисов (личностных и групповых), возможную обратимость развития и т. д. [17].

Следовательно, в современной психологии продолжается развитие понятия *зрелость*, что включает в себя: выделение его общих и отличительных признаков на основе системных принципов целостного изучения личности человека; дифференцированный анализ разных форм проявления зрелости / незрелости; исследование онтогенетических этапов становления зрелости; динамику процессов интеграции и дифференциации в достижении зрелого состояния; степень целостности континуума «личность-субъект» и т. д. В числе психологических качеств зрелости находятся: интериоризация человеком этических ценностей общества, интеграция своей идентичности, самоуважение, внутренняя направленность мотивации, внутренний локус контроля, психологическая суверенность личности, проявляющаяся в самопроизвольном контроле поведения и

способности к спонтанной активности. Ассертивность зрелой личности предполагает высокую степень готовности к решению жизненных проблем в контексте межличностных взаимодействий, что при благоприятном социальном климате ведет к формированию позитивных взаимоотношений с другими людьми и адекватной самооценке.

Основные виды зрелости

Зрелость как феномен онтогенетического развития, рассматриваемый в естественно-научной парадигме, предполагает сочетание разных ее видов: биологической, психологической, социальной и др. В зависимости от иерархического уровня объекта исследования общие виды зрелости (социальная и психологическая, личностная и групповая, психосоциальная и общая зрелость), отмечает А. Л. Журавлев, дифференцируют на частные, которые могут иметь разную степень развития у одного и того же человека, или группы. Среди частных, парциальных форм психосоциальной зрелости находятся социально-психологическая, социально-экономическая, духовная, нравственная, правовая, гражданская и т. д. В числе основных признаков зрелости, независимо от ее вида, чаще всего используются три: *самостоятельность*, *активность* и *ответственность* в социальных проявлениях. Уровень зрелости или незрелости используется в контексте оценки психологической полноценности или неполноценности человека или группы [18].

Одна из проблем в теоретическом обосновании *психосоциальной* зрелости – определить соотношение и взаимодействие психологических и социальных компонентов в ее структуре, которые в работах разных авторов или отождествляются, или рассматриваются как самостоятельные феномены, или приоритет отдается в основном психологической составляющей.

В теории А. Инкельса и Г. Лейдермана *зрелость* личности отождествляется и проявляется, прежде всего, в ее социальной зрелости. *Социальная* зрелость личности – это способность компетентно принимать социальные роли мужчин и женщин, характерные для индустриально развитого общества. В кросскультуральном исследовании ими были выделены пять критериев социальной зрелости подростков: *эффективность*, *упорство*, *ответственность*, *индивидуализм* и *кооперативность*. Критерии измерялись применительно к пяти социальным сферам жизни: *школе*, *семье*, *группе сверстников*, *работе*, *обществу* [19].

Напротив, в теории И. Гринбергера психологическая и социальная составляющие зрелости личности рассматриваются как самостоятельные переменные. По определению И. Гринбергера, взрослость есть сочетание *независимости*, понимаемой как способность самостоятельно принимать решения, и социальной *ответственности* в содействии благосостоянию общества, в реализации индивидуальных и общественных целей. Если подросток достиг возраста *социальной* зрелости, которой соответствует принятие на себя *социальных ролей* взрослого человека, но *психологическая* зрелость при этом не наступила, то взрослое поведение фактически имитируется и не сопровождается переживаниями, представлениями и суждениями, характерными для взрослого человека в подобной же ситуации. Такое состояние И. Гринбергер характеризует как «*псевдозрелость*». Дифференциация психологических и социальных компонентов в работах И. Гринбергера не позволяет рассматривать их взаимодействие в контексте единой психосоциальной зрелости [20]. Расхождение социальной и психологической зрелости может приводить к проблемному, противоречивому и реже девиантному поведению [21].

Психосоциальная зрелость имеет интегративную психологическую и социальную природу, связана с генезисом, с формированием психологии личности или социальной группы. «Оставаясь по сути психологическим явлением, отмечает А. Л. Журавлев, формируется она под непосредственным воздействием социальной среды, с которой в процессе индивидуального развития человека сохраняет теснейшую связь и зависимость». Психосоциальная зрелость предполагает обязательную толерантную по отношению к другим людям, гуманистическую направленность, реализацию общественно значимых целей и в целом мирозидательную функцию зрелой личности и т. д. Например, интеллектуальная зрелость, эмоциональная, эстетическая, религиозная, моральная, карьерная, зрелость как показатель мультикультурного развития, зрелость в экономических отношениях и др.

Феномен *социально-психологической* зрелости А. Л. Журавлев определяет как частный вид психосоциальной зрелости, который характеризуется как общими признаками спецификации зрелости, так и частными, проявляющимися *отношениями* и *взаимодействиями*, во-первых, личности с другими людьми, с группами и в целом с социальной средой; во-вторых, групп разной величины в их

межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношениях. Характеристика социально-психологической формы зрелости включает в себя как общие для всех иных форм качества зрелости, так и качества, определяющие ее специфику и проявляющиеся при взаимодействиях человека или группы. Так, в число общих качеств социально-психологической зрелости входят: качество *относительной автономности, самодостаточности* и *независимости*, социальной *ответственности* за свои поступки, способность к *самостоятельному* принятию решений, активная *социальная позиция* и овладение *социальными ролями* и в целом *социальной средой*. Перечисленные признаки зрелого индивидуального или группового субъекта характеризуются *позитивной* направленностью по отношению к другим людям, социальным группам и обществу в целом. Напротив, способность личности вступать в отношения с другими людьми и их качество, умение соотносить себя с другими людьми, быть включенным в социальную среду является специфическим признаком социально-психологического вида зрелости. К специфическим признакам социально-психологической зрелости, например, относятся: способность к произвольной *саморегуляции* своего поведения по отношению к другим людям, к группам людей; характеристики процессов *самоопределения* в системе отношений с другими людьми и взаимодействия с ними; многообразные *рефлексивные* процессы и способности, начиная с адекватного отражения характеристик других людей; *эмпатические* способности; способности к *децентрации* и т. п. Онтогенетическое развитие социально-психологической формы зрелости составляет содержание целостного процесса психосоциального развития человека, проявляющегося в степени его *социализированности*, в уровне достигнутой *идентичности*, в сформированности *Я-концепции, системы отношений, сознания* и *самосознания* личности [22].

Социально-психологическая зрелость рассматривается разными авторами как характеристика отношений человека социальным окружением и как характеристика сформированной идентичности.

Развитие отношений с социальным окружением происходит в процессе социализации, включающем в себя развитие рефлексии и научения смотреть на себя с позиции обобщенного Другого [23]; как морального развития в способности соотносить себя с Другим в системе Я-Другой при достижении постконвенциональной стадии [24];

осознания разных уровней близости в социальном окружении и способность строить отношения на разных уровнях близости [25].

Термин «идентичность» ввел в психологию Э. Эриксон, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности [26]. Групповую идентичность человек обретает, по утверждению Дж. Левингера, проходя последовательно стадии развития своей личности, включающие импульсивную, самозащитную, конформистскую, сознательную, независимую и интегративную, которые содержательно направлены на установление соотношения между личными и социальными интересами, динамично формируются в зависимости от особенностей социальной жизни и уточняются [27]. Идентичность человека в теории Дж. Марсиа развивается в течение жизни и определяется статусами: предрешенности, диффузии, моратория и достигнутой идентичности. Обретая идентичность с высшим статусом, человек принимает решения исходя из сложившейся и устойчивой собственной системы ценностей и, следовательно, становится зрелой личностью [28].

Социально-психологическая зрелость группы относится к предметному полю социальной психологии и характеризует социально-психологическое качество личности и групп разной величины. Например, *согласованность целей* как индивидуальных, так и групповых; *согласованность социальных установок* членов группы; *зрелость межличностных отношений* как способности устанавливать близкие отношения у членов группы [29].

В отечественной психологии под основным критерием зрелости группы понимается ее способность проявлять *признаки коллективного субъекта*, т. е. *взаимосвязанность* и *взаимозависимость* членов группы, *совместную активность* и *саморефлексивность* ее членов и др. Доминирование одного из перечисленных признаков определяет *уровень субъектных качеств* группы: уровень взаимосвязанности и взаимозависимости, уровень совместной активности, уровень саморефлексивности. На основании сочетаний указанных признаков выделяются психологические *типы* коллективной субъектности: *потенциальная, реальная и рефлексивная*. Феномен коллективного субъекта порождает сочетание пространственно-временных факторов с другими видами взаимных связей: функциональных, технологических, организационных, управленческих, экономических, политических, возрастных, гендерных, образовательных, профессиональных, социально-

психологических, этнических, языковых, культурных и др. [30].

Таким образом, психосоциальное развитие личности и ее зрелость есть результат сложного взаимодействия психологических и социальных процессов, однако их соотношение в разных видах зрелости, критерии, компоненты и сфера проявления требуют дальнейших исследований. Социально-психологическая зрелость рассматривается как частный вид психосоциальной зрелости. В числе подвидов социально-психологической зрелости можно выделить: социально-психологическую зрелость личности как зрелость системы ее отношений; социально-психологическую зрелость групп разных размеров как качество межличностных отношений в них, а также зрелость межгрупповых отношений, связей или взаимодействия, в частности общения и т. п.

Заключение

Понятие «зрелость» имеет междисциплинарный характер, формируется в процессе социализации и определяет высокую степень развития, совершенства организма, психики человека, его поведения и социальных функций. Целостный подход к объекту исследования позволяет выделить общие и частные формы зрелости личности и группы, общими признаками которых являются самостоятельность, активность и ответственность в социальных проявлениях. Психосоциальная зрелость – один из видов общей зрелости, отличающийся интегративной психологической и социальной природой, формирующейся в процессе развития личности или социальной группы, и направленный на реализацию мирозидательной функции зрелой личности. Социально-психологическая зрелость рассматривается как более узкое понятие, которое формируется и проявляется в характеристиках включения личности в социально-психологическое взаимодействие с социальной средой. Социально-психологическая зрелость обладает качествами, общими для всех иных видов зрелости (автономность, самодостаточность, независимость, ответственность, самостоятельность, активность, позитивная направленность, овладение социальными ролями и в целом социальной средой), а также специфическими – качеством вступления личности в различные формы и виды отношений с другими людьми, соотношения себя с ними и т. п. Целостное психосоциальное развитие человека выражается в качестве его социально-психологической зрелости, опре-

деляемой параметрами его социализированности, идентичности, Я-концепции, системы отношений, сознания, самосознания личности, в способности к эмпатии и децентрации и т. п. Уровень развития качеств зрелости группы определяют характеристики согласованности целей и установок ее членов, совместной активности, рефлексии, способности к межличностной близости и др. Способность группы быть коллективным субъектом проявляется во взаимосвязанности и взаимозависимости членов группы, совместной активности и саморефлексивности ее членов. Сочетание пространственно-временных факторов с другими видами взаимных связей группы порождает коллективного субъекта.

Список использованной литературы

1. Freud S. Three essays on the theory of sexuality. In Standard edition. Vol. 7. P. 135–243. Hodarath Press, 1953; Adler A. The individual psychology of Alfred Adler: A systematic presentation in selections from his writings. № 9. N.Y.: Harper & Row. 1956; Jung C. G. The stages of life. In Collected works. Originally published, 1931; Horney K. Feminine psychology. N.Y.: Norton, 1967; Fromm E. On being human. N.Y.: Continuum, 1994; Erikson E. The life cycle completed. N.Y.: Norton, 1982.
2. Allport G.W. Pattern and growth in personality. Holt, Riehart & Winston, 1961.
3. Maslow A. Motivation and personality. N.Y.: Harper & Row, 1987.
4. Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья. // Избранные труды по психологии личности: в 2 т. Т. 2: Объективное изучение личности. СПб.: Алетейя, 1999. 284 с.; Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Питер, 2001. 288 с.; Бодалев А. А., Васина Н. В. Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становятся? СПб.: Речь, 2010. 224 с.; Деркач А. А. Акмеология в системе наук о человеке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИПРАН, 2007. 352–376 с.
5. Кузьмина Н. В. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста: монография. СПб.: Коломна; Рязань, 2008. 375 с.
6. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2001. 159 с.
7. Деркач А. А., Селезнева А. А. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития: монография. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006. 492 с.
8. Кашапов М. М. Психологические и акмеологические закономерности, механизмы и принципы творческого профессионального мышления // Человеческий фактор: социальный психолог. 2009. № 1(17). С. 37–49.
9. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 2. С. 44–54.
10. Cassel R. M. Cutting edge: The Global Functioning Test (GFT). (Assessing level of wellness) // National Forum of Educational Administration and Supervision Journal. 1993. № 1(3). P. 51–60.
11. Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2007.
12. Паттурина Н. П. Проблема зрелости в современной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 7(17). С. 113–126.
13. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия.
14. Поддяжков А. Н. Зрелость и незрелость в контексте онтогенетического закона развития // Феномен и категория зрелости в психологии. С. 223.
15. Ребеко Т. А. Дифференцированность и интегрированность ментальных объектов // Феномен и категория зрелости в психологии.
16. Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход?
17. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия.
18. Там же.
19. Inkeles A. An approach to the study of psychosocial maturity // International Journ. of Comparative Sociology. 1998. V. 39, Issue 1. P. 52–76.
20. Greenberger E., Steinberg L. When teenagers work. The psychological and social costs of adolescent employment. N.Y.: Basic Books, 1986.
21. Galambos N. L., Tilton-Weaver L. C. Adolescents' Psychosocial Maturity, Problem Behavior and Subjective Age: In Search of the Adultoid // Applied Developmental Science. 2000. V. 4, № 4. P. 178–192.
22. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия.
23. Mead D. H. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
24. Kohlberg L. Essays in Moral Development. V. 2: The psychology of moral development. N.Y.: Harper and Row, 1984.

25. Selman R. L. The growth of interpersonal understanding. N.Y.: Akad. Press, 1980.
26. Erikson E. H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968.
27. Loevinger J. Stages of personality development / Eds. R. Hogan, J. Johnson, S. Briggs. Handbook of Personality Psychology. San Diego: Academic Press, 1997.
28. Marcia J. E. Identity in adolescence / Adelcon J. (ed.) // Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980.
29. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия.
30. Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология: Журнал Высшей школы психологии. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21; Брушлинский А. В. Проблема субъекта деятельности в психологической науке // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 6. С. 3–12; Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 5. С. 72–80.

В статье рассматриваются значения самосознания и самопонимания в процессе познания человеком самого себя, а также механизмы этого познания. Согласно результатам практического исследования подростки приписывали себе в основном положительные личностные качества, которые о них содержатся, по их мнению, и в представлениях родителей. Значительные совпадения содержания представлений подростков о себе и предполагаемых представлений родителей о них дало основание назвать это явление – родители смотрят на подростка его глазами – «подростковым социальным эгоцентризмом».

Ключевые слова: каузальная атрибуция; личностный смысл; «образ себя»; самопонимание; самосознание; социализация; эгоцентризм; экспектации.

The article explores the meanings of self-awareness and self-understanding in the process of personal cognition as well as the mechanisms for gaining this knowledge. According to the results of the empirical research method, the majority of teenagers considered themselves as having positive personal qualities which coincided with their parents' opinions. As a result, considerable coincidence of the teenagers' opinions about themselves and the supposed notions by their parents gave an idea that the parents view their children in the way the teenagers do themselves which is called «teenagers social egocentrism».

Key words: causal attribution; personal meaning; self-image; self-awareness; self-understanding; socialization; egocentrism; expectations.

Н. Г. Солдатенко

Международная высшая школа практической психологии, г. Рига (Латвия)

E-mail: n.soldatenko@inbox.lv

Взаимосвязь представлений подростков о себе с предполагаемыми представлениями о них родителей и одноклассников

Научная статья

N. G. Soldatenko

Higher School of Practical Psychology, Riga (Latvia)

E-mail: n.soldatenko@inbox.lv

Interconnection between Teenagers' Evaluations of Themselves and Supposed Notions by their Parents and Classmates

Scientific article

В статье приводятся некоторые результаты практического исследования содержания представлений подростков о себе и предполагаемых представлений о них родителей. Гипотеза исследования: представления подростков о себе, включающее личностные, интеллектуальные и поведенческие характеристики, соответствуют по своему содержанию предполагаемым представлениям о них родителей. В формировании представлений участвуют следующие механизмы: каузальная атрибуция, социализация, личностный смысл, экспектации. Условием формирования являются самосознание и самопонимание.

Каузальная атрибуция – это механизм приписывания другим и себе причин поведения (Г. М. Андреева, А. А. Бодалёв, К. Дэвис, Г. Келли, Ч. Кули, Дж. Мид, Л. Росса, А. Смит) [1]; *личностный смысл* – содер-

жание этого понятия А. Н. Леонтьев раскрывает, исходя из субъективности, пристрастности человеческого сознания (Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Артемьева, В. Г. Асеев, В. К. Вилюнас и др.) [2]; *«образ самого себя»* – представление человека о своих физических и личностных характеристиках (это понятие было введено К. Готтшальдтом в 1954 г.); *самопонимание* – способность индивида объяснять и различать свои мотивы, чувства, переживания, мысли и поступки; *самосознание* – одна из форм сознания, функцией которой является познание человеком самого себя (С. Л. Рубинштейн, И. И. Чеснокова, Е. В. Шорохова); *социализация* – «...совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества» [3]; *эго-*

центризм – неумение ребенка стать на позицию другого [4]; *экспектации* – ожидание человеком отношений к нему других, их оценок его как личности [5].

Взаимосвязь представлений подростков о себе и предполагаемых представлений о них родителей и одноклассников определялась с помощью методики «Незаконченные предложения». В исследовании участвовали 232 подростка в возрасте от 11 до 15 лет.

Был проведён анализ ответов подростков на вопрос незаконченных предложений «Я думаю, что я человек...», «Родители думают, что я человек...», «Одноклассники думают, что я человек...». Было выделено более 150 характеристик, включаемых в представления подростков о себе и в представления о них родителей и одноклассников. Для обработки ответов респондентов использовался контент-анализ и расчет совместной встречаемости единиц сообщения, их связанности, зависимости в сообщениях [6].

Связь между характеристиками, входящими в представления подростков, считается устойчивой, если реальное совпадение совместной встречаемости качеств выше их вероятностного совпадения. Например, в группе 11-летних подростков реальная связь между группой качеств «хороший, самый лучший, отличный» и группой качеств «ласковый, понимающий, люблю помогать другим» составляет 0,12/0,08. Следовательно, такую ассоциативную связь в представлениях подростков следует считать устойчивой.

Анализ результатов позволил выявить, что личностные особенности, которыми подростки характеризуют себя, приписываются ими также представлениям о них их родителей и одноклассников. Это относится в первую очередь к тем личностным качествам, которые подростки наиболее часто отмечают у себя. Представляем некоторые из тех связей, между которыми реальная встречаемость выше вероятностной.

Подростковый возраст – период поиска друзей, поэтому они часто презентуют себя как «дружелюбного», «хорошего друга». Данная характеристика имеет неслучайную связь с характеристикой себя как «хорошего», «отличного». Эта связь имеет место как в представлениях самих подростков, так и в предполагаемых представлениях их родителей и одноклассников. У 15-летних в представлениях о себе отсутствует ассоциативная связь между общей позитивной оценкой себя и представлением о себе как о хорошем друге, но такое представление приписывается родителям. С общим позитивным отношением к себе подростки связывают позитивное

отношение к другим: «люблю помогать», «чуткий», «ласковый». У 15-летних реальная встречаемость этих групп качеств отмечается только у родителей и одноклассников. С общим позитивным представлением о себе взаимосвязано также позитивное отношение к труду в собственных представлениях и в приписываемых представлениях родителей и одноклассников. Естественность в общении (открытый, искренний) связывается с позитивным отношением к себе как в собственных представлениях, так и в представлениях родителей и одноклассников.

Имеются также более высокие реальные, чем вероятностные, связи между позитивными («хороший», «самый лучший») и негативными качествами («глупый», «тупой», «дебил») как в собственных представлениях подростков 11–12 лет, так и в приписываемых их родителям и одноклассникам представлениях. Отмечается также связь между позитивной оценкой себя и отличительными качествами («необычный», «странный») только в представлениях подростков о себе. Были проанализированы также связи между качеством «хороший друг», «дружелюбный» и другими. Более высокие вероятностные связи между этой группой качеств установлены с качествами, означающими вербальную и поведенческую активность («разговорчивый», «общительный»). Связь между качествами «хороший друг» и «ответственность» имеется в представлениях подростков о себе и предполагаемых представлениях родителей и одноклассников. У 15-летних такая связь имеется только в приписываемых родителями представлениях. Дружелюбие связывается с трудолюбием, а также с открытостью в общении, но такие представления приписываются родителям, а у 14-летних только одноклассникам.

Как видно из результатов контент-анализа, значимая совместная встречаемость некоторых характеристик в содержании представлений подростков о себе и в предполагаемых представлениях о них родителей имеет у подростков разного возраста общие закономерности. Это особенно проявляется при использовании подростками наиболее значимых для них характеристик: общей позитивной оценки себя, наличия позитивных эмоциональных качеств и интеллектуальных характеристик. Значимая встречаемость этих характеристик имеется не только в содержании собственных представлений подростков, но и в предполагаемых представлениях о них родителей и одноклассников.

Позитивные эмоциональные качества имеют больше всего связей как в собственных представ-

лениях 11- и 12-летних подростков, так и в предполагаемых представлениях о них их родителей. У 15-летних подростков собственные представления о себе почти отсутствуют, но сохраняется тенденция приписывать родителям и одноклассникам представления о них.

На основе проведённого исследования были выявлены следующие особенности приписывания. Совпадения собственных представлений подростков о себе с предполагаемыми представлениями о них значимых других проявляются в приписывании как себе, так и родителям, реже одноклассникам, одних и тех же характеристик, то есть подростки приписывают родителям как желательные, так и нежелательные представления о себе. Это явление можно назвать «подростковым эгоцентризмом». В психологии установлено, что эгоцентризм преодолевается с 6–7 лет. Однако в общении этот феномен продолжает существовать и в подростковом возрасте в сфере межличностных отношений и в процессе восприятия и понимания себя и других.

Выдвинутая и подтвержденная в исследовании гипотеза о сходстве представлений подростков о себе и предполагаемых представлений о них их родителей может быть объяснена следующими факторами:

- оценки родителей с раннего детства в большей мере, чем оценки других, определяют содержание представлений о себе – это обусловлено авторитетом родителей и их воспитательными функциями;

- у подростка еще недостаточно развита способность к самопознанию, что в представлениях о себе компенсируется своеобразным «подростковым эгоцентризмом», проявляющимся в том, что, по мнению подростка, родители воспринимают его идентично его собственным представлениям даже в ситуациях, когда они не всегда могут быть компе-

тентными (дружеские отношения, сфера интересов и предпочтений);

- под влиянием групп, в которые включается подросток, у него происходит изменение представлений о себе, возникают противоречия в этих представлениях, что затрудняет использование их в качестве регуляторов поведения. В процессе осознания подростками изменений знаний о себе они присваиваются как соответствующие или отвергаются. В этот период подростки продолжают ориентироваться на представления о них их родителей, как более знакомые им и стабильные.

В приписывании подростками своим родителям и одноклассникам позитивных представлений о себе, аналогичных собственным представлениям, определяется их потребностно-мотивационной сферой быть принятыми, поэтому в данном случае фиксируются те характеристики, которые связаны с ожиданиями значимых других.

Список использованной литературы

1. Андреева Г. М. Процессы каузальной атрибуции в межличностном восприятии // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 26–38.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 5.
3. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 19.
4. Пиаже Ж., Барбел И. Психология ребёнка. 18-е изд. Питер, 2003. 160 с.
5. Абульханова-Славская К. А., Гордиенко Е. В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. № 5. С. 37; Леонтьев Д. А. Психология смысла. 2-е изд., испр. М., 2003. 487 с.
6. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. М., 1973. С. 74–83.

УДК 316.64

В статье представлены данные эмпирического исследования локуса контроля спортсменов-хоккеистов, выделены особенности проявления интернальности в зависимости от возраста, раскрываются взаимосвязи личностных качеств и локуса контроля.

Ключевые слова: локус контроля; экстернальность; интернальность; ответственность; личность.

The article deals with the data obtained through an empiric research of locus of control of ice-hockey players. It points out peculiarities of internality manifestation depending on age and shows the interrelationship between personal qualities and locus of control.

Key words: locus of control; externality; internality; responsibility; personality.

T. V. Ogorodova

Ярославский государственный университет им. П. Г. Ушинского

E-mail: shtak@bk.ru

V. B. Tokareva

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: tokarka@bk.ru

Особенности уровня субъективного контроля различных возрастных групп*

Научная статья

T. V. Ogorodova

Yaroslavl pedagogical State University named after K. D. Ushinsky

E-mail: shtak@bk.ru

V. B. Tokareva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: tokarka@bk.ru

Features of Subjective Control Level of Various Age Groups

Scientific article

Актуальность. Интерес к проблеме психологии спорта обусловлен высокой популярностью самого спорта и физической культуры в наши дни. О спорте пишут статьи, книги, ему посвящаются спектакли, кинофильмы, на изучение его проблем все чаще обращают внимание социологи, медики, историки, педагоги и специалисты других направлений. Все это не просто дань моде, а отображение того места в современном обществе, которое заняли в нем физическая культура и спорт.

Состояние в науке и практике. Спортивное совершенствование, достижение высоких резуль-

татов определяются многими условиями: способностями, мотивацией, развитием волевых качеств спортсмена и др. Одним из условий роста спортивного мастерства, по нашему мнению, является локус контроля. Локус контроля (лат. locus – место, местоположение и франц. contrôle – проверка) – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам либо собственным способностям и усилиям [1]. Локус контроля спортсмена определяет эффективность самоанализа результатов соревнований, тренировки – успехов

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6/4569.2011); РГНФ (проект № 11-06-00738).

© Огородова Т. В., Токарева В. Б., 2013

и неудач, это уровень принятия ответственности за свои достижения и поражения. Важно отметить, что принятие ответственности проявляется не только в ситуациях «последствия», но и в условиях антиципации результата. Сознательная организация и саморегуляция человеком своего поведения, направленная на преодоление трудностей при достижении поставленных целей, является важнейшей характеристикой личности, необходимой в реализации задач спортивной деятельности [2].

Спортсмен в своей деятельности должен не только правильно оценить сложившуюся ситуацию, но и также правильно среагировать на нее [3]. Для хоккеиста, как и любого другого спортсмена, можно выделить два уровня настроения или отношения к ситуации: только я сам (команда) могу и сделаю все возможное для победы, либо «если повезет, то все будет хорошо». В первом случае мы имеем дело с проявлением интернального локуса контроля – уверенностью, что источник управления находится внутри самого человека, что он сам может осуществлять высокий уровень личного контроля. Второй случай отражает проявление экстраинтернального локуса – веры, что жизнью человека в большой степени управляют внешние силы, такие как случай, судьба или поведение других людей.

Мы считаем важным использования локуса контроля в качестве своеобразного ключа в изучении феноменологии и прогнозировании мотивации поведения спортсмена в различных ситуациях.

Методология. Методика исследования. Целью нашего исследования было изучение уровня субъективного контроля у хоккеистов различных возрастных групп. Диагностический аппарат исследования составили: методика «УСК» Е. Ф. Бажина (адаптированная для спортивной деятельности) и личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF. Определение достоверности различий выборочных средних проводилось по U-критерию Манна-Уитни для независимых выборок, взаимосвязи между факторами устанавливались при помощи коэффициента корреляции Ч. Спирмена.

Организация исследования. В исследовании приняли участие: хоккеисты команды «Локо» (в возрасте 17–19 лет) – всего 25 человек; хоккеисты команды «Локомотив 97» и «Локомотив 95» (обучающиеся СДЮШОР г. Ярославль, возраст 12 и 15 лет соответственно) – всего 45 человек.

Хоккейная команда «Локо» является фарм-клубом ХК «Локомотив» и состоит из игроков, прошедших серьезный отбор для попадания в состав

команды. «Хоккейный стаж» игроков составляет 10–12 лет, многие ребята иногородние и уже несколько лет живут на учебно-тренировочной базе. Практически все юноши – игроки команды – связывают свое профессиональное будущее с хоккеем.

Хоккейная команда «Локомотив 97» состоит из воспитанников СДЮШОР «Локомотив», мальчиков 1997 года рождения. Ребята занимаются хоккеем 5 лет, большинство учится в спортивных классах средней школы № 9. Команда тренируется 6 дней в неделю, участвует в турнирах и регулярном чемпионате России среди команд 1997 года рождения.

Сравнение психологических портретов представленных хоккейных команд, исследование личностных характеристик игроков позволяет, на наш взгляд, не только выделить специфические особенности каждой команды, но и обозначить возможные направления психологической работы с командой «Локомотив 97», которую мы осуществляем уже несколько лет. Качества спортивного характера у старших хоккеистов могут рассматриваться как возможная модель личностного развития молодых игроков.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования выявлено, что показатели интернальности игроков команды «Локо» выше, чем игроков «Локомотива 95» (общая интернальность ($U = 23$, $p = 0,001$); интернальность достижения ($U = 61,5$, $p = 0,001$), интернальность неудач ($U = 164$, $p = 0,001$), интернальность семейных отношений ($U = 53$, $p = 0,001$), интернальность спортивной деятельности ($U = 171$, $p = 0,01$), интернальность межличностных отношений ($U = 98$, $p = 0,001$), различия не достоверны только по показателю интернальность здоровья ($U = 218$, $p = 0,01$).

Игроки молодежной команды «Локо» (19 лет) старше и опытнее. В таком возрасте ответственность является важной составляющей, компонентом личностной зрелости. Развитие чувства «профессиональной» (спортивной) компетентности является центральным возрастным новообразованием этого периода. Формирование ответственности у игроков молодежной команды идет рука об руку с развитием автономности личности и обеспечением свободы принятия решений относительно самого себя.

Установлена обратная связь показателя общей интернальности (Ио) и показателя фактора чувства вины «О» ($r = -0,521$, $p = 0.001$). Чем выше уро-

вень общей интернальности, тем меньше выражена склонность к чувству вины и наоборот. Спортсмены с высоким показателем общей интернальности (Ио) уверены, что источник управления находится внутри них самих и что они могут осуществлять высокий уровень личного контроля, влиять на развитие ситуации. В исследовании, проведенном нами ранее, было установлено, что высокие показатели склонности к чувству вины (высокий «О») у хоккеистов являются фактором, тормозящим профессиональный рост спортсмена, создающим значительные трудности самоанализа неблагоприятных ситуаций (длительное отсутствие личного успеха, поражение команды и т. д.) [4]. Следовательно, высокая общая интернальность является благоприятным фактором профессионального и личностного развития спортсмена. Также установлена связь показателя интернальности в области неудач (Ин) и показателя фактора доминантности «Е» ($r = 0,589$, $p = 0,001$). Спортсмен с высокими показателями по фактору «Е» характеризуется стремлением к самоутверждению, доминированию, превосходству. Ему нравится принимать вызовы, действовать смело, агрессивно, и, как показывают результаты корреляционного анализа, такой спортсмен имеет развитое чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности искать в себе причину неудач.

Установлена связь показателя интернальности межличностных отношений (Им) и показателей «теплоты в общении» «А» ($r = 0,527$, $p = 0,001$). Для спортсменов-интерналов в межличностных контактах характерно богатство и яркость эмоциональных проявлений, открытость и готовность к сотрудничеству в команде. Экстернал склонен к ригидности в деятельности и личных установках, холодности, скептицизму и отчужденности.

Необходимо отметить взаимосвязи показателя интернальности в области неудач, фактора чувствительности «I» ($r = -0,742$, $p = 0,001$) и фактора «N» прямолинейность ($r = -0,519$, $p = 0,001$). Следовательно, чем выше показатель интернальности, тем ниже фактор чувствительность. Таким образом, спортсмены с интернальностью и низким показателем по этому фактору будут мужественными,

независимыми. При поражениях будут руководствоваться реальными возникающими моментами (здесь надо было правильно встать, здесь надо было подставить клюшку). Руководя командой, такой игрок заставляет работать коллектив на практической и реалистической основе. Экстернальный спортсмен и с высоким показателем по фактору «I» чаще проявляет слабость, мечтательность, капризность. При поражении будет винить внешние факторы (случайность, судьбу). Будет склонен замедлять деятельность группы и нарушать ее моральное состояние нереалистическим копанием в мелочах, деталях. Также чем выше показатель интернальности, тем ниже фактор «N». Такие спортсмены медлительны, консервативны, препятствуют принятию решения командой.

Выводы. В результате проведенного исследования установлены взаимосвязи локуса контроля и личных особенностей спортсменов-хоккеистов, что говорит о значении локуса контроля для личностного и «профессионального» развития спортсмена. Также в заключение необходимо отметить, что на основе данных исследования нами была организована индивидуальная работа с игроками.

Список используемой литературы

1. Огородова Т. В., Токарева В. Б. Локус контроля и волевая саморегуляция у спортсменов разных возрастных групп // Психология 21 века: сборник тезисов VII Международной научно-практической конференции молодых ученых. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. С. 139–142.
2. Реан А. А. Психология изучения личности. СПб.: Изд-во Михайлова, 1999. С. 93–112.
3. Токарева В. Б. Изучения локуса контроля и волевой саморегуляции у спортсменов // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Т. 3. М.: Российское психологическое общество, 2012. С. 394–395.
4. Огородова Т. В. Проявление личностной и ситуативной тревожности у молодых хоккеистов // Рудиковские чтения: материалы V Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта. М.: Анита Пресс, 2009. С. 260–263.

В статье представлено обоснование коммуникативной природы проблемных ситуаций, возникающих в процессе организационных изменений. Показаны социально-психологические характеристики проблемных ситуаций в общении и взаимодействии в процессе разработки и внедрения систем менеджмента качества (СМК) как управленческого нововведения.

Ключевые слова: коммуникативные проблемные ситуации; содержательные противоречия; организационное изменение; система менеджмента качества.

The article presents an explanation of the communicative nature of problem situations arising in the process of organizational reassignment. Socio-psychological characteristics of problem situations are shown in communication and interaction in the process of working out and implementing Quality Management Systems (QMS) as a management innovation.

Key words: problem situations in communication; meaningful contradictions; organizational reassignment; quality management system.

Е. А. Белкова

Государственная академия промышленного менеджмента им. Н. П. Пастухова

E-mail: belkovaea@gapm.ru

Коммуникативная природа проблемных ситуаций в организационных изменениях

Научная статья

Е. А. Belkova

State Academy of Industry Management after N. P. Pastukhov

E-mail: belkovaea@gapm.ru

Communicative Nature of Problem Situations under Organizational Reassignment

Scientific article

Организационные изменения предполагают возникновение и разрешение проблемных ситуаций, связанных с необходимостью освоения сотрудниками новых способов поведения и взаимодействия, соответствующих сути нововведения. Примером организационных изменений могут быть разработка и внедрение системы менеджмента качества (СМК) на основе стандартов ISO¹, разработка и внедрение корпоративных стандартов качественного обслуживания, внедрение систем электронного документооборота и многое другое. Для успешного внедрения инновации у персонала организации должны быть сформированы способности, связанные с управлением людьми, организацией межличностных отношений и относящиеся, по мнению А. В. Карпова, к кадровому, «личностному» «измерению» управленческой деятельности [1]. Данные способности могут рассматриваться как социально-психологическая и управленческая компетентность, соответствующая изменившимся условиям.

Проблемные ситуации возникают вследствие невозможности решать новые профессиональные задачи «старыми» методами управления. Большая их часть связана с другими людьми и обусловлена необходимостью выполнения совместной деятельности, поэтому мы относим проблемные ситуации к коммуникативным. Под коммуникативными проблемными ситуациями (КПС) понимаются ситуации актуализации противоречия между способами управления и взаимодействия, которые существуют в организации, и теми, которые необходимо освоить в процессе нововведения. При этом с психологической точки зрения важна не только внешняя, эксплицитная сторона изменения поведения человека, но и его отношение к необходимости применять новые формы и методы управления и взаимодействия в изменившихся условиях.

Рассматривая специфику проблемных ситуаций в организационных изменениях, необходимо рассмотреть понятие «пространства проблемных ситуаций» как значимую характеристику КПС [2].

¹ ISO – международная организация по стандартизации.

Пространство проблемных ситуаций «является результатом обобщения многочисленных эпизодов профессиональной деятельности и включает в себя представление индивида о проблемных точках, ...о том, ...какова степень необходимости их решения». Эти представления могут носить неосознанный или полусознанный характер. Субъект может подготовиться к возможному возникновению проблемности, нарабатывая своеобразные «заготовки», которые в дальнейшем могут стать частью решения сформировавшихся на основе проблемных ситуаций мыслительных задач [3]. Изучение КПС в процессе организационных изменений позволяет определить «пространство проблемных ситуаций», характерное для субъектов управления в рамках нововведения. При этом важны именно общие черты проблемных ситуаций и динамики их развития, так как только сходные элементы мыслительного процесса могут быть положены в основу методов организации взаимодействия в проекте. Накопление опыта решения мыслительных задач у субъекта в процессе организационного изменения должно носить не стихийный и индивидуальный характер, а управляемый и коллективный. Важно, чтобы процесс разрешения КПС носил контролируемый характер, а сами ситуации были осознанными и определялись «как значимые и разрешимые с учетом всей меры ...сложности» [4] для всех заинтересованных субъектов управления. Исследуя проблемные ситуации в организационных изменениях, важно понять, каким образом выработать сходные способы решения проблемных ситуаций у группы людей, что, по нашему мнению, возможно, если удастся сформировать сходные элементы «условий» мыслительной задачи и элементы ее решения. Следовательно, важно сформировать такие условия совместной деятельности, которые обеспечат «перевес» содержательных характеристик КПС над индивидуальными.

Под «содержательными» характеристиками в данном случае понимаются те, что обусловлены требованиями к изменению форм и методов управления и взаимодействия (например, необходимость формирования командных методов работы и пр.). Указанные характеристики при соответствующих, специально созданных условиях могут доминировать и влиять на выработку индивидуальных способов восприятия, понимания и разрешения КПС. В пользу этого предположения говорит то, что в исследованиях структуры профессионального опыта также находит отражение потребность

субъекта познавать свойства взаимодействующей системы, к которой может быть отнесена и система управления организацией. Так, по мнению Ф. С. Исмагиловой [5], содержание профессионального опыта включает в себя как интегративный феномен видение ситуации в целом, себя в этой ситуации, критерии эффективного поведения в ситуации, предвидение развития события, управление ситуацией, а также новое системное видение профессиональной среды и себя в ней.

На наш взгляд, определить характеристики КПС в процессе организационного нововведения можно только через обобщение индивидуального опыта субъектов управления, а также психологических закономерностей процесса их возникновения и решения – общих для большинства субъектов управления. Характеристики КПС можно условно разделить на «видимые», осознаваемые субъектами управления, характеризующие эксплицитную сторону проблемы, и «социально-психологические», внутренние, относящиеся к имплицитной стороне управленческой деятельности и определяющие причину восприятия ситуации как проблемной. В отличие от «видимых» характеристик КПС, социально-психологические могут быть неочевидны для субъектов управления. Основная цель их изучения – необходимость выявления социально-психологических характеристик требуемых изменений, которые составляют «собственно психологическое содержание». На данный момент остаются непроработанными методы ее актуализации для субъектов управления, задействованных в инновировании. Результатом может стать актуализация социально-психологического содержания организационных изменений и научно-методическое обоснование подхода к социально-психологическому сопровождению нововведения на основе коммуникативных проблемных ситуаций.

КПС в организационных изменениях обладают следующими признаками: наличие объективной необходимости изменения порядка выполнения профессиональной деятельности и управления ею; наличие задач (часто слабоструктурированных и обладающих высокой степенью неопределенности), которые для своего решения требуют освоения новых знаний и способов, а также формирования нового отношения к целому ряду факторов профессиональной деятельности (например, таких как профессиональная позиция, приверженность организации, партнерские отношения с коллегами и подчиненными); необходимость принятия управ-

ленческих решений, в том числе коллегиальных, направленных на оптимизацию совместного взаимодействия отдельных сотрудников и/или структурных подразделений с целью достижения общих организационных целей. Указанные характеристики позволяют точнее определить феномен, подлежащий изучению, а именно принятие управленческих решений на основе данных об объективной ситуации в процессе нововведения, которые имеет субъект управления. Последний может рассматриваться как процесс решения задач в рамках КПС, так как он, как правило, основан на следующих составляющих: на узнавании и освоении нового содержания профессиональной деятельности, новых способов ее выполнения и т. п. (познавательный процесс); деятельности по включению нового в повседневную практику работы, в том числе в управление (деятельностный аспект). То есть, с одной стороны, субъект профессиональной деятельности должен узнать и освоить новое, а с другой – применить его на практике. В реальной жизни часто идет процесс узнавания через освоение. Для нас важно, чтобы новые знания и формы взаимодействия были не просто интегрированы в существующие поведенческие формы, а заменены с высоким уровнем осознанности. Следовательно, необходимо найти способы, позволяющие «перестроить» философию управления организацией (в контексте практического мышления – свойства взаимодействующей системы «субъект – объект труда»), используемую субъектами управления и влияющую на порядок выполнения профессиональной деятельности и принятие управленческих решений. А такие способы могут быть основаны только на понимании особенностей познавательной и мыслительной деятельности субъектов управления предприятий и организаций.

По мнению авторов коллективной монографии [6], проблемные ситуации являются одновременно феноменом деятельности и феноменом мышления. Управленческое нововведение включает в себя создание условий активизации практического мышления в ходе учебной и проектной деятельности в процессе возникновения и разрешения КПС. Следовательно, необходимо изучить содержание проблемных ситуаций, возникающих у субъектов управления в рамках конкретного проекта, выделить содержательные противоречия как их характеристики, а также определить методы создания контролируемых условий возникновения КПС и путей их решения. Под содержательными

противоречиями в данном случае понимается психологическое содержание проблемных ситуаций, социально-психологические и управленческие компетенции, которые нужно освоить как для успешного внедрения нововведения, так и для успешного разрешения КПС. Таким образом, КПС в организационных изменениях включают в себя следующие компоненты применительно к субъекту управления: наличие затруднений или противоречий, порождающих осознанный процесс мышления, направленный на «снятие» противоречий; субъективную значимость затруднения (противоречия) для субъекта; возникновение необходимости поиска новых (для данного субъекта) путей выхода из затруднения или адаптацию уже известных способов деятельности к новым условиям. Содержательное противоречие отражает все три компонента, показывая суть изменения (например, необходимость найти способы мотивации и убеждения сотрудников организации на участие в процессе нововведения). Содержательные противоречия рассматриваются нами как основа возникновения и характеристика КПС [7], но остаются неясными причины восприятия ситуации как проблемной, которые, по нашему мнению, можно понять, только изучив социально-психологические характеристики КПС.

Для определения социально-психологических характеристик КПС в организационных изменениях нам было необходимо выявить общие для субъектов управления основания возникновения затруднений, понять, что именно вызывает эмоциональное отношение к необходимости изменения поведения и почему проблемные ситуации требуют совместной деятельности субъектов управления по их разрешению. Вначале нами были проанализированы литературные источники по особенностям существующих подходов к описанию КПС в профессиональной деятельности, а также проанализирован комплект проблемных ситуаций, который был получен в результате проведения феноменологического интервью, направленного на идентификацию проблемных ситуаций в процессе управленческого нововведения на примере разработки и внедрения СМК на предприятиях и в организациях [8]. Прделанная работа показала, что возможны различные варианты описания проблемных ситуаций, возникающих в ходе коммуникативного взаимодействия. Например, проблемные ситуации могут возникать вследствие непонимания другого, отсутствия средств воздействия на партнера, несогласования между нашими субъективными ожи-

даниями и представлениями и реальностью [9]. В рамках нашего исследования мы не можем полностью воспользоваться предлагаемой классификацией, так как, с одной стороны, не все проблемные ситуации в процессе разработки и внедрения СМК можно отнести к выделенным группам и, с другой – часть проблемных ситуаций может быть включена в любую из трех групп. Иные классификации, представленные в работах В. А. Крутецкого, Т. В. Кудрявцева, С. Ф. Жуйкова и др. [10], основанные на различных способах создания проблемных ситуаций и на некоторых психологических особенностях заданий, вызывающих проблемные ситуации, также оказались не совсем подходящими. Например, основания «задачи с недостающей или избыточной информацией» и «задачи с противоречивыми данными» и др. в рамках нашего исследования могут быть применимы практически ко всем идентифицированным проблемам в общении. Это обусловлено тем, что коммуникативные проблемные ситуации в проектах, связанных с внедрением управленческого нововведения, изначально носят сложный с точки зрения информационного обеспечения характер, так как основаны на реальных жизненных ситуациях, в которых информация все время меняется, и заставить ситуацию «замереть» мы не можем. Кроме того, данные о ситуации в рамках проекта являются скорее основой, стимулом для зарождения проблемной ситуации и могут порождать различные трудности в коммуникациях.

Если сравнивать представленные выше основания, то нам ближе первый подход, ценность которого заключается в том, что проблемные ситуации рассматриваются с точки зрения субъекта восприятия. Взяв за основу данную идею, мы вначале определили группы субъектов управления, для которых характерны проблемные ситуации, и их функции в проекте. Это – руководители и сотрудники структурных подразделений качества, сотрудники организации, включая руководителей структурных подразделений и руководителей процессов СМК, идентифицированных в организации², которые, как

² Руководители бизнес-процессов определяются в рамках системы менеджмента качества. В каждом процессе участвуют несколько структурных подразделений, но руководителем процесса является только один из руководителей участвующих структурных подразделений либо должностное лицо более высокого уровня управления, которому структурно подчиняются все руководители подразделений, принимающие участие в выполнении деятельности по процессу и управлению ею.

правило, являются руководителями рабочих групп по разработке конкретных документов СМК; внешние консультанты, сопровождающие процесс разработки документов системы управления. Специфика КПС для каждой из перечисленных групп может различаться, но нас прежде всего интересует содержание затруднений, обусловленных разницей между существующей системой управления и теми изменениями, которые предусматривает СМК. Ниже приведены примеры описаний проблемных ситуаций для каждой группы.

Ситуации, значимые для сотрудников структурных подразделений качества: «Сотрудники не до конца понимают, почему их привлекают к разработке документов СМК: по их мнению, все должны сделать сотрудники отдела качества», «Часть руководителей не считает нужным разрабатывать документы по процессам, за которые они отвечают, а содержание деятельности по этим процессам кроме них до конца никто не знает», «Слабая мотивация руководства на создание СМК вследствие непонимания сути системы и объема работ по ее разработке и внедрению. Как следствие – слабая обеспеченность человеческими, материальными и информационными ресурсами (людей мало, сотрудников привлечь трудно, обученных либо мало, либо нет совсем)».

Ситуации, значимые для консультантов: «Для разработки документов системы выделяются сотрудники, которые не полностью знают и понимают содержание работ по процессу. Более опытных не дают руководители подразделений», «Слабая мотивация руководства на создание СМК вследствие непонимания сути системы и объема работ по ее разработке и внедрению. Как следствие – слабая обеспеченность человеческими, материальными и информационными ресурсами (людей мало, сотрудников привлечь трудно, обученных либо мало, либо нет совсем)».

Ситуации, значимые для сотрудников предприятий и организаций, участвующих в процессе разработки и внедрения СМК: «Разработка документов СМК является дополнительной нагрузкой для сотрудников, что вызывает сопротивление и нежелание выполнять эту работу», «Сотрудники не до конца понимают, почему их привлекают к разработке документов СМК: по их мнению, все должны сделать сотрудники отдела качества».

Как мы видим, одна и та же ситуация может быть значима для нескольких групп, что может свидетельствовать об их «универсальности», актуальности для всех субъектов управления, а также о том, что может

существовать общая психологическая основа возникновения проблемных ситуаций, которую необходимо определить. Опираясь на приведенные ранее литературные данные, нами были выделены следующие социально-психологические характеристики КПС в организационных изменениях, определяющие восприятие ситуации как проблемной: фрустрация той или иной потребности и отсутствие средств воздействия на партнера либо неадекватность привычных способов поведения или управления требованиями новой системы управления.

Рассмотрим первую характеристику – фрустрация той или иной потребности применительно к выделенным группам субъектов управления. Наиболее четкими для понимания и формулирования оказались потребности группы руководителей и сотрудников подразделений качества, связанные с несоответствием поведения партнеров по взаимодействию собственным ожиданиям. Например, ситуации, когда ответственный за разработку системы сотрудник подразделения качества ожидает помощи от руководства, а получает только указания, что он должен сделать и в какие сроки; или надеется, что руководители подразделений, рабочих групп³ и другие сотрудники выполнят свою часть работы, а сталкивается с нежеланием и «саботажем» работ по проекту. В этом случае понижаются ожидания, что руководство проявит заинтересованность в мотивации других сотрудников, поддержит ресурсами (время, человеческие ресурсы, материальная поддержка, такая как техника, информация и другое), а также потребность в справедливости и равномерном распределении обязанностей между всеми сотрудниками организации. При этом не просто не оправдываются ожидания, а подавляются те потребности, которые оказывают решающее воздействие на успешность нововведения. По общему мнению представителей этой группы, поддержка руководителей во многом облегчает работу с персоналом в проекте и может включать прямое обращение руководителей к персоналу (а не опосредованное, через сотрудников подразделения качества) и выделение дополнительных ресурсов. Как мы видим, подавляемые потребности этой группы носят неоднозначный характер и отражают противоречивость ситуации взаимодействия. С одной

³ Под «рабочей группой» в данном случае понимается группа сотрудников организации, назначенная приказом с целью разработки конкретного документа (документов) СМК в рамках проекта по разработке и внедрению системы менеджмента качества.

стороны, руководители и сотрудники структурных подразделений качества обязаны координировать процесс разработки документов СМК, а с другой – не могут сделать это без участия всего персонала организации или предприятия, что, в свою очередь, невозможно без активной поддержки со стороны высшего руководства. Таким образом, от того, как проявляют себя первые лица, во многом зависит и содержание тех проблемных ситуаций, которые возникают в процессе разработки и внедрения СМК. В то же время ситуация фрустрации потребностей – это не просто внутриличностная, но и подлинно мыслительная проблема: субъект оказывается перед необходимостью что-то менять в ситуации взаимодействия, чтобы либо повысить шансы на удовлетворение потребности, либо исключить те обстоятельства, которые делают сопровождающие фрустрацию эмоции наиболее острыми. Следовательно, имеется необходимость определения особенностей мышления, поведения и принятия решения в рамках описанных проблемных ситуаций.

Потребности группы консультантов, которые профессионально занимаются обучением, сопровождением процесса организационного изменения, оказались менее выраженными и определялись в основном желанием ответственного отношения руководства и сотрудников организации-заказчика к разработке и созданию СМК. Под «ответственным» отношением респонденты в данном случае понимали следующие факторы, влияющие, по их мнению, на успешность взаимодействия: обеспечение проекта необходимым и достаточным составом сотрудников организации, понимающих содержание деятельности по всем ключевым для создания системы направлениям⁴; назначение ответственными за проект со стороны организации-заказчика компетентных и активных сотрудников, не только способных понимать специфику и содержание СМК, грамотно оформлять разработанную документацию, но и обладающих достаточной для результативности проекта организованностью и полномочиями; информационная поддержка проекта: доступ к необходимым законодательным и локальным нормативным актам организации, необ-

⁴ Под направлениями в данном случае понимаются основные виды деятельности. Для вуза – это обучение, воспитание и наука, для предприятий – производство. Общими для организаций и предприятий являются, например, такие виды деятельности, как управление персоналом, управление инфраструктурой и производственной средой.

ходимым для разработки документов СМК. Таким образом, основной потребностью данной группы является желание оптимального распределения работ по проекту между консультантами и сотрудниками организации-заказчика, что позволяет выдерживать установленные сроки запланированных работ по проекту и оптимизировать собственные усилия.

Другая группа испытуемых – сотрудники предприятий и организаций, на которых внедряется СМК, – в качестве основной потребности определяет справедливое распределение работ по проекту, а именно желание, чтобы им поручали только разработку документов системы или их частей, непосредственно относящихся к их профессиональной деятельности.

Вторая социально-психологическая характеристика КПС – отсутствие средств воздействия на партнера либо неадекватность привычных способов поведения сложившейся ситуации. Как правило, подобные ситуации связаны с особенностями поведения руководителя или коллег. В этом случае субъекты управления либо не знают, как реагировать, либо реагируют неадекватно. Подобные ситуации, как правило, не находят своего разрешения и носят хронический характер (последнее следует из описаний, представленных группами субъектов управления). Приведем пример: «Руководителей процессов очень трудно убедить в том, что деятельность по процессу может включать и деятельность других отделов и подразделений. Они отказываются брать "чужое" в "свой" процесс из страха, что потом их заставят это делать». Возможно, одной из причин того, что подобного рода ситуации воспринимаются как проблемные, является то, что субъекты часто не могут определить свою часть ответственности за решение проблемы, что приводит либо к ее перекладыванию на других лиц (руководителя, коллег), либо к игнорированию, отстраненности от ее решения. Проблема, таким образом, приобретает исключительно внутриличностный характер, но воспринимается как межличностная и является таковой: ее разрешение невозможно силами только одного субъекта без изменения общих способов управления и взаимодействия.

Таким образом, определение социально-психологических характеристик КПС позволяет рассмотреть проблемные ситуации с точки зрения субъектов управления, определить, в чем именно заключается проблемность для них самих, что, в свою очередь, позволяет как определить комму-

никативную природу проблемных ситуаций, так и выработать методы их создания и разрешения в рамках обучения и социально-психологического консультирования. Последнее положение основано на том, что выделенные социально-психологические характеристики являются общими для всех групп субъектов управления, а значит, могут служить основой для определения типичных потребностей и новых способов поведения и управления, исходя из специфики содержания нововведения. По нашему мнению, общее содержание затруднений может в какой-то мере нивелировать субъективные особенности их понимания и восприятия.

Определение социально-психологических характеристик КПС и их актуализация «запускает» потребность субъектов управления в освоении социально-психологических и управленческих компетентностей для решения КПС, что означает учет социально-психологической составляющей нововведения, а также предоставляет возможности для формирования методических приемов работы консультанта, сопровождающего процессы организационных изменений, и определяет подходы к технологизации процесса его работы. В контексте практического мышления это важный шаг по переводу проблемной ситуации в задачу, которая является основой для поиска способов ее решения. При этом следует понимать, что требования к изменению поведения персонала в любом организационном изменении могут быть не восприняты или неверно проинтерпретированы уже на этапе принятия решения об инновации. Это может произойти в силу неочевидности их социально-психологической составляющей. Чаще всего руководитель и персонал организации ориентируются на более «понятные» для них элементы, связанные с «видимым» результатом нововведения: комплект документов, внедренное программное обеспечение, сертификат, документы об обучении и т. п. Все эти элементы носят очевидный характер и при определенной интерпретации позволяют ничего серьезно не менять в системе управления предприятием и компетенции персонала. В этом случае ситуация остается на уровне перцептивного противоречия и не переходит в проблемную с осознанием и переживанием содержательного противоречия. Следовательно, если требования управленческой инновации понимаются без учета социально-психологической составляющей, задачи, поставленные в рамках организационного изменения, не достигаются либо достигаются не в полной мере (например,

на формальном уровне, когда инновация внедрена, но не дает того результата, на который рассчитана).

Таким образом, обосновывая коммуникативную природу проблемных ситуаций, возникающих в процессе организационного нововведения, можно сделать следующие выводы:

1. Проблемные ситуации возникают, как правило, в процессе взаимодействия с другими людьми и воспринимаются как проблема именно потому, что их решение зависит от изменения общих норм поведения или норм, характерных для определенной группы сотрудников организации.

2. Изменения в управлении и взаимодействии должны относиться ко всем (или большому числу) участникам организационного изменения, в ином случае они не будут эффективны.

3. Актуализация социально-психологического содержания организационного изменения является условием активизации мыслительного процесса и поиска решения возникающих проблем в управлении и взаимодействии.

4. Социально-психологическое содержание может быть актуализировано через определение и использование содержательных противоречий как основы и характеристик КПС. Содержательные противоречия отражают глубинное психологическое содержание, значимое для субъекта управления, и содержание, отражающее специфику организационного изменения, а именно те социально-психологические и управленческие компетенции, которые нужно освоить как для успешного внедрения нововведения, так и для успешного разрешения КПС.

5. В основе содержательных противоречий лежат социально-психологические характеристики КПС в организационных изменениях, определяющие причину восприятия ситуации как проблемной. Они характеризуют общие для субъектов управления основания возникновения затруднений и определяют необходимость совместной деятель-

ности субъектов управления по их разрешению. К ним относятся: фрустрация той или иной потребности и отсутствие либо неадекватность имеющихся средств воздействия на партнера требованиям новой системы управления.

6. Учет социально-психологической составляющей нововведения в процессе его внедрения представляет возможности для формирования методических приемов работы консультанта, сопровождающего процессы организационных изменений, а также определяет подходы к технологизации процесса его работы.

Список использованной литературы

1. Карпов А. В. Психология менеджмента М.: Гардарики, 2005. С. 527.

2. Белкова Е. А. Коммуникативные проблемные ситуации как основа актуализации социально-психологического содержания системы менеджмента качества: дис...канд. психол. наук. Ярославль, 2011. С. 32.

3. Субъект и объект практического мышления: монография / под ред. А. В. Карпова, Ю. К. Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004. С. 19.

4. Корнилов Ю. К. Мышление руководителя и методы его изучения. Ярославль: ЯрГУ, 1982. 78 с.

5. Исмагилова Ф. С. Профессиональный опыт специалиста в организации и на рынке труда. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999. 210 с.

6. Субъект и объект практического мышления.

7. Белкова Е. А. Указ. соч. С. 88–114.

8. Там же. С. 74 – 88, 194–196

9. Белкова Е. А., Конева Е. В. Проблемные ситуации во взаимоотношениях подростков с родителями // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний: сб. ст. Ярославль, 1997. С. 79–88.

10. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. С. 29.

Детско-родительские отношения, особенно психологическая привязанность, играют важнейшую роль в отношениях ребенка с ближайшим окружением на всех этапах его взросления. Взаимоотношения в семье, в которой растет ребенок, влияют на его взаимодействие с окружающими его людьми.

К л ю ч е в ы е с л о в а : семья; детско-родительские отношения; привязанность; развитие ребенка; самооценка.

The relations between parents and a child, especially a psychological attachment, play a very important role in child's development at its every stage. Relations in family influence his relations with other people.

К е y w o r d s : family; relations between child and parent; attachment; development of child; self-appraisal.

Л. А. Николаева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: la-ko82@mail.ru

Социально-психологические аспекты общения подростков с родителями

Научная статья

L. A. Nikolayeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: la-ko82@mail.ru

Social-Psychological Aspects of Adolescents' Communication with Parents

Scientific article

Общение ребенка со сверстниками и значимость этого общения в подростковом возрасте часто становится важнее его взаимоотношений со взрослыми, прежде всего с родителями. Влияние родителей уже ограничено – ими не охватываются все сферы жизни, как было в младшем школьном возрасте, но его значение трудно переоценить. Мнение сверстников обычно ценится в вопросах дружеских отношений с мальчиками и девочками, в вопросах, связанных с развлечениями, молодежной модой, современной музыкой и т. п., а мнение взрослых часто считается «устаревшим». Но все-таки ценностные ориентации подростка, понимание им социальных проблем, нравственные оценки событий и поступков в первую очередь зависят от позиции родителей и других значимых взрослых [1].

Ввиду вышесказанного изучение детско-родительских отношений является чрезвычайно важным для понимания как факторов, влияющих на формирование личности ребенка, так и факторов, оказывающих воздействие на его воспитание. Основное влияние на развитие личности ребенка, несомненно, имеет семья – родители и близкие родственники. Дети, лишённые возможности непосредственно и постоянно участвовать в жизни семьи как

малой группы, состоящей из родных и близких им людей, зачастую не приобретают тех навыков, которые необходимы для полноценного общения.

Казалось бы, прописная истина – от семьи зависит психологическое состояние ребенка. Однако влияние семьи несет в себе еще более значимую функцию. По мнению психологов, семья помогает, в частности, уменьшить возможный риск развития суицидальных наклонностей, хронической депрессии, что характерно для многих подростков, которые проходят через весьма непростой переходный возраст. Депрессия у современных школьников нередко переходит в вымышленные, а затем и реальные попытки самоубийства, вызванные именно недостатком взаимопонимания в близком кругу общения. Однако риски депрессии и возможного суицида существенно уменьшаются, если у школьника любящая и поддерживающая семья [2].

Целью данной работы является изучение социально-психологических аспектов общения подростков со взрослыми. Объект исследования – коммуникативное общение подростков со взрослыми. Предмет исследования – взаимосвязь особенностей общения подростков с разным уровнем самооценки и социально-психологическими установками их родителей.

В качестве гипотезы мы выдвигаем предположение, что уровень самооценки и негативные установки в общении детей в период подросткового возраста связаны с их личностными особенностями, родительским воспитанием и с коммуникативными особенностями общения в родительских семьях. Выборку составили 104 школьника 8 и 9-х классов и их родители – 104 человека.

В работе были использованы следующие методы: методы психодиагностики (анкетирование, тестирование); методы математико-статистического анализа полученных данных. В качестве психодиагностических методик были использованы следующие методики: методика изучения самооценки (Т. Дембо – С. Рубинштейн); методика «Диагностика коммуникативной установки» В. В. Бойко; методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потёмкина; методика PARI (адаптирована Т. В. Нецерт); подростковый вариант теста Кэтелла (12–18 лет).

На первом этапе исследования мы провели диагностику уровня самооценки подростков. Оказалось, что 59% из них – со средним уровнем самооценки, и 41% – с низким уровнем самооценки. Респондентов с высоким уровнем самооценки в ходе диагностики выявлено не было.

На втором этапе исследования было проведено изучение подростков с помощью методики «Диагностика коммуникативной установки В. В. Бойко». Испытуемые были разделены на две группы. В первую группу вошли юноши и девушки с наличием выраженной негативной коммуникативной установки (общий балл был ≥ 33), во вторую – с невыраженной негативной коммуникативной установкой (общий балл < 33). Для удобства описания первая группа была названа нами «НегУ», а вторая – «ОНегУ». Первая группа составила 59 человек, вторая – 55.

Итак, в группе подростков с негативной установкой, в отличие от подростков из второй группы, были выявлены высокие показатели открытой жестокости и высокие показатели по шкале обоснованного негативизма в суждениях о людях. Также респонденты данной группы характеризуются склонностью к необоснованным обобщениям негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью. В данной группе чаще встречается негативный опыт общения.

В первой группе подростков показатели завуалированной жестокости ($\rho = 0,5$, $p > 0,05$), обоснованного негативизма ($\rho = 0,05$, $p > 0,05$), негативного опыта общения ($\rho = 0,57$, $p > 0,05$) связаны с аналогичными показателями их родителей. Показатель открытой жестокости у подростков прямо пропорционален этому же показателю у их родителей ($\rho = 0,74$, $p < 0,05$). Показатель «Склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов» у подростков не связан с родительскими установками ($\rho = 0,36$, $p > 0,05$). В данной группе подростки не принимают или не понимают индивидуальность другого человека. Они склонны использовать только себя в качестве эталона при оценке других людей. Это можно объяснить тем, что поведение подростка зависит от многих факторов, главную роль среди которых играет образ жизни и поведение родителей, т. к. он наблюдает взаимоотношения между родителями, а также способы их общения с окружающими людьми. Эти взаимоотношения оказывают огромное влияние на поведение и развитие ребенка, на его будущие взаимоотношения с людьми.

Респондентам группы с негативными коммуникативными установками также свойственно неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров ($\rho = 0,41$, $p > 0,05$), стремление переделать или перевоспитать партнера ($\rho = 0,41$, $p > 0,05$), неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров ($\rho = 0,53$, $p > 0,05$). Также для них характерна нетерпимость к психическому или физическому дискомфорту ($\rho = 0,63$, $p > 0,05$), причем эти показатели подростков группы с отсутствием негативных коммуникативных установок связаны с аналогичными показателями родителей. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена для группы подростков из второй группы показывает отсутствие связей по всем показателям.

На третьем этапе исследования проведена методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. Группа подростков с негативной коммуникативной установкой в большей степени ориентирована на эгоизм и достижение результата ($\rho = 0,45$, $p > 0,05$), на власть ($\rho = 0,63$, $p > 0,05$), когда группа подростков с отсутствием негативной коммуникативной установки ориентирована на альтруизм и на процесс. Эти показатели связаны с показателями родителей.

На четвертом этапе исследования была проведена методика выявления родительских установок

PARI. Родители подростков группы с негативными коммуникативными установками не оберегают своих детей от трудностей, поощряют агрессивное поведение ребенка, поощряют зависимость ребенка от себя и не интересуются делами и чувствами своих детей. Родители подростков группы с отсутствием негативных коммуникативных установок часто используют гиперопеку в отношении своих детей, т. е. навязывают себя и свое внимание подросткам. Данная группа родителей в отличие от родителей группы с отсутствием негативных коммуникативных установок не предоставляют возможность своему ребенку высказаться и не принимают товарищеские отношения между родителями и детьми. В свою очередь, родители подростков группы с отсутствием негативных коммуникативных установок всемерно поощряют и развивают активность своего ребенка.

В семьях подростков группы с негативными коммуникативными установками и низким уровнем самооценки семейные конфликты встречаются чаще, чем в семьях группы с отсутствием негативных коммуникативных установок и средним уровнем самооценки. Подростки с низким уровнем самооценки чаще, чем подростки со средним уровнем самооценки, раздражают своих родителей. Подростки группы со средним уровнем самооценки по отношению к другим выступают как руководители, но это не связано с истинным лидерством и реальными способностями. Они могут быть временными лидерами в экстремальных ситуациях или в неформальных группах, также им характерно высокое упорство в борьбе против норм, установок в группе. Такие подростки легко переключаются с одной деятельности на другую, склонны к частой перемене мест, избегают правил, мало чувствуют обязанности. Они не прилагают усилий при решении групповых задач, выполнении социально-культурных требований. Подростки данной группы более независимы, склонны идти своим путем, принимать собственные решения, действовать самостоятельно. Они часто не считаются с общественным мнением. Хотя при этом нельзя сказать, что у них негативное отношение к другим людям; им просто не нужно их одобрение, поддержка. Они предпочитают собственное мнение и решение; плохо работают в группе, говоря, что при работе в группе теряют много времени. Этот фактор хорошо связан с высокой успеваемостью.

Данные результаты объясняются тем, что от того, как строятся отношения в семье, какие ценности,

интересы выдвигаются у ее старших представителей на первый план, зависит, какими вырастут дети. Подросток реагирует на поведение взрослых и усваивает уроки, полученные в процессе семейного воспитания. Проблема детско-родительских отношений определяется всем многообразием взаимоотношений детей и родителей, теми нарушениями в детско-родительских отношениях, которые могут оказывать существенное влияние на благополучие ребенка в семье и его дальнейшее развитие [3].

Значительное влияние на личность подростка оказывает стиль его взаимоотношений с родителями, который лишь отчасти обусловлен их социальным положением. В глазах ребенка мать и отец выступают как источник эмоционального тепла и поддержки, без которых ребенок чувствует себя беззащитным и беспомощным, в данном случае родители являются образцом, примером для подражания.

Таким образом, можно говорить о нескольких психологических механизмах, с помощью которых родители влияют на своих детей. Во-первых, подкрепление: поощряя поведение, которое взрослые считают правильным, и наказывая за нарушение установленных правил, родители внедряют в сознание ребенка определенную систему норм. Во-вторых, идентификация: ребенок подражает родителям, ориентируется на их пример, старается стать таким же, как они.

Выводы. Основная гипотеза нашего исследования подтвердилась – уровень самооценки и негативные установки в общении детей в период подросткового возраста связаны с их личностными особенностями, родительским воспитанием, с коммуникативными особенностями в общении в родительских семьях.

1. В группе с высоким уровнем негативной коммуникативной установки и низким уровнем самооценки фиксируются более высокие показатели: завуалированная жесткость; открытая жестокость; показатель обоснованного негативизма в суждении о людях; склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью; негативный опыт в общении. Коммуникативные установки в межличностном общении у подростков взаимосвязаны с их общими социально-психологическими установками.

2. Подростки группы со средним уровнем самооценки не принимают или не понимают индивидуальность другого человека, используют себя в

качестве эталона при оценке других людей, стремятся переделать или перевоспитать партнера по общению.

3. Подростки группы с отсутствием негативных коммуникативных установок не умеют скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров, нетерпимы к психическому или физическому дискомфорту партнера. Они социально ориентированы на «процесс» и «альтруизм». Коммуникативные установки подростков взаимосвязаны с их устойчивыми личностными свойствами.

4. Обнаружена взаимосвязь негативной коммуникативной установки подростков с выраженностью этих установок у родителей по показателям: завуалированная жестокость; открытая жестокость; обоснованный негативизм в суждении о людях; негативный опыт общения; неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров; стремление переделать или перевоспитать партнера. Социально-психологическая направленность

на власть, эгоизм у подростков взаимосвязаны с социально-психологическим отношением к власти и эгоизму у родителей.

5. Выявлена взаимосвязь между самооценкой и родительскими установками на воспитание и формированием негативной коммуникативной установки у их детей. Родители с негативными социально-психологическими установками более склонны прибегать к деструктивным способам взаимодействия со своими детьми.

Список использованной литературы

1. Аккерман Н. Роль семьи в появлении расстройств у детей // Семейная психотерапия. СПб.: Питер, 2008. 244 с.
2. Абакирова Т. П. Влияние фактора родительских отношений на формирование коммуникативных свойств личности // Становление личности на современном этапе. Бийск, 2007. 345 с.
3. Гозман Л. Я., Шлягина Е. И. Психологические проблемы семьи // Вопросы психологии. 2005. № 2. 187 с.

УДК

В статье рассматриваются закономерности взаимосвязи между уровнем развития креативности как одной из общих способностей и метакогнитивными качествами личности. Доказано существование зависимости между степенью структурной организованности метакогнитивных качеств и уровневыми характеристиками креативности. Эта зависимость заключается в том, что при возрастании уровня креативности степень структурной организации метакогнитивных качеств снижается.

Ключевые слова: метакогнитивные качества; структурная организация; креативность; рефлексивность; метапроцессы; интегрированность структур; зависимость; взаимосвязь.

In the present article the interconnection between the level of creativity development as one of the general abilities of a personality and its metacognitive properties is considered. The existence of the relationship between a structural orderliness level of metacognitive properties and creativity is proved. This relationship consists in the following: if a level of creativity increases, a level of structural orderliness of metacognitive properties decreases.

Key words: metacognitive properties; structural orderliness; creativity; reflection ability; metacognitive processes; integration of structures; dependence; interconnection.

А. А. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ruslapta_yar@myrambler.ru

Креативность как детерминанта структурной организации метакогнитивных качеств личности

Научная статья

А. А. Карпов

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: ruslapta_yar@myrambler.ru

Creativity as a Determinant of the Structural Organization of Metacognitive Properties of Personality

Scientific article

Постановка проблемы исследования. Как известно, одним из наиболее традиционных и широко представленных направлений психологических исследований является проблема общих способностей в целом и креативности как одной из них в частности. К настоящему времени проведено очень большое количество различных по своему содержанию исследований данной проблемы, выявлены важные закономерности генезиса и развития творческих способностей, разработаны психодиагностические методики, сформулирован ряд оригинальных концепций.

Креативность как психологическое понятие рассматривалась в рамках нескольких научных направлений. Так, был разработан ряд концепций, которые связывали креативность личности с соответствующими способностями, например с интеллектуаль-

ной способностью адаптировать поведение к изменяющимся условиям с помощью метода проб и ошибок (бихевиоризм), со способностью к продуктивному мышлению (гештальтпсихология), со способностью к дивергентному мышлению (Дж. Гилфорд) и др. Кроме этого, индивидуальные различия в степени выраженности творческих способностей нашли свое место в психофизиологических и нейрофизиологических исследованиях. В последние десятилетия получили широкое распространение психометрические исследования креативности, где с помощью соответствующих тестов выявляются такие качества индивидов, которые можно было бы рассматривать как характеристические для их творческих способностей; успешно была предпринята попытка установления показателей креативности для испытуемого [1].

© Карпов А. А., 2013

Другим гораздо более молодым, чем исследование творческих способностей, направлением является метакогнитивизм; оно в настоящее время не менее актуально и популярно в психологии. В силу своей «молодости» (метакогнитивизм возник в 1970-х гг.) это направление представляет собой своеобразную площадку для новых разработок и открытий, является в определенной степени малоизученным, а соответственно, очень перспективным. Исследованием метакогнитивных процессов личности занималось и занимается в настоящее время достаточно большое число психологов как в России, так и за рубежом (в США, Канаде, Австралии, Японии и т. д.). Несмотря на относительно небольшой период времени, в рамках которого изучается метакогнитивизм, его теоретическая база расширяется с каждым годом, создаются новые концепции, психодиагностические методики, а также новые направления и научные течения внутри самого метакогнитивизма.

Вместе с тем, как это нередко бывает в науке, два больших направления существуют и развиваются как бы параллельно и автономно друг от друга. Это с полным правом относится и к проблеме креативности, с одной стороны, и метакогнитивизму – с другой. Исследования, выполненные на их «стыке», представлены в явно недостаточной степени; особенно это относится к экспериментальным исследованиям. Несмотря на постоянно возрастающее число исследований как в области креативных способностей, так и в области метакогнитивных процессов личности, практически не рассматривалось возможное наличие взаимосвязи данного класса процессов и уровня креативности. Иными словами, можно констатировать, что оба этих направления *автономно* развиваются достаточно интенсивно, а во *взаимодействии* друг с другом – явно недостаточно.

Вместе с тем предположение о наличии такого рода взаимосвязи имеет достаточно существенные основания. Во-первых, проведенное нами ранее исследование показало, что существует зависимость между отдельными метакогнитивными процессами и уровнем выраженности интеллекта как на аналитическом, так и на структурном уровне (то есть связь между интеллектом и степенью структурной организации метакогнитивных процессов). Вместе с тем интеллект, как известно, является одной из трех общих способностей, выделенных В. Н. Дружининым (наряду с обучаемостью и креативностью). В связи с этим доказательство связи

интеллекта как общей способности с организацией метакогнитивных качеств дает основания для того, чтобы предположить существование такой связи и по отношению к креативности и метакогнитивных качеств [2].

Во-вторых, еще одним объединяющим две рассматриваемые категории аспектом является то, что и метакогнитивные процессы, и качества личности, и креативность выступают в конечном итоге как важнейшие операционные средства переработки информации. По отношению к креативности результатом такой переработки выступает некоторый новый продукт; метакогнитивные же качества выполняют, прежде всего, регулятивную функцию. Следовательно, и креативность, и метакогнитивные процессы выступают важнейшими составляющими когнитивной подсистемы психики и должны быть организованы в ней.

В-третьих, еще одним основанием для предположения о закономерной взаимосвязи креативности и метакогнитивных качеств личности является следующее положение. Креативность как один из компонентов общих способностей может быть направлена как во внешнюю среду (при решении каких-либо общественных, производственных и иных задач), так и во внутреннюю плоскость, то есть обращена на себя (в случае, если человек применяет свои творческие способности в отношении своей личности). Именно последнее из двух указанных свойств креативности дает основания для ее рассмотрения как фактора организации метакогнитивных качеств личности.

Наконец, в-четвертых, ряд исследователей, исходя из тесной содержательной связи между категориями интеллекта и креативности, вообще уравнивают эти два понятия (концепция отождествления). Поскольку в предыдущих исследованиях нами уже была выявлена взаимосвязь между интеллектуальными способностями и метакогнитивными процессами и качествами личности, то данный факт может быть рассмотрен как еще одна предпосылка к исследованию, связанному уже с креативностью.

Таким образом, сочетание высокой теоретической значимости данной проблемы с явно недостаточным уровнем ее разработанности в настоящее время обуславливают ее очевидную актуальность и, следовательно, необходимость ее исследования.

В связи с этим *цель* проведенного нами исследования заключалась в определении возможной взаимосвязи между степенью развития креатив-

ности (как отдельного вида общих способностей) и основными параметрами метакогнитивных процессов и свойств личности.

Данная цель конкретизирована в следующих задачах:

- формирование выборки исследования, адекватной его целям;
- диагностика изучаемых факторов (переменных);
- статистическая обработка данных исследования и их последующая интерпретация.

Объектом исследования является уровень креативности и степень развития метакогнитивных процессов и свойств личности. Предмет исследования – связь уровня креативности и степени развития метакогнитивных процессов и свойств личности. Исходя из представленных целей и задач исследования, нами была сформулирована следующая гипотеза: существует закономерная взаимосвязь между уровнем креативности и характеристиками метакогнитивных качеств личности.

Методики исследования и его организация. В ходе исследования было использовано девять психодиагностических методик.

1). *Методика на диагностику личностной креативности Е. Е. Туник.* Методика является субтестом набора креативных тестов Вильямса (САР) и предназначена для изучения креативности личности и оценки личностно-индивидуальных креативных характеристик и в спайке с соответствующими когнитивными тестами может использоваться для изучения творческих способностей человека.

2). *Тест вербальной креативности С. А. Медника.* Данная методика представляет собой русскоязычный адаптированный вариант теста С. Медника. Разработанный тест предназначен для исследования вербальной креативности, которая определяется как процесс перекомбинирования элементов ситуации. Испытуемым предлагаются словесные триады (тройки слов), элементы которых принадлежат к взаимно отдаленным ассоциативным областям. Испытуемым необходимо установить между ними ассоциативную связь путем нахождения четвертого слова, которое объединяло бы элементы таким образом, чтобы с каждым из них оно образовывало некоторое словосочетание.

3). *Тест креативности П. Торренса.* Сокращенный вариант изобразительной (фигурной) батареи теста креативности П. Торренса представляет собой задание «Закончи рисунок». Данный тип задания представляет собой второй субтест фигур-

ной батареи тестов творческого мышления П. Торренса.

4). *Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory).* Данный опросник относится к довольно небольшому числу методик, существующих в настоящее время и исследующих метакогнитивные свойства личности. Основная его цель – проследить закономерности участия метапроцессов в ходе выполнения деятельности.

5). *Методика диагностики рефлексивности (методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой).* Данная методика исследует такое свойство, как рефлексивность, которое, по мнению авторов, может быть представлено у человека по степени выраженности на трех уровнях (высокоразвитая, средняя и слабо-развитая рефлексивность).

6). *Опросник Д. Эверсон.* В рамках методики изучаются четыре крупных блока, включающих метакогнитивные качества личности (метакогнитивная включенность деятельности, использование стратегий, планирование действий, самопроверка).

7). *Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта.* Американским психологом М. Грантом разработан исследовательский опросник, позволяющий оценить уровень выраженности и направленности рефлексии субъекта. Опросник состоит из двух шкал – саморефлексии и социорефлексии. Анализируется соотношение представленных двух форм рефлексии. Наиболее адаптивным считается средний уровень саморефлексии и высокий (или несколько выше среднего) уровень социорефлексии.

8). *Шкала самооценки метакогнитивного поведения ЛаКоста.* Данная методика представляет собой достаточно удобный в применении и интерпретации опросник. Его сущность состоит в самооценке испытуемыми используемых ими мыслительных стратегий [3].

9). *Опросник диагностики способностей к метарешениям А. В. Карпова.* Методика состоит из 26 вопросов и имеет семибалльную шкалу ответов.

В исследовании приняли участие студенты и аспиранты вузов г. Ярославля, а также сотрудники ряда коммерческих организаций. Общая выборка составила 200 человек.

Полученные результаты и их обсуждение. В процедурном отношении выполненное нами исследование имело следующую основную и специфическую особенность. Как известно, в настоящее время существуют два основных способа

обеспечения возможно большей надежности и достоверности эмпирических данных исследования. Во-первых, это увеличение количественного состава – объема выборки. Во-вторых, это прием, состоящий в повторном проведении исследования на другой выборке (прием «дублирования исследования»), а также последующем сопоставлении полученных при этом данных. Второй из этих способов, несмотря на то что он является пока еще относительно менее распространенным, является в то же время более действенным в плане обеспечения надежности результатов. Именно поэтому он и был применен в нашем исследовании. В соответствии с этим все исследование было разделено на две большие части (исследования № 1 и 2).

Итак, в исследовании № 1 приняли участие 100 человек. Испытуемые для данного исследования были специально подобраны таким образом, чтобы в выборку вошли наиболее креативные, с одной стороны, и испытуемые с очень низким уровнем творческих способностей – с другой. Каждый из испытуемых выполнил задания по девяти охарактеризованным выше методикам.

Затем в соответствии с результатами, полученными по тестам креативности, все испытуемые были разделены на четыре группы. В группу I вошли испытуемые с наиболее низким уровнем креативности, в группу II – с уровнем креативности ниже среднего, в группу III – выше среднего и, наконец, в группу IV – с высоким уровнем творческих способностей.

Полученные в результате исследования № 1 данные были переведены в шкалу стенов, на основе этого подсчитаны суммарные показатели по всем проведенным методикам для каждой из четырех групп испытуемых. Таким образом, был осуществлен начальный – аналитический – уровень исследования взаимосвязи креативности и метакогнитивных процессов и качеств личности. Полученные результаты представлены на рис. 1.

Из представленных данных можно видеть, что по мере возрастания креативности в целом наблюдается снижение общего уровня развития метакогнитивных свойств личности. Следовательно, можно констатировать наличие закономерной связи между исследованными переменными, приближающейся к *прямой зависимости* между ними. Вместе с тем не менее характерно и то, что данная зависимость выражена достаточно умеренно, не носит характера однозначной и представлена, скорее, как тенденция. В связи с этим возникает необходимость ее

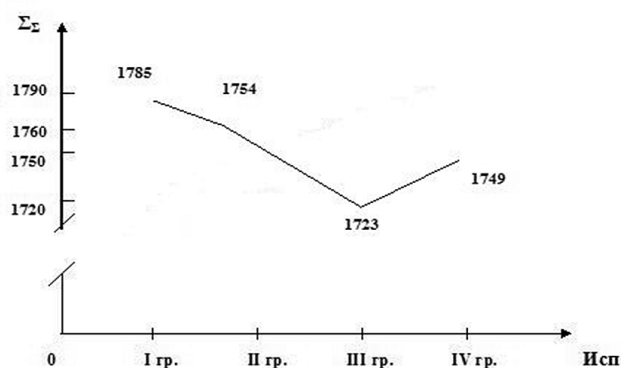

Рис. 1. Зависимость суммарных показателей методик диагностики метакогнитивных качеств личности от степени развития креативности: Исп. – наименование групп испытуемых, участвовавших в исследовании; $\Sigma\Sigma$ – общий суммарный показатель по методикам на метакогнитивные качества для групп испытуемых

более углубленного анализа и перехода на структурный уровень исследования, что и было осуществлено на следующем этапе исследования.

На нем были определены матрицы интеркорреляций метакогнитивных свойств личности, соответствующих шкалам используемых в исследовании методик. Это означает, что на основании полученных после проведения методик результатов был реализован уже не *аналитический*, как на предыдущем этапе, а *структурный* уровень исследования взаимосвязи креативности и метакогнитивных свойств личности. Каждая из матриц вычислялась отдельно для четырех групп испытуемых, образованных согласно критерию уровня креативности. В результате для каждой из четырех групп была определена матрица интеркорреляций метакогнитивных качеств.

По результатам определения данных матриц были подсчитаны индексы когерентности, дивергентности и организованности структур метакогнитивных качеств и процессов (ИКС, ИДС и ИОС). Это осуществлялось на основе полученных значимых корреляционных связей (при $p = 0,90$; $p = 0,95$ и $p = 0,99$). Кроме того, были построены структурограммы метакогнитивных качеств и процессов в каждой группе, отражающие общую структурную организованность метакогнитивных качеств, а также наличие между ними значимых взаимосвязей. Индекс когерентности (ИКС) определяется путем суммирования положительных связей между компонентами структуры с учетом их значимости; индекс дивергентности (ИДС) – на основе сумми-

рования отрицательных связей с учетом их значимости; индекс организованности (ИОС) в данном случае вычислялся путем разности значений ИКС и ИДС. При суммировании числовых значений связей между элементами каждой из этих связей приписывается весовой коэффициент в зависимости от уровня значимости. Так, при $p = 0,90$ этот коэффициент равняется единице, при $p = 0,95$ – двум, при $p = 0,99$ – трем.

В качестве иллюстрации полученных структурограмм приведем данные для групп с очень низким и средним уровнем развития творческих способностей (рис. 2).

В результате вычисления структурных индексов оказалось, что для данной структуры индекс

когерентности (ИКС) равен 28, индекс дивергентности (ИДС) равен – 3, индекс организованности (ИОС) – 25.

Далее на основании полученных значений ИКС, ИДС и ИОС был построен график зависимости структурной организации метакогнитивных качеств личности от степени развития креативности (рис. 3).

Для данной структуры ИКС = 18, ИДС = –2, а ИОС = –16.

Анализ данных, представленных на этом графике, позволяет сделать следующие заключения. В целом по мере увеличения уровня креативности имеет место снижение степени структурной организации метакогнитивных свойств личности.

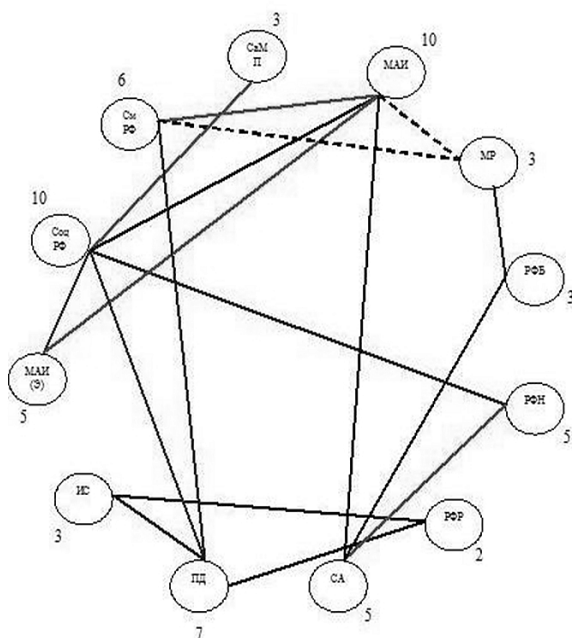

Рис. 2. Структурограмма для I группы испытуемых (наиболее низкий уровень креативности):

Методика диагностики рефлексивности (методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой): РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего; Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта: СамРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия; Шкала самооценки метакогнитивного поведения ЛаКоста: СамП – самооценка метакогнитивного поведения; Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory): МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность; Опросник Д. Эверсон: МАИ (Э) – метакогнитивная включенность в деятельность, ИС – использование стратегий, ПД – планирование действий, СА – самопроверка; Шкала диагностики способностей к метарешениям А. В. Карпова: МР – метарешения

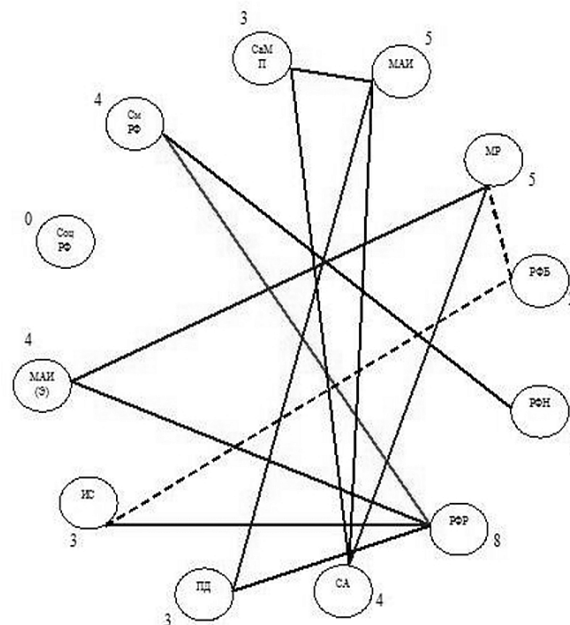

Рис. 3. Структурограмма для III группы испытуемых (средний уровень креативности):

Обозначения те же, что на рис. 2

Кроме этого, несмотря на очевидные количественные различия между группами испытуемых, разделенных по уровню творческих способностей в отношении структурной организации метакогнитивных процессов и качеств для каждой из групп, как показала обработка результатов, наблюдаются также качественные изменения внутри данных структур. Этот вывод следует из результатов реализации по отношению к экспериментальным данным метода экспресс- χ^2 , который, как известно, позволяет определить степень «гомогенности-гетерогенности» сопоставляемых матриц и соответствующих

им структур. В результате его применения оказалось, что сопоставляемые матрицы (соответственно для каждой из четырех групп испытуемых, различающихся по уровню креативности) являются в целом гетерогенными, то есть в основе различий между структурами метакогнитивных качеств в них лежат не только количественные изменения, но и качественные перестройки (рис. 4).

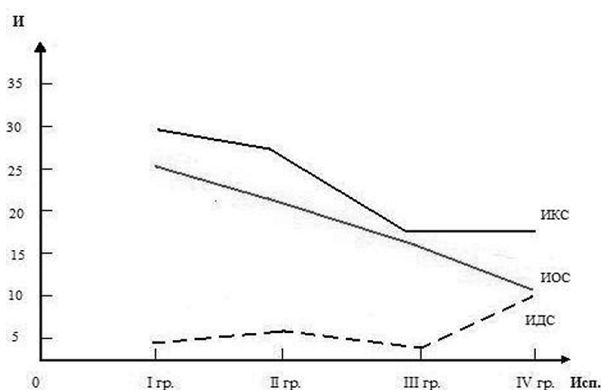

Рис. 4. Зависимость структурной организации метакогнитивных качеств от уровня выраженности творческих способностей:

И — значения индексов когерентности, дивергентности и организованности структур метапроцессов,

Исп. — группы испытуемых, участвовавших в исследовании

В исследовании № 2 приняли участие 100 человек. В отличие от первого исследования, в котором испытуемые были специально подобраны таким образом, чтобы в выборку вошли наиболее креативные испытуемые и испытуемые с очень низким уровнем творческих способностей, в данном исследовании такого разделения изначально не осуществлялось. В итоге были получены принципиально сходные с предыдущим исследованием зависимости, подтверждающие полученные ранее результаты. Вместе с тем степень их выраженности оказалась несколько меньшей, что и обусловлено меньшей дифференцированностью самих групп испытуемых по уровню креативности. На основе этого можно сделать также вывод, согласно которому именно общность смысла и конкретных результатов, полученных в двух независимо проведенных исследованиях, является достаточно надежным признаком обоснованности самих этих результатов.

Таким образом, вся совокупность представленных выше данных позволяет сделать следующие заключения. Они свидетельствуют о том, что существует достаточно общая закономерность,

согласно которой при возрастании креативности снижается степень структурной организации метакогнитивных качеств. Ее можно интерпретировать с позиций противоположности содержания метакогнитивных качеств и креативности. Как известно, в основе метакогнитивных свойств личности лежит постоянный самоконтроль, саморегуляция и мониторинг деятельности и поведения, анализ мыслительных и мнемических операций, использование многочисленных стратегий, мнемотехнических приемов и так далее для решения различных задач [4]. Креативность же, в свою очередь, выступает в данном случае совершенно противоположным понятием. Средний или высокий уровень развития творческих способностей и творчество в целом предполагают выраженную спонтанность в своем проявлении, simultанность принятия того или иного решения и переработки информации в целом, часто основанную на интуитивных средствах. Таким образом, здесь фактически исключается развернутый анализ, а также когнитивный и метакогнитивный мониторинг процесса нахождения решения.

Вследствие этого, высокий уровень развития креативности (в данном случае IV группа испытуемых) практически исключает необходимость развития у себя метакогнитивных качеств как в их автономном проявлении, так и особенно в плане их структурной организации. И наоборот, испытуемые с наиболее низкими показателями по креативности имеют и наивысшие баллы по методикам на метакогнитивные качества личности, а также характеризуются более высокой степенью их структурной организации, что, скорее всего, выполняет компенсаторную функцию по отношению к недостаточной креативности.

Необходимо также отметить, что в предыдущих работах нами была изучена взаимосвязь одного из трех выделяемых В. Н. Дружининым компонентов общих способностей интеллекта и метакогнитивных процессов и качеств личности. Обнаруженная в них зависимость заключалась в следующем: чем выше интеллект, тем выше уровень развития отдельных метакогнитивных свойств. Однако единственным объединяющим моментом в результатах двух исследований оказалось следующее. Испытуемые с наивысшим уровнем интеллектуальных способностей обладают, соответственно, и высокой степенью развития метапроцессов; но, как мы предположили, дальнейшее их развитие для таких людей просто не имеет необходимости,

ввиду наличия у них высоких интеллектуальных способностей как таковых. Это отражается и на графике взаимосвязи интеллекта и метакогнитивных качеств, где на участке для IV группы (самый высокий уровень интеллекта) наблюдается снижение показателей структурной организации, то есть зависимость принимает нисходящий вид. В то же время для IV группы в исследовании с творческими способностями (наивысший уровень креативности) зависимость приобретает наименьшее значение. Таким образом, можно заключить, что для людей с наивысшим уровнем развития и интеллекта и креативности характерен относительно умеренный уровень развития метакогнитивных качеств личности, а также степени их структурной организации.

Выводы. Таким образом, в результате проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы:

- Несмотря на то что проблемы общих способностей (в том числе, креативности), с одной стороны, и проблема метакогнитивных процессов и качеств личности – с другой, являются сами по себе актуальными и важными, до настоящего времени практически отсутствуют специальные и, тем более, экспериментальные исследования, направленные на определение связей и зависимостей между ними;

- Перспективным методическим приемом определения такого рода зависимости является прием дублирования, то есть проведения двух независимых исследований, направленных на реализацию одной и той же цели, но на разных выборках с последующим сравнительным анализом получаемых в них результатов. Для повышения надежности и достоверности получаемых результатов был применен метод повторного проведения одного и того же исследования на другой выборке;

- Существует закономерная взаимосвязь между степенью развития креативности и общей степенью выраженности метакогнитивных качеств личности. Вместе с тем эта связь на аналитическом уровне носит достаточно умеренный характер и представлена, скорее, как тенденция;

- Значительно более выраженной и отчетливой является зависимость между степенью развития креативности и мерой структурной организации метакогнитивных качеств. Эта зависимость состоит в том, что при возрастании креативности

значимо снижается мера структурной организации метакогнитивных качеств. Тем самым, действительно, креативность является значимой детерминантой структурной организации этих качеств. В основе данной зависимости, по-видимому, лежит противоположность психологического содержания свойства креативности, с одной стороны, и метакогнитивных качеств – с другой. Креативность соотносится с симультанными механизмами переработки информации, а метакогнитивные качества – с сукцессивными, развернутыми, произвольно контролируруемыми механизмами и средствами произвольного мониторинга;

- В основе выявленной количественной динамики изменения индексов организации структур при изменении степени креативности лежат качественные перестройки структур метакогнитивных свойств. Следовательно, роль креативности как детерминанты структурной организации метакогнитивных качеств заключается не только в том, что она изменяет меру этой организации, но и в том, что она обуславливает качественные перестройки всей структуры метакогнитивных качеств личности.

Список использованной литературы

1. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М., 2002. 250 с.; Бодалев А. А. О направлениях и задачах разработки проблемы способностей // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 31–40; Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер Ком, 1999. 368 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Карпов А. А. Исследование взаимосвязи интеллекта и структурной организации метакогнитивных качеств // Научный поиск: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и преподавателей / под ред. А. В. Карпова. Ярославль, 2010. 254 с.; Карпов А. В. Разработка принципов психологической диагностики интегральных способностей // Способности и деятельность: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1989. С. 28–42.
3. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 320 с.
4. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. М.: Институт психологии РАН, 2002. 320 с.

УДК 316.64

В статье рассматриваются вопросы отношения к времени жизни современных студентов, выделяются социально-психологические и личностные компоненты. Показано, что для студентов характерна убежденность в низкой прогнозируемости будущего. Биографические схемы являются социально принятыми и согласуются с ценностным профилем респондентов. Самым значимым периодом жизни для них является будущее. Время переживается как насыщенное событиями, раздробленное и имеющее большую скорость.

Ключевые слова: отношение к времени жизни; биографическая схема; установка; временная ориентация; субъективное переживание времени.

The article addresses issues of modern students' attitudes to time with social-psychological and personal components in mind. The article shows that conviction in low predictability of future is typical among students. Biographical schemes are socially accepted and agreed with evaluative profile of respondents. Future is the most valuable period of life. Time is being experienced as rich of events, fragmented and having high speed.

Keywords: attitude to time; biographical scheme; value; time orientation; subjective experience of reality.

Т. Ю. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: v-e-s-t-y@yandex.ru

Социально-психологические и личностные составляющие отношения современных студентов к времени жизни

Научная статья

T. Yu. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: v-e-s-t-y@yandex.ru

Social-Psychological and Personal Components of Modern Students' Attitudes to Time

Scientific article

Отношение к времени стало предметом исследований не так давно. По отношению к времени можно судить о мировоззрении, ценностях, установках, стратегиях жизни. Время в экзистенциальной психологии трактуется не просто как физическое условие человеческой жизни, а как внутренне организующий фактор, определяющий для субъекта целостность его жизненного процесса, динамическое единство прошлого, настоящего и будущего в сознании и деятельности [1]. В данном исследовании мы рассматриваем отношение к времени жизни современной молодежи.

Существует большое количество исследований, посвященных изучению молодежи (Т. З. Адальянц, Л. В. Баева, М. К. Горшков, Н. А. Логинова, С. В. Климов, С. А. Литвин, О. И. Муравьева, В. И. Пищик, А. В. Толстых, Д. И. Фельдштейн и другие), но практически нет исследований, посвященных отношению молодежи к времени, хотя изу-

чение отношения к времени способствует познанию личности человека, включенного в социокультурный контекст. Кроме того, анализ особенностей отношения к времени жизни дает возможность осуществить прогноз социально-психологического развития личности, понять ее регулятивные возможности в условиях ускоряющейся социальной жизни.

В качестве компонентов отношения к времени предлагается выделить: социально-психологические (установки по отношению к времени, биографические схемы) и личностные составляющие (субъективное переживание времени, временная ориентация). Установки по отношению к времени являются предписаниями, регулирующими отношение к времени. «Биографические схемы» Т. Лукман [2] определяет как схемы жизненного пути, с помощью которых описываются и предписываются определенные варианты последовательности жизненных событий и скорость их прохождения. Благодаря биографичес-

ким схемам происходит синхронизация индивидуальных темпоральных схем членов общества. Субъективное переживание времени – базисные свойства психологического времени личности, выраженные такими факторами, как событийность, целостность, скорость. Временная ориентация определяет значимость той или иной временной зоны (прошлого, настоящего и будущего).

Описание исследования. Выборка: 53 человека 1991–1995 годов рождения, из них с 15 респондентами проведено феноменологическое интервью. Методы: Must-тест, проективная методика «Круги» (Т. Коттл),

модифицированная методика толкования пословиц «Шкалы переживания времени» (Е. И. Головаха, А. А. Кроник), феноменологическое интервью. Данные обрабатывались с помощью Statistica 6.1.

Социально-психологические составляющие отношения к времени

Установки по отношению к времени были исследованы с помощью модифицированной нами методики толкования пословиц. При проведении факторного анализа выделены семь факторов, соответствующих типам установок по отношению к времени.

Таблица 1

Социально-психологические установки по отношению к времени

Пословицы	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Одно нынче лучше двух завтра	0,85	-0,11	0,22	0,12	0,01	0,08	0,03
Дорога ложка к обеду	0,77	-0,02	0,28	0,27	0,09	-0,10	-0,05
После драки кулаками не машут	0,72	0,40	0,03	-0,06	0,03	0,03	0,08
Москва веками строилась	0,53	-0,21	-0,21	0,01	0,45	0,35	0,32
Время не ждет	0,45	-0,21	0,36	-0,23	0,12	0,10	0,09
Время расставит все по своим местам	0,03	0,79	0,36	0,14	-0,03	-0,04	-0,08
Поживем – увидим	0,11	0,78	-0,06	0,11	0,05	-0,10	0,21
Счастливые часов не наблюдают	-0,06	0,57	0,18	0,15	-0,23	0,25	-0,24
Лучше поздно, чем никогда	-0,23	0,53	0,04	-0,36	0,20	-0,05	-0,04
Промедление смерти подобно	0,19	0,10	0,77	-0,14	-0,06	-0,18	0,02
Делу время, а потехе час	0,25	0,30	0,68	0,06	0,29	0,13	0,11
Всему свое время	0,30	0,15	0,52	0,12	0,42	-0,04	0,06
Утро вечера мудренее	0,17	0,13	0,47	0,08	-0,25	0,06	0,47
Прошлого не воротить	0,01	-0,01	0,10	0,83	0,08	0,14	0,07
Время – деньги	0,14	-0,12	0,01	-0,59	0,45	0,27	0,15
О будущем говорить - чертей смешить	0,32	0,05	-0,18	0,58	0,18	-0,41	0,02
Время нельзя повернуть вспять	0,21	0,29	-0,33	0,50	0,09	0,08	0,17
Тише едешь – дальше будешь	-0,09	-0,12	0,03	0,23	0,77	0,16	0,01
Семеро одного не ждут	0,17	0,12	0,10	-0,10	0,67	-0,03	-0,13
Порядок время бережет	0,47	-0,07	0,19	-0,08	-0,01	0,70	0,15
Чем черт не шутит	-0,01	-0,02	-0,18	0,05	0,20	0,65	0,01
Успеется	-0,12	0,01	-0,31	-0,43	-0,22	-0,51	0,20
Не спи – замерзнешь	0,19	-0,39	0,19	0,11	0,23	-0,49	0,19
От сумы да от тюрьмы не зарекайся	0,04	-0,02	-0,02	0,09	-0,05	-0,06	0,83
Поспешешь – людей насмешешь	-0,13	-0,22	0,43	-0,02	0,35	0,29	0,62
Другие времена – другие нравы	0,30	0,46	0,11	-0,37	-0,11	-0,17	0,54
<i>Общ. дис.</i>	<i>3,19</i>	<i>2,78</i>	<i>2,58</i>	<i>2,42</i>	<i>2,22</i>	<i>2,11</i>	<i>2,00</i>
<i>Доля общ.</i>	<i>0,12</i>	<i>0,11</i>	<i>0,10</i>	<i>0,09</i>	<i>0,09</i>	<i>0,08</i>	<i>0,08</i>

1. «Подходящий момент». Ценность времени, осознание его быстротечности сочетается с учетом актуальности и уместности действий.

2. «По течению». В данной установке выражено представление о непредсказуемости будущего и, как следствие, отказ от планирования времени, пассивность, жизнь «по течению».

3. «Соблюдай сроки». Соблюдение внешне заданных сроков в работе, учебе и прочих сферах. В основе данной установки лежит главенство расписания, а не смысла, значимости, желанности события как такового.

4. «В настоящем». В данной установке сходятся убежденность в непрогнозируемости будущего и понимание необратимости прошлого, а также неторопливость, стремление подольше побыть в настоящем моменте. Не торопиться, стремясь в будущее, и не оглядываться в прошлое.

5. Данный фактор является слабо интерпретируемым, поэтому не рассматривается нами.

6. «Организуя время». Ориентация на рациональное использование времени, представление о непредсказуемости мира, но понимание того, что при грамотном планировании (без лишней спешки и без лишнего промедления) можно организовывать свою жизнь.

7. «Сначала осмотри». Главенствующая роль у внешне заданных условий, исходя из которых уже следует принимать решения, действовать. Убежденность в непрогнозируемости будущего и вместе с тем вера в возможность влияния на ход событий в настоящем.

Таким образом, респонденты выбирают различные стратегии планирования времени, предполагая: либо небольшую временную перспективу и высокую способность контролировать события («Подходящий момент», «Организуя время», «Сначала осмотри»), либо небольшую временную перспективу и низкую способность контролировать события («Соблюдай сроки», «В настоящем»), либо большую временную перспективу и низкую способность контролировать события («По течению»).

Биографические схемы. В ряду значимых респонденты указывают следующие события: поступление/не поступление в учебное заведение (20,10%); работу (12,37%); хобби, увлечения (11,34%); встречу со значимыми людьми (9,28%); здоровье (6,7%); свадьбу (6,19%); смерть близких (6,19%); изменение отношений со сверстниками (5,67%); переезд (5,67%); расставание с близкими людьми (4,64%); поступление в школу/оконча-

ние школы/смена школы (4,12%); рождение детей (4,12%); изменения в семье (3,61%).

Данная иерархия событий задана социально принятыми нормативными биографическими схемами и согласуется с ценностным профилем респондентов: личностным ростом (20,01%), межличностными контактами и общением (17,59%), привязанностью и любовью (13,41%), богатством духовной культуры (10,13%), автономностью (8,64%), материальным успехом (6,86%), чувством удовольствия (4,32%), безопасностью (3,73%), здоровьем (3,58%), властью и влиянием (3,28%), служением людям (3,12%), свободой, открытостью и демократией в обществе (1,79%), привлекательностью (1,64%), известностью (0,89%).

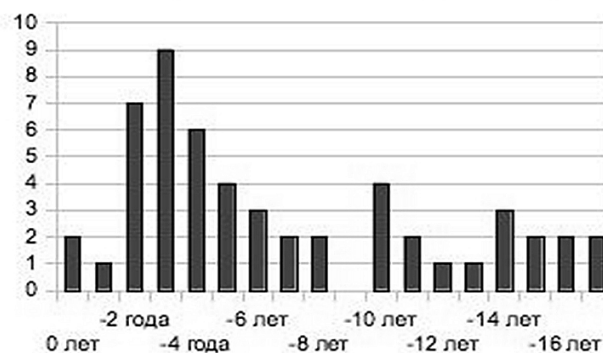

Рис. 1. Ретроспективный взгляд

При ретроспективном взгляде на свою жизнь (рис. 1) выделяется 61,18% событий из указанных. Для большинства респондентов характерна ретроспектива от 2 до 5 лет. Общий временной охват колеблется от 0 (событие произошло в год заполнения анкеты) до 17 лет. Независимо от возраста хуже всего вспоминаются события примерно 13-летней давности – этот промежуток назван М. П. Карпенко, Е. В. Чмыховой, А. Т. Терехиным [3] «реминисцентным провалом». Период «реминисцентного провала» не зависит от возраста.

Проведенное нами исследование показало, что травматичные события (развод родителей, смерть близкого), даже попадающие в период реминисцентного провала, все же указывались респондентами как ключевые наряду с прочими событиями.

В перспективе (рис. 2) выделяется 32,82% событий из указанных. Для большинства испытуемых характерно видение будущего в интервале от 0 до 4 лет. Также часть респондентов отказывается от планирования, ссылаясь на нестабильность будущего, неспособность его контролировать. Пик в указании событий, которые произойдут через

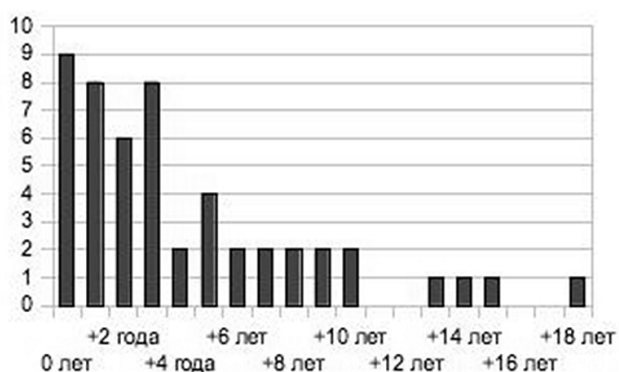

Рис. 2. Перспективный взгляд

3 года, обусловлен тем, что такие ключевые события, как окончание университета и устройство на работу, попадает для части респондентов как раз на данный период. Это свидетельствует об опоре при

планировании на события, связанные с социальными переходами.

Личностные составляющие отношения к времени

Временная ориентация. Самым значимым периодом жизни для респондентов является будущее (40,69%), затем следует настоящее (33,25%) и прошлое (26,06%). Это соответствует множеству данных о временной ориентации в юношеском возрасте, имеющихся в литературе [4]. Но стоит подчеркнуть, что при высокой значимости будущего временная перспектива для большинства респондентов задана нормативными событиями и является неопределенной вне контекста нормативно заданной биографической схемы.

Субъективное переживание времени отражено факторами – событийностью, целостностью, скоростью.

Таблица 2

Факторы субъективного переживания времени

Шкалы	Событийность	Целостность – раздробленность	Скорость
Однообразное – разнообразное	-0,81	0,06	0,16
Приятное – неприятное	0,71	0,21	0,30
Насыщенное – пустое	0,70	0,03	-0,38
Цельное – раздробленное	0,19	0,76	-0,27
Непрерывное – прерывистое	-0,03	0,72	0,34
Организованное – неорганизованное	0,22	0,69	-0,36
Плавное – скачкообразное	-0,49	0,60	0,06
Течет быстро – течет медленно	0,00	0,18	-0,78
Сжатое – растянутое	0,13	0,02	-0,59
Беспредельное – ограниченное	0,49	0,21	0,51
Общ. дис.	2,25	2,06	1,80
Доля общ.	0,22	0,21	0,18

Данные факторы не совпадают с факторами, изначально выделенными Е. И. Головахой и А. А. Кроником (континуальность–дискретность, напряженность времени, эмоциональное отношение к диапазону времени). Возможно, это связано как с возрастными различиями выборок, так и тем, что факторы субъективного переживания времени могут меняться в зависимости от социокультурных изменений (исследование Е. И. Головахи и А. А. Кроника проводилось в 1980–1990 гг.) [5]. Время переживается респондентами как насыщенное событиями, раздробленное и имеющее большую скорость. Переживание насыщенности времени возникает при большом количестве событий, плотном расписании.

Переживание раздробленности времени возникает при разноплановости и разнообразии завершенных событий, не связанных между собой. Переживание высокой скорости времени является следствием насыщенности и раздробленности времени. Также известно, что при погруженности в происходящие события ход времени воспринимается ускоренным. Таким образом, респонденты живут в режиме плотного концентрированного временного графика, включающего в себя разноплановые события, в которые они эмоционально вовлечены.

Данные исследования применимы в психологическом консультировании, при подготовке и проведении учебных курсов (специальность

«Психология»), разработке программ работы с молодежью по планированию карьеры, управлению временем, а также внеучебной работы со студентами вузов.

Список использованной литературы

1. Клюева Н. В., Головчанова Н. С. Экзистенциальная традиция в психологическом консультировании: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009.
2. Luckman T. The Constitution of Human Life in Time // Chronotypes / Ed. by J. Bender and D. E. Wellbery. Stanford University Press, 1991. P. 151–166.
3. Карпенко М. П., Чмыхова Е. В., Терехин А. Т. Модель возрастного изменения восприятия времени // Вопросы психологии. 2009. № 2.
4. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
5. Там же.

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы изучения психического выгорания личности, в частности вопросы определения факторов, детерминирующих его развитие в профессиональной деятельности педагогов различных образовательных учреждений. Выявлены различия на аналитическом и содержательном уровне анализа как в проявлении различных организационных и индивидуально-личностных факторов развития выгорания, так и в собственно выгорании. Доказано, что выгорание педагогов формируется под влиянием специфических факторов профессиональной среды и индивидуально-личностных особенностей субъекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : синдром психического выгорания; педагогическая деятельность; детерминанты развития психического выгорания.

This article studies the urgent problems of personal mental burnout. In particular it specifies the factors which determine its development in professional activity of teachers from different educational institutions. Analytical and content differences among the compared groups of teachers are identified which become apparent in different organizational and individual factors of burnout development and burnout itself. It is proven that burnout of teachers is influenced by professional environment and individual peculiarities of a subject.

К e y w o r d s : mental burnout syndrome; educational work; determinants of burnout development.

Е. Ю. Сюртукова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: surtukova_eu@mail.ru

Индивидуально-личностные и организационные детерминанты развития психического выгорания педагогов дошкольных образовательных учреждений

Научная статья

Е. Yu. Surtukova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: surtukova_eu@mail.ru

Individual and Organizational Determinants of Burnout Development among Teachers from Pre-school Educational Institutions

Scientific article

Профессия воспитателя относится к группе «помогающих», или социономических, профессий [1], которые, как было неоднократно показано, наиболее подвержены выгоранию [2]. Большинство исследователей рассматривают данную проблему на примере деятельности учителя [3], а полученные результаты распространяются на все педагогические профессии, в том числе на деятельность воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Несмотря на кажущееся сходство данных видов деятельности, в них присутствуют весьма существенные отличия как в организационном, так и в индивидуальном плане. Между тем работ, изучающих специфичность данного феномена в профессии воспитателей, практически нет [4].

В этой связи исследование факторов, детерминирующих психическое выгорание педагогов дошкольных образовательных учреждений, представляется нам актуальным и востребованным практикой. Цель проведенного исследования – изучить специфику развития психического выгорания и определить детерминирующие его факторы в деятельности воспитателей дошкольных образовательных учреждений.

Данная общая цель была конкретизирована в задачах:

1. Определить на основе теоретического анализа и анкетирования педагогов факторы индивидуально-личностного и организационного характера, способные оказать влияние на развитие психи-

ческого выгорания в деятельности воспитателей дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) и учителей средних общеобразовательных школ (СОШ);

2. Выявить различия в степени выраженности психического выгорания и факторов его развития у педагогов СОШ и ДОУ;

3. Изучить специфику взаимосвязей субъективной оценки организационных факторов и выраженности индивидуально-личностных характеристик с компонентами профессионального выгорания у педагогов СОШ и ДОУ;

4. Определить специфику структурной организации субъективной оценки организационных факторов и индивидуальных характеристик воспитателей ДОУ, способствующих развитию выгорания, в зависимости от уровня его выраженности;

5. Выявить характер влияния отдельных организационных и индивидуальных факторов на показатели психического выгорания воспитателей ДОУ в сопоставлении с учителями СОШ.

Объектом данного исследования выступает синдром психического выгорания в профессиональной деятельности педагогов различных образовательных сфер, предметом – влияние организационных и индивидуальных факторов на развитие психического выгорания в педагогической деятельности.

В ходе исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Основными факторами, способствующими развитию психического выгорания у педагогов, являются характеристики организации их профессиональной деятельности и индивидуальные особенности личности. Общие детерминационные группы факторов в деятельности учителей СОШ и воспитателей ДОУ конкретизируются через конкретные специфичные переменные, определяющие развитие выгорания в данных профессиональных группах;

2. Специфика психического выгорания у воспитателей ДОУ определяется на аналитическом и структурном уровнях. Структурная организация факторов оценки организационной среды и индивидуально-личностных особенностей воспитателей обусловлена уровнем выгорания;

3. Предикторами возникновения психического выгорания в рассматриваемой педагогической деятельности выступают организационные, а также индивидуально-личностные факторы мотивационной, когнитивной и поведенческой природы;

4. Организационные и индивидуально-личностные факторы оказывают различное детерминиру-

ющее воздействие на профессиональное выгорание воспитателей ДОУ и учителей СОШ.

На пилотажном этапе работы нами был определен ряд организационных факторов профессиональной деятельности воспитателей, которые, по их мнению, способствуют развитию психического выгорания. В полученный перечень вошли такие характеристики деятельности, которые, согласно имеющимся научным данным, проявляются и в профессиональной деятельности учителей. Данные факторы были соотнесены с индивидуально-личностными особенностями, определяющими не только подверженность развитию выгорания, но и способность повлиять на характер оценки педагогами значимости влияния указанных факторов на развитие выгорания. Далее был произведен замер выделенных организационных и индивидуально-личностных факторов. Оценка педагогами влияния организационных факторов на развитие выгорания проводилась с использованием авторской анкеты. Диагностика индивидуально-личностных особенностей осуществлялась с помощью следующих стандартизированных опросниковых методик: «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартин), опросник 16PF (форма С), «Стиль педагогического общения» (С. Л. Братченко). Для диагностики уровня выгорания применялся опросник «Психическое выгорание работников социальных профессий» (В. Е. Орел, И. Г. Сенин).

На аналитическом этапе обработки полученных эмпирических данных был проведен сравнительный анализ различий в степени выраженности компонентов психического выгорания и факторов его развития у воспитателей ДОУ по сравнению с учителями СОШ ($n = 140$). Использовался статистический критерий U-Манна Уитни. Было выявлено, что педагоги общеобразовательных школ имеют более высокий уровень психического выгорания в целом ($p = 0,05$), а в частности, у них в большей степени выражены показатели психоэмоционального истощения ($p = 0,02$) и деперсонализации ($p = 0,02$). Учителя значимо больше по сравнению с воспитателями отмечают влияние на развитие выгорания следующих организационных факторов: «дефицит свободного от работы времени» ($p = 0,001$), «тяжелый график» ($p = 0,001$). Воспитатели же признают большую значимость фактора «частые конфликты в коллективе» ($p = 0,002$). На уровне индивидуально-личностных особенностей было выявлено, что учителя менее эмоционально стабильны ($p = 0,05$), чувствительны ($p = 0,002$), материально мотивиро-

ваны ($p = 0,03$) и конформны в общении ($p = 0,05$) по сравнению с воспитателями.

Более детально определить специфичность воздействия факторов на формирование психического выгорания в исследуемых группах позволило исследование специфики их взаимосвязи с уровнем выгорания на структурном и содержательном уровнях.

Для определения взаимосвязи между выделенными группами факторов и показателями выгорания использовался коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена. Выявлено, что с общим уровнем психического выгорания воспитателей взаимосвязаны оценки следующих организационных факторов: тяжелый график труда ($p = 0,01$); стрессогенность деятельности ($p = 0,01$); несоответствие между вносимым вкладом и получаемым или ожидаемым вознаграждением ($p = 0,05$). Оценки организационных факторов учителей получили преимущественно корреляции с отдельными составляющими психического выгорания. С общим индексом выгорания взаимосвязаны лишь дефицит свободного от работы времени ($p = 0,04$) и стрессогенность ($p = 0,03$). Очевидно, что взаимосвязь выгорания со стрессогенностью деятельности является характерной для педагогической профессии в целом.

Индекс психического выгорания учителей и воспитателей имеет существенное количество общих корреляций с индивидуальными факторами — открытостью, эмоциональной стабильностью, материальной мотивацией, самомотивацией, потребностью в творчестве и самосовершенствовании. Специфичными для выборки воспитателей выступают положительные корреляции выгорания с подозрительностью ($p = 0,002$), мечтательностью ($p = 0,004$), самостоятельностью ($p = 0,01$), внутренней напряженностью ($p = 0,03$). Для выборки учителей оказались характерными корреляции с чувственностью ($p = 0,03$), потребностью в установлении тесных контактов ($p = 0,004$), выполнении общественно значимой работы ($p = 0,004$), а также информационным ($p = 0,05$) и авторитарным стилем общения ($p = 0,05$). Последние из указанных корреляций подчеркивают меньшую вариативность в выборе учителями стилей педагогического общения, а также специфичность взаимосвязи выгорания с выбираемым стилем общения.

На следующем этапе исследования был проведен структурный анализ организации взаимосвязей выделенных групп факторов в зависимости от степени выгорания педагогов ДООУ. С этой целью нами были сформированы полярные по степени

выгорания группы воспитателей. Наличие достоверных различий по указанному параметру между выборками «выгоревших» и «невыгоревших» было подтверждено статистически с помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни ($p = 0,01$).

Для полярных групп воспитателей были построены структурограммы индивидуальных и организационных (их оценки) факторов. Полученные структурограммы выборок «выгоревших» и «невыгоревших» воспитателей оказались качественно гетерогенными, то есть структуры, образованные корреляциями рассматриваемых факторов, связаны с выгоранием на уровне их системной организации. Далее был проведен анализ показателей, характеризующих полярные системы корреляций, как оценок организационных факторов, так и индивидуально-личностных особенностей воспитателей. Согласно полученным значениям индексов когерентности, дивергентности и организованности, было констатировано, что обе системы корреляций группы «выгоревших» воспитателей отличаются большей гибкостью и вместе с этим меньшей сбалансированностью и стабильностью.

В системе оценки организационных факторов «невыгоревших» воспитателей наибольший структурный вес имеют компоненты, характеризующие психологическую атмосферу в коллективе (недостаточная поддержка со стороны коллег и руководства, конфликты в коллективе). В полярной системе структурообразующую роль выполняют оценки факторов «высокая эмоциональная напряженность труда», «отсутствие профессиональной поддержки от коллег», а также «низкая заработная плата». Наибольшим структурным весом в системе корреляций индивидуальных факторов «невыгоревших» воспитателей обладают потребности в признании, творчестве и самосовершенствовании, то есть составляющие нематериальной мотивации. В полярной системе — это альтруистический стиль общения, потребность в тесных контактах и самосовершенствовании.

На следующем этапе был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Установлено, что у воспитателей уровень выгорания в меньшей степени детерминирован организационными факторами, тогда как у учителей под влиянием характера деятельности изменяются не только отдельные компоненты выгорания, но и его уровень в целом. Так, развитию уровня психического выгорания учителей способствуют усредненные оценки параметров деятельности: «частые конфликты с родителями учащихся» ($p = 0,01$), «частые конфликты в коллек-

тиве» ($p = 0,03$). Психическое выгорание воспитателей детерминировано фактором «несоответствие между личным вкладом и получаемым или ожидаемым вознаграждением» ($p = 0,01$). Более того, оценка данного фактора имеет прямую корреляцию с индексом психического выгорания. То есть выгорание учителей обусловлено характером взаимоотношений с коллегами и родителями учащихся, тогда как воспитатели подвержены развитию данного синдрома в связи с несоответствием между личным вкладом и получаемым вознаграждением.

Для индивидуальной детерминации выгорания рассматриваемых групп педагогов также характерны специфические черты. В группе воспитателей наблюдаются статистически значимые влияния на общий уровень выгорания как личностных черт, так и мотивационных особенностей (подозрительность ($p = 0,02$), потребность в творчестве ($p = 0,003$), в признании ($p = 0,01$) и в самомотивации ($p = 0,01$)). В выборке учителей общий уровень психического выгорания детерминирован такими индивидуально-личностными факторами, как эмоциональная стабильность ($p = 0,03$) и чувственность ($p = 0,004$), которые, помимо причинно-следственной, также имеют и отрицательную корреляционную взаимосвязь с выгоранием. Специфическими детерминантами выгорания учителей являются внутренняя напряженность ($p = 0,001$) и конформный стиль общения ($p = 0,06$). Выявленные детерминанты, согласно результатам аналитического этапа исследования, имеют статистически значимые различия в степени выраженности рассматриваемых выборов.

Таким образом, психическое выгорание рассматриваемых групп педагогов детерминировано различными индивидуально-личностными особенностями. У представителей профессии воспитатель развитие синдрома обусловлено преимущественно особенностями мотивационной сферы (потребностями в признании, творчестве и самомотивации). Психическое выгорание учителей детерминировано личностными чертами, характеризующими эмоциональную сферу личности (эмоциональная стабильность, чувственность, внутренняя напряженность), а также поведенческими особенностями (конформный стиль общения).

По итогам всего исследования можно утверждать, что специфичность психического выгорания и факторов его развития в профессиональной деятель-

ности воспитателей проявляется как на аналитическом, так и на структурном уровнях. Статистически доказано, что выгорание педагогов дошкольных образовательных учреждений и общеобразовательных школ формируется под влиянием различных факторов профессиональной среды и индивидуально-личностных особенностей субъекта.

Список использованной литературы

1. Гришина Н. В. Помогающие отношения: Профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 143–156.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С., Синдром выгорания. СПб., 2005; Орёл В. Е. Синдром психического выгорания личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 25; Maslach C., Leiter M. P. The truth about burnout. How organization cause personal stress and what to do about it. San Francisco, 1997. 186 p.; Freudenberg H. L'épuisement professionnel: La Brûlure interne. Québec: Gaétan Morin Éditeur. P. 159–165; Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 3. С. 85–95.
3. Борисова М. В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 96; Густелева А. Н. Синдром выгорания и его распознавание: Психологическая помощь и поддержка специалистам «помогающих профессий»: метод. рекомендации. Южно-Сахалинск: Изд-во СОИПиПКК, 2009; Ожогова Е. Г. Взаимосвязь синдрома «психического выгорания» и особенностей ценностно-смысловой сферы у педагогов общеобразовательных школ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2008. 25 с.; Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 54–67.
4. Герасимова Е. Н., Кутьина Е. В. Профилактика синдрома профессионального выгорания у воспитателей ДОУ // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. 2008. № 10. С. 115–123; Дубиницкая К. А. Социально-психологические аспекты формирования синдрома эмоционального выгорания у педагогов и воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2010. № 3.

УДК 316.334.52; 316.334.56

В статье на примере г. Ярославля анализируются особенности городской сегрегации – пространственного разделения жителей города на основании социально-экономических признаков.

Ключевые слова: город; сегрегация; городская инфраструктура; соседство; городское сообщество.

The features of urban segregation – spatial separation of the city residents based on socio-economic characteristics are analyzed in the article by the example of the city of Yaroslavl.

Key words: city; segregation; urban infrastructure; neighborhood; urban community.

М. В. Афонин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: m-afonin@mail.ru

Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере г. Ярославля)*

Научная статья

М. V. Afonin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: m-afonin@mail.ru

Urban Segregation Peculiarities in the Big Regional Centre (by an example of Yaroslavl)

Scientific article

Увеличивающаяся экономическая, социальная, экологическая дифференциация городского пространства в настоящее время предъявляет новые требования к его структуризации. Экологическое благополучие, современность застройки, налаженность инфраструктуры, цена на жилье, расположение образовательных и медицинских учреждений, а также социальные показатели (преступность, возрастной, этнический и классовый состав населения и др.) во многом определяют предпочтения в выборе места проживания. Особенно актуальны проблемы выделения пространственной сегрегации применительно к классу состоятельных людей, которые планируют городское пространство под свои нужды, в результате чего происходит формирование престижных районов, элитарных пригородов. В противовес этому процессу выступает локализация бедности.

В зарубежной социологии представлено многообразие теоретических подходов, тем и методик. Так, в рамках социологии пространства можно выделить прежде всего таких авторов, как Э. Дюркгейм [1], Г. Зиммель [2], Т. Парсонс [3], П. Сорокин

[4], П. Бурдьё [5]. Большой вклад в исследование проблем сегрегации в современном западном городе внесли представители чикагской школы: М. Андерсон, Э. Берджесс, Л. Вирт [6], Р. Парк [7], Дж. Рекс и Р. Мур и др. К числу современных авторов, внесших наибольший вклад в исследование этого вопроса, относятся такие известные ученые, как Э. Гидденс [8], Н. Смелзер [9], А. Лефевр [10] и т. д.

Для отечественной социологической науки проблематика сегрегации является достаточно новой. В условиях социализма процессы жизни общества и поведения людей объяснялись лишь в рамках официально существовавших тогда идеологических установок, в том числе и в науке. Ситуация изменилась лишь с началом экономических и политических преобразований в нашей стране. В этот период общественные науки стали высвобождаться от коммунистической идеологии и более объективно исследовать общественные процессы. В свет вышел целый ряд научных трудов российских ученых, в частности работы В. А. Ядова, З. Т. Голенковой, М. К. Горшкова, М. И. Кодина, Н. И. Лапина, В. В. Локосова,

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

А. С. Панарина и др., которые разработали важные теоретические и методологические проблемы трансформации, происходящей в стране. На этой основе стало возможным и изучение сегрегационных процессов [11]. В отечественной социологии данной проблематикой занимаются П. В. Антипин [12], С. Ю. Барсукова [13], Л. Е. Бляхер [14], В. В. Вагин [15], К. Герасимова и С. Чуйкина [16], В. В. Гришаев [17], А. Е. Карпов [18], О. Е. Трущенко [19], А. Ф. Чешкова [20] и др. Они рассматривают вопросы городской сегрегации и трансформации социального зонирования российских городов.

Существуют разные подходы к изучению городской сегрегации, в соответствии с этим возникают и разные трактовки понятия сегрегации. Под сегрегацией понимается одновременно как результат социальных препятствий в выборе места жительства, так и социальная иерархия городских пространств, заключающаяся в неравномерном распределении общественных благ [21]. Так, В. В. Вагин выделяет положительные и отрицательные стороны сегрегации. К положительным сторонам он относит то, что, благодаря сегрегации, создаются гомогенные группы населения, объединенные на добровольной основе для удовлетворения собственных целей и безопасности. К отрицательным сторонам сегрегации он относит создание гомогенных групп не на добровольной, а вынужденной основе. В этом случае сегрегация уменьшает шансы членов общества на реализацию собственных потребностей. Другим отрицательным следствием сегрегации является формирование особого самосознания, основанного на чувствах ущемленного достоинства и ущербности, что впоследствии может привести к наиболее радикальным формам городского протеста [22]. Э. Гидденс подчеркивает: «Семья, живущая в небольшом доме в бедном районе, где большинство находятся в таких же условиях, будет чувствовать себя менее обездоленной, чем те, кто живет в таком же доме в богатом квартале, в котором большинство домов гораздо больше и богаче» [23]. Но в отличие от добровольности выбора богатых, бедные выбирают в условиях, не предполагающих выбора. Таким образом, «добровольность» сегрегации не меняет ее социальной сущности. Также к негативным последствиям сегрегации относят концентрацию городской бедности, что является источником формирования замкнутого круга бедности или так называемой культуры бедности. Культура бедности – термин, предложенный социологами и антропологами для описания процес-

ствования бедных людей; содержит предположение о том, что длительно проживающие в бедности вырабатывают особый образ жизни, передавая его последующим поколениям. Термин тесно связан с идеей о цикле депривации [24].

Существует точка зрения, согласно которой социальная обособленность связана с физическими характеристиками городской среды [25]. Во-первых, формирование определенной социальной среды ведет к изменению характеристик городского пространства, таких как уровень преступности, безопасности, чистоты, социальной напряженности, что в целом влияет также на цену жилья. Во-вторых, люди живут в том районе, где могут приобрести жилье. Так, например, более бедное население вынуждено селиться в более отдаленных районах и, как следствие, нести высокие транспортные издержки.

Происходит разделение людей в обществе на категории по признаку различия социальных статусов. В результате этого ограничиваются сферы жизнедеятельности, где контакты между группами затруднены или отсутствуют. Такое разделение закрепляется в социальных нормах, поведенческих стереотипах, общественных институтах, в пространстве. Городская сегрегация, разводя в пространстве расселения группы, разнящиеся социальными свойствами, отражает дистанции между позициями, которые эти группы занимают по отношению друг к другу в обществе. В городском пространстве одни социальные группы оказываются отделенными от других более или менее явным образом. Морфология их расселения в главных чертах отражает различия внутри самого общества, стратификацию, иерархию. Социальные деления городского пространства между разными по своему общественному положению группами несут в себе силу принуждения, обусловленную объективными отношениями неравенства [26].

Социальная стратификация обозначает деление общества на слои, или страты. Говоря о социальной стратификации, мы обращаем внимание на неравенство социального положения людей в обществе [27]. Социальная стратификация представляет собой процесс и результат деления людей на неравнозначные группы, образующие иерархическую (упорядоченную по принципу низшие – высшие) последовательность на основе одного или множества признаков [28]. Городское пространство создает неравные возможности для участия горожан в трудовой деятельности, реализации потреб-

ностей и интересов, следствием чего и является формирование стратификации. Городская стратификация пережила трансформацию от практически однородного размещения, регулируемого только партийно-идеологическими механизмами, до обусловленности иерархических различий индивидуальной деятельностью человека в самых различных сферах. Пространство современных российских городов становится инструментом как вовлечения, так и исключения из тех или иных сфер жизни.

Существует несколько причин, в силу которых изучение сегрегации актуально. Во-первых, степень сегрегации между группами – индикатор социального неравенства в обществе. Во-вторых, понимание динамики поселенческой сегрегации дает возможность политикам оценить эффективность социальных программ, направленных на сокращение сегрегации. В-третьих, изучение сегрегации дает социологам возможность проникновения в базовые экономические процессы, влияющие на структуру и функционирование общества. Три группы факторов влияют на процесс сегрегации: экономические, социально-экологические и социально-экономические характеристики групп [29].

Выделяют три модели городской сегрегации в современной России. Суть первой модели заключается в том, что наиболее состоятельные, а значит, наиболее мобильные граждане стремятся сформировать и зафиксировать социальное пространство, свое место жительства. Постепенно меняется структура элитарных городских районов: либо происходит вытеснение наиболее «бедных» жителей (например, через риэлторские конторы, скупающие квартиры у малообеспеченных людей в престижных районах, или путем обмена квартир на другие районы, либо таким районам придается новый престижный статус (создание новых престижных районов)). Рост элитарных пригородов также является очевидным индикатором первой модели сегрегации городского населения.

Вторая модель городской сегрегации оформляется путем дальнейшего укоренения населения в своем районе. У людей, не имевших возможности сменить место жительства, такие шансы с падением жизненного уровня еще больше уменьшились. Соответственно уменьшается жизненное пространство жителей таких общностей. На основе этого возникают инкапсулированные локальные субкультуры, которые часто носят закрытый характер, что может вызвать рискогенную ситуацию.

Суть третьей модели состоит в том, что повышение социально-экономического статуса не обязательно ведет к смене места жительства. Этому мешают как материальные трудности (не все могут позволить себе приобрести новую квартиру), так и нежелание менять своих друзей и знакомых, живущих в этом районе. Таким образом возникают источники риска. С одной стороны, невозможность удовлетворить, как правило, возросшие потребности; не соответствующая им социальная инфраструктура в месте жительства ведет к фрустрации индивида. При изменении социального статуса изменяются и социальные сети человека, которые в данной ситуации наверняка удалены от места жительства (связаны, например, с новым местом работы). Происходит увеличение индивидуального риска. С другой стороны, такая неоднородность в городском районе, квартале, доме может вызвать изменение отношения на межличностном уровне. Такие обыденные причины, как зависть, вражда, повышают вероятность рискогенных ситуаций [30].

С. Ю. Барсукова в работе «Тенденции социального зонирования российских городов» [31] пытается доказать тезис, согласно которому место работы все менее определяет место жительства, поскольку растет удельный вес работников, для которых все менее значимым фактором выбора места жительства становится территориальная близость к месту работы. В подтверждение она приводит две тенденции:

- 1) для определенных категорий работников появляется возможность территориального дистанцирования места работы и места жительства (управленцы высшего звена, научные работники и т. д.);
- 2) растет доля работников, место работы которых определяется местом их жительства, а не наоборот.

Последняя тенденция способствует росту числа самозанятых и предпринимателей малого и среднего бизнеса, которые не живут вблизи места работы, а работают вблизи места жительства. Растет количество представителей профессий сферы обслуживания по сравнению с производственной сферой, которые не создают, но с большой вероятностью находят работу вблизи места жительства. Уменьшается концентрация промышленных рабочих. Рост эффективности промышленного производства позволил сократить число одновременно занятых работников, что не могло не уменьшить концентрацию жилья работников в непосредственной близости от предприятия.

По мнению С. Ю. Барсуковой, современные законодатели городской сегрегации представ-

лены в основном следующими социальными группами. Это:

– представители партийно-хозяйственной номенклатуры, сумевшие конвертировать власть, которой они обладали, в экономический капитал (собственность);

– предприниматели, не имевшие партийно-номенклатурного прошлого.

Что касается новой системы предпочтений, то необходимо отметить, что сегодня престижные адреса могут быть условно поделены на две группы – старые и новые. К первым относятся квартиры в исторических центрах городов, заселяемые в прошлом представителями элит советского периода. Ко второй группе относятся: 1) многоквартирные дома повышенной комфортности; 2) поселки коттеджей. Эти два варианта сходятся в стремлении их обладателей территориально локализоваться по имущественному признаку и, соответственно, дистанцироваться от социальной инакости [32].

Для понимания современных процессов сегрегации в Ярославле обратимся к истории планировки и застройки города с первых лет советской власти. В этот период в Ярославле была предпринята первая в Советском Союзе попытка создания «социалистического города». Поэтому образ города во многом отражал политическую ситуацию в стране, становясь частью идеологии. Главным принципом построения «социалистического города» провозглашалось подчинение структуры и функционирования городской среды целям и потребностям человека. «Город должен существовать и развиваться для жителей, а не наоборот» [33]. В основу переустройства городского пространства был положен принцип функционального зонирования. Генеральный план Ярославля 1924 г. делил его территорию на пять равных по своему значению зон: административно-деловую, фабрично-заводскую, больницу, жилую и транспортную. Устранение различий между центром и окраиной могло быть достигнуто лишь посредством благоустройства рабочих районов и нового строительства, а также путем перемещения различных слоев общества в городском пространстве, передела жилищного фонда.

Классовый статус человека в первые годы советской власти являлся определяющим фактором в решении жилищного вопроса. Квартиры и комнаты коммунального жилого фонда распределялись в первую очередь среди рабочих и служащих. Жилищные районы представляли собой относительно независимые и равные по уровню

культурно-бытового обслуживания городские территории. Понятие элитного квартала должно было уйти в прошлое. Стиралась иерархия пространства и в сознании горожан. Элитные кварталы и роскошные особняки становились общедоступными, культовые постройки, имевшие прежде сакральный смысл, превращались в рядовые хозяйственные помещения. Однако сегодня мы являемся свидетелями обратных процессов.

В ходе проведенного социологического исследования, целью которого было выяснить мотивацию горожан при выборе места своего жительства, были выделены следующие тенденции сегрегации городского пространства Ярославля. Очень высокое влияние на выбор жилья оказывают такие факторы, как качество жилья (78,8% опрошенных), местоположение (65,3%), развитая инфраструктура (55,9%). В то же время все менее определяющим становится привязанность места жительства горожан к месту работы, что обусловливается наличием развитой транспортной системы и инфраструктуры. С другой стороны, свою престижность не теряет центральный район города. Основопологающими критериями при выборе жилья остаются: наличие детских садов, поликлиник, школ, сферы обслуживания, инфраструктуры, цена на жилье и т. д. Приобретает наибольшую актуальность экологическое благополучие, отсутствие промышленных предприятий. Приобретатели жилья становятся все более требовательными к качеству жилья. Вступает в силу фактор однородной социальной среды.

Покупатели элитных квартир и коттеджей стараются приобрести не только дом, но и социальное окружение: они хотят жить среди равных себе. На первое место выходят такие критерии, как «однородное социальное окружение» и «месторасположение». Сегодня именно жильцы, а не дом определяет класс комплекса. Именно поэтому многие покупатели заранее интересуются, к какому социальному слою принадлежат их будущие соседи. Закрытый характер территории (36,4%), однородная социальная среда (34,2%), престижность района (33,9%) при выборе жилья в качестве значимого фактора позиционируется примерно 1/3 опрошенных ярославцев. Наиболее значимыми показателями отнесения жилья к разряду «элитное», по мнению большинства респондентов, являются: наличие зон отдыха (74,6%); наличие охраны (72,2%); открытый и закрытый паркинг для автомобилей (68,7%); огороженная территория (68,4%). Такие критерии, на наш взгляд, демонстрируют стремление их

обладателей территориально локализоваться по имущественному признаку и дистанцироваться от социально чуждого окружения. Наименее существенным критерием отнесения жилья к «элитному» является наличие прачечных – данную точку зрения разделяют более половины опрошенных (58,4%).

Основной причиной приобретения нового жилья для более одной трети опрошенных ярославцев старше 30 лет является расширение площади – 43,1–57,1% ответов, тогда как стремление переехать в более престижное жилье является приоритетным для трети респондентов среднего возраста

(31–49 лет) – 27,7%. Наряду с этим, в данном вопросе руководствуется сменой района проживания на более привлекательный каждый пятый представитель молодежи (21,9%).

Таблица сопряженности по вопросу «Можете ли Вы отнести свое жилье к разряду «элитное?» в зависимости от переменной «Оцените, насколько закрыт доступ в Ваше пространство для представителей другой, отличной от Вашей, социальной группы?» с вычислением статистического критерия χ^2 Пирсона позволяет зафиксировать, что указанные переменные связаны друг с другом.

Можете ли Вы отнести свое жилье к разряду «элитное»? Оцените, насколько закрыт доступ в Ваше пространство для представителей другой, отличной от Вашей, социальной группы? (г. Ярославль, 2012 г., N=120)			
Оцените, насколько закрыт доступ в Ваше пространство для представителей другой, отличной от Вашей, социальной группы?	Можете ли Вы отнести свое жилье к разряду «элитное»?		Среднее значение
	Да	Нет	
Доступ открыт	0,0 %	23,0 %	11,8 %
Доступ скорее открыт	5,2 %	18,0 %	11,8 %
Загрудняюсь оценить	8,6 %	31,1 %	20,2 %
Доступ скорее закрыт	34,5 %	14,8 %	24,4 %
Доступ закрыт	51,7 %	13,1 %	31,9 %
χ^2 Пирсона	43,599 > χ^2 теоретич.= 13,277 ($p \leq 0,01$)		
ст.св.	4		
Асимпт. Значимость (2-стор.)	0,000 < $p \leq 0,01$		
Интерпретация	Различия между распределениями можно считать достоверными		

Так, каждый второй респондент, признавший за собственным жильем статус «элитного», отмечает, что доступ в его пространство достаточно закрыт для представителей другой социальной группы (51,7 %), что свидетельствует о маркировании престижного пространства и впоследствии может привести к возникновению в достаточной степени замкнутых районов.

Таким образом, в г. Ярославле налицо все признаки углубляющихся процессов сегрегации городского пространства, что может в дальнейшем негативно сказаться как на качестве жизни горожан, так и на развитии города в целом.

Список использованной литературы

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 1990.
2. Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М., 1995.

3. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // О структуре социального действия. М., 2000.

4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Мысль, 1992.

5. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

6. Вирт Л. Городское сообщество и цивилизация // Личность. Культура. Общество. 2006. № 2.

7. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. 1998. № 2.

8. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал, 1999.

9. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

10. Лефевр А. Алгебра совести: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003.

11. Обирин А. И. Неравенство в пространстве города. Элитное и социальное жилье, пространственная сегрегация г. Хабаровска // Вестник ТомГУ. 2011. № 1.

12. Антипин П. В. Особенности социального зонирования городского пространства Перми // Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: МОНФ, 2000.
13. Барсукова С. Ю. Тенденции социального зонирования российских городов. // Там же.
14. Бляхер Л. Е. Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды // Там же.
15. Вагин В. В. Городская социология: учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский научный общественный фонд; Школа муниципального управления, 2001.
16. Герасимова К., Чуйкина С. Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления.
17. Гришаев В. В. Городская социальная сегрегация: анализ с точки зрения социологической теории риска // Там же.
18. Карпов А. Е. Имплотация городского пространства: проблема существования центра в городах современной России // Там же.
19. Трущенко О. Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М., 1995.
20. Чешкова А. Ф. Методологические подходы к изучению сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления.
21. Киселева А. М. Развитие территориального общественного самоуправления в крупном городе // Социологические исследования. 2008. № 10.
22. Вагин В. В. Указ. соч.
23. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9.
24. Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе. М., 2010.
25. Строкова Е. Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования: Российские города как бренд России // Городской альманах. Вып. 3. М.: Институт экономики города, 2008.
26. Трущенко О. Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М., 1995.
27. Гидденс Э. Социология.
28. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура.
29. Вагин В. В. Указ соч.
30. Гришаев В. В. Указ соч.
31. Барсукова С. Ю. Указ соч.
32. Там же.
33. Александрова М. В. Социокультурный аспект градостроительной политики в Ярославле первых лет советской власти // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 4.

УДК 316.334.52; 316.334.56

В статье сделана попытка описания и анализа городского образа жизни, который характеризуется целым рядом особенностей: ослаблением традиций, формализацией контактов, снижением социального контроля и т. д.

Ключевые слова: город; городская инфраструктура; городская среда.

The article attempts to describe and analyze the urban way of life, which is characterized by a number of features: traditions weakening, contacts formalization, social control decreasing, etc.

Key words: city (town); urban infrastructure; urban environments.

Л. Д. Руденко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Социологическое изучение особенностей современного городского образа жизни*

Научная статья

L. D. Rudenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Sociological Studies of the Modern Urban Lifestyle Peculiarities

Scientific article

Современный город является сегодня экономическим, административным и культурным центром. Это постоянно развивающийся организм, который чутко улавливает тенденции общественной жизни, воспроизводит и видоизменяет их. Города расширяются, увеличиваются их размеры и численность населения, происходит развитие инфраструктуры, строительство новых районов и микрорайонов, повышение уровня образования и квалификации городского населения, освоение новых форм получения и применения знаний и профессиональных навыков, рационализация и индивидуализация, изменение норм и образцов поведения. Все это приводит к необходимости адаптации индивида к изменению образа жизни.

В советской социологии первые попытки исследования образа жизни появились в конце 1920-х гг. В качестве примера можно привести работу Е. О. Кабо «Очерки рабочего быта» (1928 г.), в которой предлагается типологизация образа жизни в социалистическом обществе. Категория «образ жизни» была разработана в советской науке как характеризующая устойчивые, типичные для

исторически конкретных социальных отношений виды и формы жизнедеятельности социальных групп и общностей, класса, нации и общества в целом [1]. Например, Б. Ф. Ломов рассматривает образ жизни человека «как члена общества» через «сферу и способы общения этого человека с другими людьми» [2]; Е. П. Савруцкая определяет образ жизни как «способ организации общественных отношений, персонифицированных в конкретных формах общения и реализуемых в жизнедеятельности людей» [3]; для И. Т. Левыкина образ жизни – это определенная система входящих в его состав устойчивых и повторяющихся форм жизнедеятельности, обладающая внутренним единством [4]; Ж. Т. Тощенко, в свою очередь, определяет сущность образа жизни как совокупность деятельностей: трудовой, общественно-политической, духовной, семейно-бытовой и т. д. [5].

В. И. Казанцев и М. Г. Светульников дают довольно широкое определение: образ жизни – специфическое для индивида, семьи или социальной группы сочетание видов деятельности, проанализированное в контексте жизненного пути субъекта

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

и его жизненных условий. Они отмечают, что при изучении образа жизни того или иного субъекта социума необходимо первоначально определить его конкретное историческое и территориальное местонахождение, так как это позволит выявить факторы, которые детерминируют сочетание видов деятельности субъекта [6].

Среди российских ученых можно отметить работы И. А. Бестужева-Лады, внесшего значительный вклад в изучение образа жизни, качества и уровня жизни, а также исследовавшего перспективы развития социалистического образа жизни; Р. В. Рывкиной, анализирующей структурные компоненты образа жизни; Е. А. Ануфриева и М. Н. Руткевича, посвятивших ряд своих работ исследованию особенностей образа жизни социалистического города.

Наиболее полно, на наш взгляд, специфику понятия «образ жизни» отражает И. В. Бестужев-Лада. Он выделяет трудовую, культурно-бытовую и общественно политическую деятельность людей (включая показатели брака и семьи, образования, национальных отношений и др.). Эти блоки взаимно связаны с показателями условий жизни – материального благосостояния, социального обеспечения и здравоохранения, охраны окружающей среды и т. д. [7].

Наибольших успехов в изучении особенностей городского образа жизни добились представители Чикагской социологической школы, что стало возможным благодаря их многочисленным эмпирическим исследованиям. В частности, Л. Вирт выделял высокую мобильность горожан и слабость социальных связей между ними: люди вовлечены в самые различные виды деятельности и ежедневно оказываются в различных ситуациях, поэтому в городе «темпы жизни» быстрее, чем в сельской местности. Соперничество доминирует над сотрудничеством. В представлении Вирта большой город – это «мир чужаков», который, тем не менее, устанавливает и поддерживает личные связи. В городской действительности необходимо различать общественную сферу отчужденных встреч и личный мир семьи, друзей, коллег по работе. Он отмечал: «Может быть, трудно, впервые попав в большой город, встретить там людей. Но любой, оказавшийся в небольшой сельской общине, может обнаружить, что приветливость сельчан объясняется в основном их вежливостью и могут пройти годы, прежде чем пришедший со стороны будет принят. В городе дело обстоит иначе» [8].

Концепция Л. Вирта нашла свое развитие в работах С. Милграма. Он полагал, что характерные черты городской жизни, которые выделял Вирт, а ещё ранее Г. Зиммель, не могут полностью объяснить поведение горожан. Большая численность, плотность, неоднородность и обилие контактов сказываются на поведении горожан. В связи с этим Милграм вводит понятие «перегрузка». Можно сказать, что наблюдаемое поведение горожанина в широком диапазоне ситуаций во многом определяется процессами адаптации к перегрузкам. Данное понятие он разворачивает в виде следующих суждений:

1. Горожане склонны пренебрегать информацией, которая не является первоочередной.

2. При определенных социальных операциях производится перераспределение обязанностей таким образом, чтобы перегруженная система могла переложить часть нагрузки на второго участника взаимодействия.

3. Система информационной защиты горожан блокирует доступ информации уже на самом входе. Между индивидом и поступающей из внешней среды информации ставятся социальные средства защиты и отбора. Создаются специальные организации для приема входящей информации, которая иначе захлестнула бы индивида. Такое посредничество одновременно защищает и отчуждает индивида от его социальной среды [9].

Среди отечественных ученых, изучавших городской образ жизни, в первую очередь нужно отметить И. С. Турова [10]. Анализируя городской образ жизни, он отмечает, что специфика городских условий жизнедеятельности определяется двумя группами факторов и соответственно этому проявляется в двух достаточно автономных аспектах: это социально-экологические особенности городских условий жизнедеятельности и социально-экономические особенности этих условий. Опираясь на идеи вышеперечисленных социологов, автор сделал попытку изучить городской образ жизни представителей разных социальных групп. В соответствии с поставленной целью было проведено социологическое исследование разведывательного вида.

Социологическая информация была собрана с помощью анкетного опроса, т. к. именно этот метод позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях и мотивах деятельности. Более того, данный метод предоставляет респондентам возможность обдумать предложенные вопросы, а исследователю получить информа-

цию в сжатые сроки и проконтролировать полноту заполнения анкеты.

Анкета состояла из 48 вопросов (восемь вопросов формировали «паспортчику»), которые были распределены по следующим смысловым блокам:

- вопросы, с помощью которых мы выявили особенности семейно-бытовых отношений;
- вопросы, направленные на изучение политической, общественной и трудовой деятельности респондентов;
- вопросы, ответы на которые позволили проанализировать особенности взаимодействия пространственно-временных перемещений, соседства и уровня толерантности горожан.

По таблицам В. И. Паниотто был определен объем выборки – 250 человек. Фактическая ошибка выборки составила 7%. Объектом социологического исследования выступили жители г. Ярославля в возрасте от 25 до 70 лет (по 33% в каждой возрастной группе: до 30 лет, от 31 до 49 лет, свыше 50 лет). Отбор респондентов осуществлялся с помощью неслучайной квотной выборки, репрезентативной по полу. Обработка результатов исследования проводилась с помощью программы SPSS.

В исследовании приняли участие 44% мужчин и 56% женщин, что соответствовало половой структуре города. Абсолютное большинство ответивших (94%) – русские, что также соответствовало национальной структуре города.

Свое материальное положение большая часть респондентов (64%) определили как среднее (денег хватает на одежду, еду и мелкую бытовую технику, но покупка товаров длительного пользования, например холодильник, вызывает затруднение); 4% – как низкое (не хватает денег на еду и одежду); 22% – как высокое (можем позволить себе купить практически все); 10% отказались от ответа на этот вопрос.

В опросе участвовали горожане с разным социальным статусом (студенты, рабочие, служащие, военные, пенсионеры) и уровнем образования (34% респондентов имели среднее специальное, 31% – высшее, 22% – среднее, 11% – неоконченное высшее и 2% имели ученую степень). Основными видами деятельности респондентов являются: работа полный рабочий день (49%), очная форма обучения (19%) и пенсия (10%). Основными сферами занятости (в порядке убывания – розничная и оптовая торговля, промышленность, культура СМИ и искусство, образование и новейшие технологии).

Ответы на вопрос о семейном положении распределились следующим образом: 54% респондентов

женаты или замужем, 35% – не замужем и не женаты, 8% – разведены.

Итогом проведенного нами исследования стали следующие результаты.

Согласно ответам респондентов, в 44% семьях за домашнюю работу отвечает женщина, в 21% – все члены семьи, в 18% – мужчина. Ответы на вопрос о наличии главы в семье показали, что в семьях 52% опрошенных главой является мужчина. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство опрошенных придерживаются традиционного распределения ролей в семье.

У большинства респондентов домашняя работа занимает от 3 до 6 часов (64%), до 2 часов – у 18%, более 6 часов в неделю – у 7% опрошенных. Практически все респонденты отметили наличие в квартире следующей бытовой техники: холодильника, стиральной машины, пылесоса, кухонного комбайна, мясорубки. Более половины ярославцев (63%) ответили, что принимают решения о покупке товаров длительного пользования всей семьей, 19% – единолично, 15% – всей семьей или единолично в зависимости от ситуации. Нас также интересовал вопрос, кто в семье отвечает за распределение доходов и бюджета семьи: совместно распределяют доходы и бюджет 31%, единолично – 27%, не распределяют их совсем – 10% респондентов.

Еще один важный аспект семейно-бытовых отношений – это традиции, наличие которых поможет уточнить, какие взаимоотношения и ценности преобладают в семьях крупного регионального центра. Результаты опроса показали, что значительная часть опрошенных (48%) собираются за обедом или ужином всей семьей время от времени, 32% делают это регулярно, 20% – не собираются. На вопрос о наличии семейных традиций 68% ярославцев ответили, что таковых не имеют, у 32% семейные традиции имеются (семейные обеды и ужины, активный отдых, семейный кемпинг, совместное празднование Нового года и Рождества, подарки на праздники).

Для того чтобы определить особенности досуга жителей Ярославля, респондентам был задан ряд вопросов, раскрывающих способ проведения свободного времени.

За последние полгода 22% опрошенных ярославцев посещали театр, 11% – выставки, 9% – библиотеки. Большая часть респондентов (49%) не посещали никаких культурных объектов. Стоит отметить, что частота посещений культурных мероприятий горожан невысокая – в среднем 1–2 раза в полгода.

Столь редкое посещение культурных мероприятий ярославцами можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, для посещения театров, выставок и музеев необходимо свободное время и желание тратить его на подобное времяпрепровождение. Во-вторых, необходимо иметь неплохой заработок, так как стоимость хороших билетов в театр например, в Российский государственный академический театр драмы имени Ф. Волкова, начинается от 500 рублей и поход в театр всей семьей влечет уже значительные финансовые затраты.

Более половины опрошенных (87%) в течение того же периода посещали развлекательные заведения: кафе и рестораны (33%), кинозалы (29%), ночные клубы (16%). Частота посещений данных заведений выше, чем частота посещений культурных мероприятий – 3–4 раза в месяц. Высокую частоту посещаемости развлекательных заведений ярославцами можно объяснить тем, что Ярославль характеризуется значительным разнообразием заведений подобного рода и насчитывает более 250 таковых.

С целью изучения повседневной жизни горожан им было предложено ответить на следующие вопросы: «какими видами деятельности Вы занимались в течение последней недели?» и «как часто Вы совершали повседневные покупки?»

Ответы на первый вопрос распределились следующим образом (в порядке убывания): общались с семьей, родственниками и друзьями, смотрели ТВ, делали повседневные покупки, занимались домашней работой, гуляли по городу, «сидели в Интернете». Стоит отметить, что ни один респондент не выбрал вариант «занимался спортом». Судя по результатам опроса, ярославцы часто совершали повседневные покупки (91% из опрошенных), что можно объяснить развитой инфраструктурой регионального центра, т. е. большим количеством крупных торговых сетей, центров и гипермаркетов.

На вопрос относительно своего участия в политической жизни города большинство респондентов (82%) отвечают положительно. В основном, свое участие в политической жизни города респонденты сводили к участию в выборах. Необходимо отметить, что активное голосование жителей Ярославля во многом обусловлено проходившими в марте–апреле выборами мэра Ярославля, когда местные СМИ непрерывно сообщали подробности ожесточенной борьбы в предвыборной гонке. В то же время о своем участии в работе общественных организаций, акциях и движениях заявили только 19% респондентов. Результаты опроса зафиксиро-

вали отсутствие активной деятельности горожан в общественной жизни, что объясняется нехваткой свободного времени, недостатком информации об общественных организациях и их деятельности.

Следующие вопросы были посвящены изучению трудовой деятельности. Респондентам было предложено выбрать один из вариантов ответа, который наиболее полно отражает их отношение к работе. По мнению большой группы опрошенных ярославцев (44%), заработок в работе главное, но необходимо также помнить и о смысле работы; вариант ответа «хороша любая работа, если она хорошо оплачивается», выбрали 26% респондентов; с принципом «нельзя забывать о заработке, но основное – смысл работы, ее общественная полезность» согласны 19% ярославцев.

Также в одном из вопросов анкеты мы просили респондентов выбрать те варианты ответа, которые в полной мере характеризуют их отношение к работе. На вопрос «что нравится Вам в своей работе?» были получены следующие ответы (в порядке убывания): хорошие отношения с трудовым коллективом, хорошее состояние рабочего инвентаря, хороший заработок, удобный график работы. На вопрос «что не нравится Вам в своей работе?» ответы распределились следующим образом (в порядке убывания): монотонная работа, плохой заработок, невозможность повысить социальный статус, тяжелая физическая работа.

Особый интерес для нас представлял блок вопросов, посвященный непосредственно городскому образу жизни. В одном из открытых вопросов респондентов просили оценить поведение горожан, которые просят милостыню. После обработки ответов была проведена их классификация и получены следующие результаты:

- 1) отрицательно относятся к таким людям – 27%;
- 2) считают, что это чужие проблемы, которые к ним не имеют никакого отношения, – 17%;
- 3) испытывают чувство жалости к таким людям – 8%;
- 4) не верят в наличие проблем у таких людей – 3%.

Это позволило выдвинуть предположения о том, что городская среда обуславливает высокий уровень альтернативности сознания и поведения горожан; крупный город способствует формированию собственного взгляда на различные ситуации; в городе активно распространяются процессы индивидуализации, когда нужды других людей становятся на задний план, а то и вовсе не принимаются в расчет.

Просьбу подсказать дорогу к известному респонденту месту 85% респондентов готовы удовлетворить, еще 8% – проводить до него. Низкая готовность ярославцев проводить нуждающихся до определенного места, на наш взгляд, обусловлена прежде всего размерами города. Г. А. Гольц на материале развития европейских и американских городов за последние 170 лет обосновал статистически временной норматив – «константу пространственной организации населения», то есть время потенциально возможное в усредненных условиях для реализации важнейших контактов. Величина этой константы составляет 30–40 минут и определяет «радиус замыкания» городского пространства, то есть фактическую границу города.

На вопрос «как бы Вы поступили, если на Ваших глазах незнакомому человеку стало плохо?» 81% опрошенных ответили, что оказали бы возможную с их стороны помощь, еще 16% попросили бы помощи у окружающих людей.

Практически все респонденты (96%) положительно ответили на вопрос, бывают ли они в разных районах города. В качестве основных причин межрайонных поездок ярославцы назвали: работу, личные дела, досуг, учебу. Основными видами транспорта, которыми пользуются опрошенные нами горожане, являются (в порядке убывания): общественный транспорт (52%), маршрутное такси (22%), личный автомобиль (16%), велосипед (4%). Поскольку городской образ жизни подразумевает ритмичность и подвижность в повседневных практиках, передвижения и перемещения по городу происходят каждый день у абсолютного большинства опрошенных (88%). Помимо передвижений на транспорте, большая часть жителей (82%) Ярославля совершают пешие прогулки по городу. При этом все респонденты отметили, что они не встречали никаких препятствий, которые могли бы помешать их пешим прогулкам.

Также нас интересовало, насколько безопасно чувствуют себя респонденты в городе. Значительное число ярославцев (52%) ощущают себя в городе безопасно, 20% – небезопасно, еще 20% затруднились с ответом. В вечернее время (21–23.00 и позже) гуляют 60% опрошенных.

Важным элементом городского образа жизни являются уменьшение числа неформальных контактов и увеличение числа формальных. С целью изучения данного элемента респондентам был задан ряд вопросов. Что касается общения жителей Ярославля со своими соседями, то можно отметить

следующее: 51% респондентов только здороваются со своими соседями, 26% – близко общаются (ходят друг к другу в гости, вместе гуляют и т. д.).

Немаловажным аспектом взаимоотношений является вопрос о взаимодействии с представителями других национальностей. На вопрос о том, хотели бы они, чтобы люди не близкой им национальности проживали с ними в одном городе, 50% ответили, что им «все равно», 30% опрошенных сказали «нет», 20% ответили положительно.

Как мы уже отмечали, представители разных социальных групп по-разному отвечали на вопросы относительно городского образа жизни. Ниже мы приведем наиболее значимые корреляции.

Построение таблиц сопряженности, вычисление статистического критерия χ^2 Пирсона позволяют зафиксировать, что переменные «возраст» и «возможные предпочтения в выборе городских жителей по этнической принадлежности» связаны друг с другом. Так, люди среднего возраста (31–49 лет) чаще других возрастных групп высказывали желание жить в моноэтничном городе (43%), молодежь – в полиэтничном городе (59%), респонденты старше 50 лет выбирали вариант «мне всё равно» (69%).

За последние полгода наиболее активно посещали культурные мероприятия, а также кафе, рестораны и ночные клубы молодые люди и респонденты средних лет, в то время как респонденты старшего поколения в течение последних шести месяцев их не посещали совсем (77,3%).

Мы также установили корреляцию между переменными «возраст» и «мнение о характере работы»: вариант «заработок – главное, но надо думать и о смысле работы» выбрал каждый третий представитель молодежи и среднего возраста (49,1% и 45,2% соответственно), тогда как респонденты старшего поколения выбрали вариант «общественной полезности работы» (42,9%).

Была зафиксирована корреляция между переменными «образование» и «желание помогать людям»: респонденты со средним уровнем образования чаще других высказывали готовность проводить незнакомого человека (21%), в то время как участники опроса, имеющие более высокий уровень образования, предпочли вариант «показали бы направление движения» (93,3%).

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что городской образ жизни ярославцев в целом характеризуется традиционным распределением ролей в семье, незначительным влиянием традиций на повседневную

жизнь, невысокой частотой посещений культурных мероприятий и высокой – развлекательных, низкой активностью участия в политической жизни города (исключение – участие в выборах мэра), уменьшением числа неформальных контактов (например, с соседями).

Список использованной литературы

1. Михайлова Л. И. Образ жизни человека как предметное поле социологического осмысления. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/383/712/1217/001.MIKHAILOVA.pdf>
2. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 33.
3. Савруцкая Е. П. Образ жизни и исторические формы общения. Казань, 1989. С. 26.
4. Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1988. С. 17.
5. Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. М., 1994. С. 88.
6. Казанцев В. И., Светульников М. Г. Социология города: учеб.-метод. пособие. Ульяновск, 2004. С. 91.
7. Бестужев-Лада И. В. Проблемы прогнозирования и совершенствования образа жизни // Вопросы философии. 1985. № 11. С. 38.
8. Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 499.
9. Пирогов С. В. Конспект лекций по курсу «Социология города». Томск: ТГУ, 2003. С. 49.
10. Туров И. С. Городской образ жизни: теоретический аспект // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 134.

УДК 316

В статье рассматривается конструкционистский подход к риску и процесс конструирования риска. Представлена многоуровневая система факторов конструирования риска, включающая уровень индивида, социальной группы, положения в социальной структуре, уровень социальных институтов и общества в целом. Используются результаты проведенного автором социологического опроса о влиянии социально-демографических факторов на риск.

Ключевые слова: риск; социология риска; социальный конструкционизм; конструирование риска.

The article is based on the constructionist approach to risk and consideration of the process of the constructing of risk. The multi-level system of risk factors' construction is presented. The system includes levels of individual, social group, position in social structure, a level of social institutions and society in general. The author presents results of her survey on the influence of social and demographic factors on risk.

Keywords: risk; sociology of risk; social constructionism; construction of risk.

М. А. Щерба

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: m.scherba@yandex.ru

Система детерминант социального конструирования риска

Научная статья

М. А. Scherba

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: m.scherba@yandex.ru

The System of Determinants of Risk Social Construction

Scientific article

Традиционно исследования риска принято разделять на реалистическое и социокультурное направления [1]. В рамках первого подхода риск можно исчислить, т. е. определить масштаб опасности и вероятность ее наступления. Этот подход используется в технических и экономических науках. Странники второго подхода изучают риск в контексте социальных и культурных факторов. Современные достижения социологии риска позволяют расширить рамки классической классификации подходов к изучению риска и рассматривать его в терминах социологии постмодернизма. По нашему мнению, риск может быть рассмотрен не только как социально обусловленный и не только как математически рассчитываемый, но и как конструируемое социальное явление. Представляется обоснованным введение в социологический аппарат понятия «конструирование риска», подразумевающего динамический социальный коммуникационный процесс создания и изменения риска. Согласно положениям социального конструкционизма, не существует объективных рисков, они создаются в процессе взаимодействия людей, закрепляются как традиции и воспринимаются как часть реальности.

© Щерба М. А., 2013

Изучение социального конструирования риска базируется на достижениях теорий социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), социологии международных отношений (О. Вайер), социологических теорий риска (У. Бек, Э. Дуглас, П. Словик). В каждой из теорий содержатся основания для рассмотрения процесса конструирования риска. В теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана социальная реальность рассматривается как создаваемая людьми. Ее объективную сторону составляют общие знания, нормы, ценности, т. е. коллективные представления. Копенгагенская школа международных отношений подходит к созданию риска как к целенаправленному политическому процессу. Ее представителями выделено несколько сфер, в которых может быть реализован процесс секьюритизации: это военная, политическая, экономическая, общественная сферы и окружающая среда. У. Бек заявляет о детерминированности риска социальными факторами, однако сосредоточивается на риске как факторе развития общества, трансформации социальных процессов и структуры. Э. Гидденс также рассматривает риск как

важнейшую характеристику современного общества, указывая на «защитный кокон» [2], с помощью которого субъект снижает страхи перед риском. Немаловажный вклад в данную отрасль сделали представители психологии и социальной антропологии: П. Словик и его коллеги подробно изучили параметры оценки опасностей, однако их научные труды принадлежат сфере психологии и лишь частично рассматривают социальные факторы.

Таким образом, все перечисленные теории содержат основания для изучения конструирования риска как социально обусловленного процесса, однако ни в одной из теорий не рассматривается в полной мере многообразие факторов, влияющих на создание риска. В данной статье будет предпринята попытка восполнить этот пробел и предложить систему факторов конструирования риска.

Анализ научной литературы приводит к выводу, что поле социальных факторов конструирования риска целесообразно разделить на четыре группы в зависимости от уровня их проявления: на уровне индивида; социальной группы, положения в социальной структуре; на уровне социальных институтов и общества в целом. Такое разделение обусловлено особенностями теорий, рассматривающих риск: в частности, психометрическая школа изучает восприятие риска в психологическом и социально-психологическом контексте, а в теориях У. Бека, Э. Гидденса и других ученых риск исследуется в контексте социальных институтов и общества в целом.

Первый уровень включает индивидуальные социально-психологические характеристики субъекта. Они получили рассмотрение прежде всего в рамках психометрической парадигмы. В основе этой теории лежит категория «восприятие риска», что подчеркивает психологический аспект исследований, т. е. рассмотрение риска не в процессуальном контексте, а в статичном фиксировании факторов влияния. Ее родоначальники П. Словик, Б. Фишхоф, С. Лихтенштейн сосредоточивают свое внимание на изучении мировоззренческих установок, личного опыта субъекта, степени его доверия к органам власти и т. д. [3], не концентрируясь на собственно социальных факторах – влиянии общества и его институтов. Ч. Старр отмечает еще один социально-психологический фактор, влияющий на риск, – это выгоды, которые несет риск. «...чем больше воспринимаемая выгода, тем больше толерантность к риску» [4], – так П. Словик интерпретирует идею Ч. Старра. Те, кому риск сулит выгоду в виде различных ресурсов (деньги, власть и пр.), более склонны к риску.

В психометрической школе также затрагивается собственно социальный фактор конструирования риска – это позиция субъекта в социальной структуре. Включенность индивида в различные социальные группы представляется необходимым рассматривать в качестве отдельного уровня (второго). Так, по мнению У. Бека, важное значение имеют социальные позиции индивидов: высокостатусные группы (по доходу, обладанию властью, образованию, профессиональной принадлежности) «могут купить себе безопасность и свободу от риска» [5], иначе говоря, имеют больше знаний и ресурсов для контроля, защиты и извлечения выгоды из рисков. Социальные группы, занимающие низкие уровни в системе социальной стратификации, напротив, подвергаются «крайним» рискам (в профессиональной деятельности, опасном питании, неблагополучных местах проживания и т. д.). Таким образом, по У. Беку, отношение к риску и, соответственно, особенности его конструирования зависят от положения индивида в социальной структуре.

Отдельный пласт исследовательских проблем связан с влиянием профессиональной принадлежности на конструирование риска. Так, представители психометрической школы отмечают, что обладающие специальным знанием эксперты считают вероятность риска более низкой, чем население. М. Ю. Елимова и А. В. Мозговая предлагают следующие объяснения этому явлению [6]: во-первых, эксперты и население по-разному информированы; во-вторых, население не доверяет экспертам по причине высокой степени неопределенности экспертных оценок и их недостаточной согласованности; в-третьих, у населения и специалистов различная степень контроля над риском, которая зависит не только от наличия профессиональных знаний, но и от добровольности или недобровольности риска, а также от его масштаба; в-четвертых, экспертам выгодна заниженная оценка рисков по причине их личной заинтересованности в развитии своей профессиональной деятельности. Реже исследователи описывают ситуации, когда оценки риска экспертами являются более высокими, нежели оценки риска населением. Одной из причин этому может служить добровольное принятие риска. Например, привычка курить является добровольной и курящий человек не считает курение риском, однако экспертные оценки курения как риска могут быть весьма высоки.

Для эмпирической проверки предположения о том, что социально-демографические факторы

значимы при создании рисков, мы провели исследование – анкетирование жителей г. Ярославля по формализованной анкете. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту. Анкета состояла из двух логических блоков. Вопросы первого блока характеризовали особенности восприятия населением рисков разной природы, в данных вопросах использовались порядковые шкалы. Второй блок измерял социально-демографическое положение респондентов: пол, возраст, образование, семейное положение, наличие детей, уровень дохода, занятость. Использовались номинальные и порядковые шкалы. Анализ полученных данных проводился с помощью средств описательной статистики, дисперсионного анализа, непараметрических тестов.

Дисперсионный анализ (ANOVA) и непараметрические тесты (тесты Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова) показали, что все исследуемые переменные в той или иной степени участвуют в формировании различий в восприятии рисков социально-демографическими группами. Отметим, что по переменным «возраст», «образование» и «уровень дохода» (в денежном выражении) различия наблюдаются чаще. Диапазон уровней значимости по переменной «возраст» по разным рискам составляет [0,001; 0,05], по переменной «образование» – [0,003; 0,048], по переменной «уровень дохода» (в денежном выражении) – [0,002; 0,048].

Третий уровень факторов, влияющих на создание рисков, – это социальные институты. Наиболее часто в научной литературе рассматривается влияние на конструирование рисков такого института, как средства массовой информации. Так, согласно положениям теории «установления повестки дня» М. Маккоумза и Д. Шоу, аудитория получает только ту информацию и, следовательно, сосредоточивается только на тех проблемах, которые описаны в СМИ, т. е. освещаемые проблемы воспринимаются аудиторией как самые важные. Исследователь этой концепции Е. Г. Дьяков отмечает, что «данный эффект основан не на сознательном анализе зрителем всего богатства данных..., а на механическом запоминании тем, которые чаще всего фигурируют в сообщениях этих СМИ» [7]. Соответственно, наиболее значимыми будут считаться те риски, информация о которых наиболее представлена в СМИ.

Ярким примером роли СМИ в конструировании рисков является целенаправленное создание общественной реакции на планируемое затопление в Атлантике нефтяной платформы Brent Spar компании Shell, инициированное международной

общественной организацией по защите природы Greenpeace в 1995 г. Используя средства массовой информации и организовав попытки захвата платформы группой активистов, Greenpeace вынудила Shell отказаться от своих планов [8]. Ответы Shell на развернутую информационную кампанию были недостаточны для возвращения ей положительного имиджа: «...по сравнению с 36-ю выпусками в течение 7-недельной кампании Greenpeace Shell ответил только 13-ю. Более того, Shell использовал при этом слишком сложный технический язык в теленовостях и откликнулся только спустя 16 дней» [9]. Этот пример раскрывает возможности СМИ при конструировании риска.

Другой аспект влияния социальных институтов на конструирование рисков раскрывается в теории институционализации П. Бергера и Т. Лукмана. Институционализация рассматривается ими как способ создания социальной реальности. Она с помощью социальных институтов закрепляет коллективные знания, нормы, ценности, за счет чего они передаются последующим поколениям и воспринимаются членами общества как их индивидуальные, а не общественные. П. Бергер и Т. Лукман замечают, что «институциональный мир тогда воспринимается в качестве объективной реальности. У него есть своя история, существовавшая до рождения индивида, которая недоступна его индивидуальной памяти. Он существовал до его рождения и будет существовать после его смерти. Сама эта история, как традиция существующих институтов, имеет характер объективности» [10]. Таким образом, социальные институты (семья, образовательные, религиозные, государственные, некоммерческие учреждения и т. д.) напрямую участвуют в создании рисков и значительно определяют этот процесс.

Макросреда – особенности развития экономической, политической и социокультурной сфер общества – представлена четвертым уровнем факторов. Представители культурной теории (М. Дуглас, А. Вилдавски, К. Дейк, М. Томпсон, М. Шварц и т. д.) считают, что риски обусловлены культурой, которая тесно связана с социальной структурой. М. Дуглас выделяет 4 типа культур, «генерирующих отличительные типы космологий (наиболее общих представлений о мире, природе, обществе и человеке)» [11]: иерархическую, индивидуалистическую, эгалитаристскую, фаталистическую. В зависимости от принадлежности общества к определенному культурному типу создаются риски. Например, в иерархической культуре наибольшее

беспокойство вызывают риски, которые угрожают существующему социальному порядку, а в индивидуалистической культуре – риски, которые угрожают автономности, независимости индивидов. Таким образом, М. Дуглас отмечает роль социальных факторов в изучении риска и говорит о необходимости рассмотрения риска в рамках определенного типа общества, т. е. в контексте культуры, социальных институтов, социальных связей, общественных ценностей и т. д.

В работах Н. Лумана раскрывается еще один фактор конструирования риска – это стабильность функционирования социальных систем. От степени стабильности развития общества зависят страхи перед опасностями, под которыми Н. Луман понимает исключительно риски, которые исходят от внешних сил (природные бедствия и пр.) и не могут быть проконтролированы субъектом. Высокая уверенность индивида в стабильной работе структур, призванных защищать общество от рисков, снижает страхи перед ними. Уверенность формируется в процессе социализации индивида, т. е. приобретения им знаний, навыков, представления о ценностях и образе жизни, характерных для общества в целом и социальной группы в частности.

Таким образом, конструирование риска обусловлено особенностями развития всего общества, социально-экономической, политической, культурной и духовной сфер, когда принятые нормы и ценности усваиваются индивидом в процессе социализации с помощью социальных институтов. Немаловажная роль принадлежит и положению индивида в социальном пространстве, его принадлежности к социально-демографическим группам. Необходимо отметить, что данные факторы взаимосвязаны и действуют в комплексе – особенности положения

социально-демографических групп обусловлены особенностями общественного развития.

Список использованной литературы

1. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–4.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 120–121.
3. Зубков В. И. Социологическая теория риска: монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 119–120.
4. Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. Why Study Risk Perception? // Risk Analysis. 1982. Vol. 2, № 2. P. 87.
5. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 41.
6. Елимова М. Ю., Мозговая А. В. Рискология и рисковая коммуникация: проблемы, методы, перспективы (по материалам зарубежных изданий) // Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. С. 83–84.
7. Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 150.
8. Bakir V. Greenpeace v. Shell: media exploitation and the Social Amplification of Risk Framework (SARF) // Journal of Risk Research. 2005. № 8 (7–8). С. 680.
9. Ibid.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 101.
11. Гаврилов К. А. Социологический подход к понятию риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 50.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'44

В статье прослеживается историческое развитие переводоведения, последовательное становление теории и практики художественного перевода, возникновение и утверждение лингвистического перевода для специальных целей.

Ключевые слова: информационно-коммуникативный; исток; лингвистический; литературоведческий; перевод; переводоведение; переводчик; практика; теория.

The article surveys the historical development of translatology, gradual formation of theory and practice of literary translation, commencement and establishment of linguistic translation for special purposes.

Key words: beginnings; charter; communication; information; linguistic; literary; translation; translatology; translator; practice; theory.

Л. Л. Нелюбин

Московский государственный областной университет

E-mail: nelyubin@mail.com

У истоков переводоведения

Научная статья

L. L. Nelyubin

Moscow State Regional University

E-mail: nelyubin@mail.com

At the Origin of Translatology

Scientific article

Исторический ракурс перевода является фундаментом, основополагающим направлением, на котором зиждется современная наука о переводе. Перевод как один из сложных видов речезыковой деятельности и древних видов речевой коммуникации представляет собой одну из самых древних профессий. Со времени возникновения разных языков общение между разноязычными народами не могло обходиться без переводчика. Сначала это были переводчики-любители, люди, владеющие двумя (билингвы) и более языкам (полиглоты), затем появились переводчики-профессионалы. Естественно, что вначале возник перевод устный, а с появлением письменности – и письменный перевод [1].

История перевода как профессии из известных нам источников восходит к шумерской цивилизации конца четвертого тысячелетия до н. э. и к ранним этапам существования египетской цивилизации, а именно к эпохе Древнего Царства и периода XXVIII в. до н. э. [2]. Уже в текстах Древнего Царства встречаются слово «с» – переводчик, словосочетания imj-rc – руководитель переводчиков и hrj-rc – начальник переводчиков.

© Нелюбин Л. Л., 2013

В шумерских и старовавилонских текстах 2300 г. до н. э. есть непосредственное упоминание о переводчиках «драгоманах». В конце третьего тысячелетия до н. э. отмечено существование в шумерской цивилизации специальной школы писцов, выпускники которой на экзаменах должны были уметь переводить письменно и устно с шумерского языка на аккадский и наоборот. Обращалось внимание на правильное произношение, знание наизусть терминологии и умение пользоваться словарями.

В эпоху фараонов существовал язык-посредник, на который переводились государственные бумаги. На нем велась переписка фараонов с вавилонскими, ассирийскими, хеттскими, митанийскими, сирийскими и палестинскими правителями. Таким языком в XIV в. до н. э. был аккадский язык, который начиная с VII в. до н. э. стал вытесняться арамейским, в течение многих веков выполнявшим затем роль международного языка [3]. Следует отметить, что международными языками в Древнем Междуречье попеременно были вавилонский, ассирийский, аккадский, арамейский, медийский. В период Нового Царства в Египте уже упоминаются школы писцов-переводчиков, владеющих несколькими языками.

История сохранила первые шумеро-аккадские словари, лексикографические и грамматические пособия, относящиеся к шумерской цивилизации 4000 лет до н. э. Такие лексикографические материалы прослеживаются у других народов вплоть до наших дней.

Вначале существовал перевод государственных текстов, актов административного управления. С появлением литературных произведений возник и литературоведческий перевод. Например, ассирийская повесть «Почтение Ахикара» VII–VI вв. до н. э. была написана на арамейском языке, а затем переведена на большое количество языков: древнегреческий, многие европейские языки в средние века, на восточные языки и древнерусский. На Руси она называлась «Повесть об Акире Премудром» [4]. Во времена Хеттского государства в XVIII–XIII вв. до н. э. выполнялись переводы дословные, подстрочные, вольные, переводы-пересказы, сокращенные изложения [5].

В V в. до н. э. упоминается перевод с листа и синхронный перевод. Впервые перевод с листа описывается во время Пелопонесской войны в последней трети V в. до н. э. Тогда в Иерусалим вернулись после изгнания израелиты, забывшие свой родной язык и говорившие по-арамейски. Писец Ездра на площади раскладывал перед израелитами священные книги, а левиты, помогая ему, читали вслух законы Бога, переводя с древнееврейского языка на арамейский с листа. В этот же период упоминается и синхронный или симультанный перевод: возвратившимся израелитам в синагогах читался тихо текст подлинника на древнееврейском, а громко – его перевод на арамейский.

История перевода показывает, что переводческое дело проходит через всю историю человечества через цивилизации Востока и Запада: переводческие памятники учёные находят и у финикийцев, и у карфагенян, и в иранской цивилизации у древних персов, и в древней Индии, и в Китае, и в Японии. История сохранила переводческие словари и памятники перевода не только лингвистического (информационно-коммуникативного, т. е. перевода актов управления, деловых, торговых, дипломатических и других документов), но и литературоведческого, т. е. перевода художественных произведений [6].

Перевод в Древней Греции и Древнем Риме имел свои особенности. Греки крайне неохотно изучали языки других народов, так как считали их варварами. Греки сами обладали величайшей литературой, художественной и научной, и на протя-

жении длительного времени перевод на греческий язык был развит крайне слабо, тем более что уже с конца IV в. до н. э. греческий язык был широко распространен во всем Древнем Мире, включая Древнюю Индию. Даже после завоевания Греции Римом греческий язык не был вытеснен латынью. Римские чиновники, воины, купцы пользовались греческим языком при общении с карфагенянами, египтянами, сирийцами, израильтянами и другими народами. Первые упоминания о толмачах не греческого происхождения встречаются у Геродота (484–425 гг. до н. э.); в художественной литературе в романе Флавия Филострата «Жизнь Апполония Тианского» и у Ксенофонта в книге «Анабасис». К услугам переводчиков прибегали греческие путешественники и историографы. Во время походов Александра Македонского в Центральную Азию в его армии были персидские, гирканские, согдийские и индийские переводчики.

Особенное распространение переводы на греческий язык получили в Египте, когда во времена династии Птоломеев Александрия превращается в культурный центр. В 265–243 гг. до н. э. был осуществлен при царе Птолемее II Филадельфе перевод Библии (Ветхого Завета) на греческий язык. Это было весьма значительным событием вплоть до начала нашей эры. По просьбе царя из Иерусалима были присланы 72 ученых-переводчика. Все переводчики были помещены в отдельные комнаты на о. Форосе и не общались между собой. По окончании переводов рукописи сличили между собой и они все оказались полностью эквивалентными, т. е. совпали слово в слово. Это считается уникальным и беспрецедентным в истории перевода. Первый перевод Библии называется Септуагинта, т. е. Семидесяти Толковников. Этот перевод стал литературным успехом, поскольку был свободен от буквализмов и воссоздавал особый строй семитической поэтики [7].

На греческий язык переводились также египетские литературные тексты с адаптацией и пересказом, записанные на папирусах. Переводчики в то время участвовали в делопроизводстве, переводили речи египтян для царей, царские реляции, распоряжения и послания. В классическую эпоху расцвела греческая лексикография: создавались словари трудных слов, устаревших и вышедших из употребления слов, а также диалектные и этимологические словари и словари синтаксической сочетаемости. Двужычные словари в Древней Греции отсутствовали.

Римская империя была двуязычной. Владеть греческим языком, даже когда Греция стала римской колонией, считалось первым требованием для всякого образованного римлянина. Свободно говорили по-гречески Марк Аврелий, Адриан, Клавдий, Нерон, император Август и другие выдающиеся римские деятели. В Риме с малых лет дети воспитывались рабынями-гречанками, в результате чего их первым языком был греческий. Латинским языком они овладевали в школе. В грамматических (средних) школах в Риме преподавали не только греческий язык, но и перевод с греческого языка. Пренебрежение к греческому языку началось при Кантоне I, когда в Сенате греческие послы стали прибегать к помощи переводчиков. Римская администрация пользовалась услугами переводчиков во взаимоотношениях с египтянами, сирийцами, скифами, германцами, кельтами.

В римских армиях переводчики играли большую роль во время войн. В армии Ксенофонта во время его похода к Черному морю их насчитывалось много. Во время Пунической, Галльской и Югуртинской войн переводчики были не только у римлян, но и у варваров. При помощи переводчика в 390 г. до н. э. галльский князь при нашествии галлов на Рим вызвал римлянина на поединок. Высокий авторитет переводчиков был и в Карфагене, особенно после раскрытия заговора. В армии Ганнибала во время Второй Пунической войны они использовались при переговорах с сагунтариями, с жителями Канн о капитуляции, на мирных переговорах с Сципионом (202 г. до н. э.). Во время Югуртинской войны переводчик присутствовал при секретных переговорах (106–105 г. до н. э.) [8].

Первым устным переводчиком, упоминаемым в истории Рима, был римский сенатор Гай Ацилий: в 155 г. до н. э. он выступил в Сенате устным переводчиком при приеме греческого посольства. Уже в IV в. н. э. сообщаются имена переводчиков, выполнявших дипломатические обязанности. Полиний сообщает о 130 таких переводчиках, которые работали в бассейне Черного моря, где население говорило на 300 родственных языках.

Греко-римская античность также оставила нам сведения о переводческой деятельности в области литературы, ибо литературоведческий перевод достиг в Риме особого расцвета. Здесь следует упомянуть имена Луция Андроника (275–200 гг. до н. э.) как первого переводчика и зачинателя большой римской литературы, родоначальника так называемого адаптационного перевода; Квинта

Энния (239–169 гг. до н. э.) и Публиция Теренция Аффа (190–159 гг. до н. э.) – драматургов и переводчиков.

Первым, кто затронул вопросы теоретических проблем перевода, был Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) – яркая фигура в политической и литературной жизни Рима, создатель норм латинского языка. Цицерон выступил против дословного перевода, считая его отражением языковой бедности и беспомощности переводчика. В своих теоретических основах художественного (литературоведческого) перевода он выдвинул положения о том, что перевод должен быть рассчитан на реципиента, сообразен с законами языка оригинала, отвечать эквивалентности перевода, соблюдать использование реалий языка оригинала, отвечать стилистике и языку подлинника, отражать его смысл [9].

В Древнем Мире существовали практически все известные нам ныне формы устного и письменного перевода [10]. Устный перевод применялся в основном в коммуникативно-информационном плане, а письменный перевод также в сфере художественной литературы, включая и произведения религиозного характера. Письменный перевод разграничивался на буквальный перевод, и даже поморфемный, перевод-адаптацию, перевод-пересказ, эквивалентный перевод. Однако во времена Римской государственности особый расцвет получил перевод художественной литературы, коммуникативные же виды (жанры) перевода отошли на второй план. Именно с этого времени перевод стал пониматься как особый род литературной деятельности. К этому периоду относится начало сравнительного анализа и критики перевода.

Рассматривая историю перевода в ретроспективе, следует отметить роль религий в эволюции и становлении теории и прагматики перевода. Распространение трех мировых религий – буддизма, христианства, ислама – сыграло большую роль в развитии переводческого дела. Перевод религиозной литературы оказывал воздействие на все стороны духовной жизни общества, а также на методику, технику и практику перевода.

Буддийское учение возникло в 563–483 гг. до н. э. Буддийская литература складывалась на протяжении многих веков и дошла до нас в переводах на разных восточных языках: санскрите, ведийском, тибетском, китайском и других языках, включая язык магадхи, на котором проповедовал Будда. Сам Будда настаивал на том, чтобы его учение излагалось его последователями на их родных языках.

Переводческое дело начало развиваться в Китае с проникновением туда буддизма. Роль переводчиков выполняли буддийские миссионеры. Одним из значительных переводчиков во время расцвета переводческой деятельности в Китае в V–VI вв. был индеец Кумараджина, приглашенный императором Яз Синь в 402 г. в Китай. Он блестяще владел китайской речью и знал наизусть много буддийских текстов. Кумараджина занимался редчайшим типом перевода – устным переводом по памяти; переведенные устно тексты писцы записывали на слух. При работе с имеющимися переводами буддийских текстов Кумараджина обнаружил много стилистических и семантических неточностей и искажений, не отражающих истинное содержание санскритских рукописей. Для редактирования ему были выделены 800 монахов. Перед смертью Кумараджина дал торжественную клятву, сказав, что если в его переводах не будет найдено ошибок, то после сожжения его тела его язык останется невредимым. По преданию, когда он умер в 409 г., так и произошло [11]. Перевод буддийской литературы в Китае, естественно, привлек внимание и к переводу медицинских книг, литературы по астрономии и других книг нерелигиозного характера. Через Китай буддизм проникал во Вьетнам и Японию, из Индии – в Бирму, Таиланд, Камбоджу, Индонезию, Центральную и Среднюю Азию. Проникновение буддизма сопровождалось и переводческой деятельностью.

Христианство охватило большое количество народов и земель, и везде, куда оно проникало, возникала потребность в переводе религиозных книг. Священной книгой всех христиан является Библия. Она состоит из Ветхого Завета и Нового Завета. Ветхий Завет явился результатом собрания различных религиозных произведений на протяжении 10 веков – с XII в. до н. э. по II в. до н. э. Он был написан на древнееврейском языке. Все книги Нового Завета были созданы во второй половине I – начале II в. н. э. Некоторые из них были написаны по-арамейски, другие по-гречески.

Первый перевод Ветхого Завета был осуществлен на греческий язык в III в. до н. э. в Египте во времена царя Птолемея II Филадельфа. В последующем предпринимались попытки индивидуальных переводов Библии, но они уже не имели такой репутации как первый. Перевод всего Ветхого Завета был закончен к концу II в. до н. э., но переводы Библии на греческий язык предпринимались и позже [12].

Первый перевод Библии на латинский язык был осуществлен неизвестным переводчиком в начале II в. н. э. с греческого текста. Классическим переводом Библии на латинский язык считается перевод, сделанный Иеронимом Стридонским (340–420 гг.) [13]. Этот перевод долгие годы в римско-католической церкви считался каноническим. В 1546 г. на Тридентском соборе этот перевод был признан официальным и обязательным переводом католической церкви, хотя он к этому времени подвергался уточнениям, поправкам и изменениям. Переводы Библии на латынь продолжались и в Новое время. Библия переводилась и на другие языки: сирийский, эфиопский, финикийно-пунийский, арамейский и др. Особо следует отметить перевод Библии на готский язык. Он был сделан в IV в. Ульфиллой (Вульфиллой) с греческого языка. Этот перевод послужил основой для воссоздания грамматики готского языка, одного из древнейших германских языков.

В эпоху Средневековья переводы в основном делались из области церковной литературы. С возникновением наций и национальных языков переводы Библии и религиозной литературы осуществлялись на все европейские языки. В эпоху Возрождения переводятся литературные произведения на национальные языки с латинского, греческого и даже арабского. В 1130 г. в Толедо (Испания) была основана школа переводчиков с арабского языка. Это было тем знаменательно, что она была единственной известной школой с официальным статусом, ибо все остальные были до этого не школами, а группами ученых-переводчиков.

В истории перевода вплоть до середины XX в. литературоведческий перевод, т. е. перевод художественной литературы, занимал главенствующее место, а информационно-коммуникативный перевод не считался собственно каким-то умением [14].

Существует мнение, что на Руси литература и письменность появились одновременно уже в развитых формах вместе с появлением христианства, со времен Кирилла и Мефодия. Но это совсем не так, ибо в языческой, дохристианской, Руси использовалась клинопись, что говорит о связях с шумерской цивилизацией, а в I–VI вв. н. э. у славяно-славянского народа, предков славян-новгородцев, существовал свой алфавит.

В первые годы христианства на Руси переводились библейские и богослужебные книги, хотя, естественно, информационно-коммуникативный перевод существовал и прежде. Вплоть до конца

XVI в. практически все переводы на Руси выполнялись на церковнославянский язык. Это объясняется языковой ситуацией, когда языковая письменность, за исключением деловой, была церковнославянской и создавалась искусственно как язык перевода. На этом языке писали, но никогда не говорили, за исключением церковной службы. Деловая переписка и устные переговоры, т. е. информационно-коммуникативный перевод, осуществлялись на русский язык [15]. Во времена татарско-монгольского ига переводчики, естественно, переводили ордынские указы на русский язык.

Первая полная Библия на Руси появилась в XV в. Центром переводческой деятельности был Новгород. При архиепископе Геннадии в 1499 г. был завершен перевод новой Библии на церковнославянский язык. Новой ее назвать можно лишь условно, так как она включала значительную часть хотя и отредактированных, но старых переводов. Геннадиев свод был признан московской православной церковью каноническим, и в течение последующих двухсот лет эта Библия служила основой для всех новых изданий. Первый перевод Библии на русский язык с греческого был осуществлен лишь в середине XIX в. [16].

Выше уже отмечалось, что вплоть до середины прошлого века перевод считался литературоведческой наукой. На протяжении эпохи Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени возникали различные направления, суждения, положения о том, каким должен быть переведенный художественный текст, что является основным и важным в переводе. Все существующие до сих пор мнения сходятся на том, что для верного воспроизведения образа в художественном переводе на другом языке следует отказаться от буквализма. Необходим творческий, но не произвольный подход к оригиналу, который сохранил бы созданный автором образ во всей его индивидуальности. Переводчик должен стремиться к тому, чтобы его перевод рождал у читателя те же чувства и эмоции, какие возникают при прочтении художественного произведения у читателя оригинала. Одно и то же содержание, воплощенное в образе, можно выразить различными способами. Главное, чтобы в переводе были использованы языковые средства, равноценные средствам оригинала. Трудности у переводчика возникают потому, что образность уходит своими корнями в социально-культурную почву, на которой создается текст; различные социально-культурные факторы рожают у людей разные образы, ибо в каждой культурной

среде люди по-своему преломляют окружающую действительность [17].

Возвращаясь в исторический ракурс переводоведения, отметим, что уже с первых десятилетий XX в. наблюдается возрастание интереса к переводу [18]. Знание перевода и работа переводчика становится почетной. Начинают возникать школы и теории лингвистического перевода. С образованием Лиги Наций после Первой мировой войны создается Женевская школа переводчиков. Именно она заложила основу методики системы записей в последовательном переводе. Она позволила переводчику после получасового устного выступления оратора воспроизвести в течение 30 минут текст на другом языке. Это уже был информационно-коммуникативный последовательный перевод.

После Второй мировой войны наступил новый взлет переводческой деятельности, особенно начиная с пятидесятых годов прошлого века. В 1953 г. была создана Международная федерация переводчиков, на конгрессе которой в сентябре 1961 г. была принята Хартия переводчика, содержащая следующие основные положения:

- всякий перевод должен быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала; соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика; верный перевод, однако, не следует смешивать с переводом буквальным, поскольку верность не исключает необходимых изменений, имеющих целью дать почувствовать на другом языке, в другой стране форму, атмосферу и внутренний смысл произведения;
- переводчик должен хорошо знать язык, с которого переводит, и, что еще важнее, в совершенстве владеть языком, на который переводит;
- он должен, кроме того, быть широко образован, достаточно хорошо знать предмет, о котором идет речь, и воздерживаться от работы в незнакомой области.

Для XX столетия характерен количественный рост переводных текстов, для второй половины века – специализация отдельных жанров перевода и возникновение новых его разновидностей [19]. Все более важную роль стал играть научный, технический и экономический перевод. С появлением компьютера были созданы системы машинного перевода, а затем с появлением персональных компьютеров – системы перевода с помощью машины.

Все это оказало огромное влияние на развитие переводческой мысли. И в 1950–1960 гг. переводоведение как особая дисциплина, обладающая соб-

ственным предметом изучения, своей структурой и методами, получает официальное признание.

Список использованной литературы

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с.
2. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). 2-е изд. М.: Флинта, 2008. 416 с.
3. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода. 3-е изд. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 144 с.
4. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России. 3-е изд. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
5. Копанев П. И. Вопросы теории и истории художественного перевода. Минск: БГУ, 1972. 244 с.
6. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода.
7. Kelly L. G. The True Interpreter. A History of Translation Theory and Practice in the West. Oxford: Basic Blackwell, 1979. 282 p.
8. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода.
9. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России.
10. Там же.
11. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе.
12. Kelly L. G. The True Interpreter. A History of Translation Theory and Practice in the West.
13. Ibid.
14. Гарбовский Н. К. Указ. соч.
15. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России.
16. Там же.
17. Гарбовский Н. К. Указ. соч.
18. Копанев П. И. Указ. соч.
19. Там же.

УДК 81

В статье изложены результаты лингвистического эксперимента, демонстрирующие тенденции употребления языка мужчинами и женщинами в письменной речи, а также предложена методика лингвистического опроса, имеющего целью определить, какие языковые средства отражены в сознании носителей языка как гендерно маркированные, и выявить гендерный стереотип восприятия письменной речи и влияние на него такого социального фактора, как специализация, представлены результаты анализа данных, полученных в ходе проведения опроса.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гендер; письменная речь; стереотип; лингвистический опрос; эксперимент; язык; речь; языковое сознание.

The paper presents the results of linguistic experiment demonstrating the tendency of language usage by men and women in writings. Is suggested a technique of linguistic survey designed to determine what language features are reflected in the mind of native speakers as gender-marked, and to reveal a gender stereotype perception of writing and the influence on it of such social factors as specialization. Are presented results of data analysis obtained during the survey.

К e y w o r d s : gender; writing; stereotype; linguistic survey; experimentation; language; speech; language awareness.

А. В. Плюснина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: mandrukevi4@gmail.com

Гендерные особенности письменной речи и ее восприятие с учетом фактора специализации

Научная статья

A. V. Plyusnina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: mandrukevi4@gmail.com

Gender Features of Written Language and its Perception with Specialization Factor in Mind

Scientific article

Цель исследования – охарактеризовать письменный стиль мужчин и женщин, определить, какие языковые средства отражены в сознании носителей языка как гендерно маркированные, и выявить гендерный стереотип восприятия письменной речи. В задачи настоящей статьи входит: раскрыть методику лингвистического опроса, проведенного с целью выявить представления о письменном стиле противоположного пола и выделить гендерно значимые для реципиентов параметры. С данной целью был проведен лингвистический эксперимент и опрос.

Есть основания считать, что в сознании носителей языка присутствуют представления о «мужском» и «женском» стилях письма, в соответствии с которыми реципиент воспринимает текст тем или иным образом. В рамках лингвистического эксперимента информантам (учащимся Ярославского высшего зенитно-ракетного института ПВО, 33 респондента мужского и 30 респондентов женского пола) было предложено написать текст-эссе

© Плюснина А. В., 2013

в свободной форме по представленной картине Ю. И. Пименова «Лирическое новоселье». Полученные тексты подверглись процедуре количественного и качественного анализа и стали материалом для проведения лингвистического опроса.

Анализ текстов, полученных в результате эксперимента, выявил следующие особенности письменного стиля информантов мужского и женского пола. Для письменной речи мужчин характерно:

- средний объем текста – 102 слова, 8,5 предложений;
- синтаксис средней сложности – на 8,5 предложений приходится 4,2 сложных предложения;
- частое использование фразеологизмов, причем разговорного стиля речи (на радостях, начинать все с нуля, идти полным ходом, работы непочатый край и т. д.);
- использование диминутивов (кисточка, баночка, ремонтик, книжки, газетки, парочка, перерывчик), что свидетельствует о стремлении придать письменной речи оттенок разговорности;

- частое употребление эпитетов, метафор и слов в переносном значении, речь имеет значительную степень выразительности;

- использование интенсификаторов (очень, безумно и пр.), что тесно взаимосвязано с экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью;

- использование оценочной лексики преимущественно с положительным значением;

- вводные слова меньшей степени уверенности (возможно, может, видимо, по-видимому, наверно), а также указывающие на источник сообщения (по моему, на мой взгляд, по моему мнению);

- использование риторических вопросов и восклицаний;

- частотное использование графических символов.

Также было замечено:

- частое употребление перифрастических оборотов (вечернее время, любящие сердца, принадлежит к классу интеллигенции, с творческими наклонностями, чувство любви);

- употребление канцеляризмов, штампов и шаблонных оборотов речи;

- общая неровность стиля, сочетание книжных и разговорных стилистических черт. Так, в одном тексте разговорные фразеологизмы могут употребляться рядом с книжно-поэтическими оборотами речи, разговорная лексика, а также лексика с возвышенной окраской – с неуместно употребленными канцеляризмами и штампами.

Многие из вышеперечисленных характеристик говорят о стремлении мужчин-курсантов придать письменной речи характер живой непринужденной беседы, что не характерно для курсантов-девушек, их письменный стиль соответствует классическим чертам письменной речи, таким как преобладание нейтральной и книжной лексики, наличие сложных предлогов, страдательных конструкций, стремление к соблюдению языковых норм, отсутствие внеязыковых элементов, полнота, завершенность высказываний (для мужчин более характерно использование эллиптированных конструкций). Женская речь, по полученным данным, практически не отличается от мужской по степени использования интенсификаторов и оценочной лексики с положительным значением, а также по употреблению вводных слов.

Средний объем женского текста – 134 слова, 9,9 предложений (то есть средний мужской текст оказался короче). Синтаксис мужской и женской письменной речи незначительно отличается по сложности: на 9,9 предложений – 5,8 сложных

предложений, притом что у мужчин на 8,5 предложений приходится 4,2 сложных предложения. При этом, как показал анализ синтаксических конструкций, для женщин характерно более частотное употребление подчинительной, а не сочинительной связи в плане синтаксической структуры.

На коммуникативно-прагматическом уровне и женщины, и мужчины в равной степени прибегают к объективной аргументации своей позиции, однако для женщин также характерно ассоциирование происходящего на картине со своим жизненным опытом, додумывание и фантазирование. В тематическом плане женщины меньше внимания уделяют изображенному на картине ремонту и бытовой обстановке, делая акцент на молодой паре, их чувствах и эмоциях. Мужчины видят больше бытовых деталей, обращая внимание на тему обустройства квартиры.

Формирование гендерного стереотипа может проходить под воздействием социальных факторов (возраста, образования, специальности) [1]. В рамках нашего исследования мы выделяем две социальные группы на основе фактора специальности – гуманитарное направление (учащиеся Ярославского педагогического университета им. К. Д. Ушинского, специальность – филологическое образование, филология, реклама и пиар), военнотехническое направление (учащиеся Ярославского зенитно-ракетного института ПВО, специальность – радиоэлектронные системы, вычислительные машины, комплексы, системы и сети). В опросе приняли участие 132 человека, из них 50 респондентов – гуманитарии женского пола, 42 респондента – курсанты мужского пола, 40 респондентов – курсанты женского пола. Возрастной и образовательный факторы – одинаковые (возраст от 18 до 24 лет, учащиеся). Инструментом опроса стала анкета, которая состоит из вопросов, выявляющих гендерный стереотип восприятия письменной речи. В трех таблицах, отражающих ответы трех групп респондентов, представлены результаты лингвистического опроса.

Остальные параметры обладают, по оценке респондентов, **низкой степенью использования** и, следовательно, отнесены нами к гендерно нейтральным в представлении наивных носителей языка.

Выбор параметров всеми респондентами совпал с теми стереотипными характеристиками мужской и женской речи, которые отмечаются в науке (кроме синтаксических особенностей и характера аргументации).

Результаты опроса. Респонденты–женщины (гуманитарии)

<i>Параметр</i>	<i>Степень использования, %</i>	<i>Характеристика степени использования</i>
Речь мужчин		
1. Частое использование глаголов	70	Высокая
2. Акцентирование собственного «Я», своей точки зрения (категоричность высказываний)	60	Средняя
3. Отсутствие аргументации	62	
4. Объективная аргументация	68	
5. Использование «периферии» лексического состава языка	54	
6. Простой синтаксис, имитирующий устную речь	46	
Речь женщин		
1. Использование диминутивов	86	Высокая
2. Частое использование прилагательных	80	
3. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния	70	
4. Использование восклицательных предложений	66	Средняя
5. Использование риторических вопросов	66	
6. Выразительность речи (использование тропов)	64	
7. Частое использование абстрактных существительных	56	
8. Использование эвфемизмов	50	

Таблица 2

Результаты опроса. Респонденты–мужчины (курсанты)

<i>Параметр</i>	<i>Степень использования, %</i>	<i>Характеристика степени использования</i>
Речь мужчин		
1. Объективная аргументация	57	Средняя
Речь женщин		
1. Использование диминутивов	76	Высокая
2. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния.	67	Средняя
3. Использование слов с повышенной стилистической окраской	55	
4. Выразительность речи (использование тропов)	55	
5. Частое использование прилагательных	50	

Если сравнить результаты анкетирования женщин-гуманитариев и женщин с военно-технической специализацией, то можно заметить, что речь в оценке последних более гендерно стереотипизирована, то есть девушки-курсанты отмечают больше гендерно значимых параметров и в большем процентном соотношении, причем наибольшее число параметров ими отнесено к женской

речи, практически все женские характеристики письменной речи у респондентов-женщин совпадают. Однако в отличие от респондентов женского пола, принадлежащих военной среде, штатские девушки отметили такую характеристику мужской речи, как категоричность высказываний, акцентирование собственной позиции, объективность или отсутствие аргументации. Это говорит о том, что

Результаты опроса. Респонденты – женщины (курсанты)

Параметр	Степень использования, %	Характеристика степени использования
Речь мужчин		
1. Использование периферии лексического состава языка	83	Высокая
2. Меньший объем текста	83	
3. Частотность использования глаголов	67	Средняя
4. Простой синтаксис, имитирующий устную речь	67	
5. Субъективная аргументация	50	
Речь женщин		
1. Использование оценочной лексики с положительным значением	75	Высокая
2. Использование интенсификаторов		
3. Использование эвфемизмов	92	
4. Выразительность речи (использование тропов)		
5. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния, эмоциональность речи	100	
6. Высокая степень разнообразия пунктуации	75	
7. Использование восклицательных предложений		
8. Использование риторических вопросов		
9. Использование деминутивов	92	
10. Использование слов с повышенной стилистической окраской	58	
11. Частотность использования прилагательных	67	
12. Сложный, запутанный синтаксис	58	
13. Использование коммуникативных пристроек		

они воспринимают представителей противоположного пола как более сильных, доминирующих, демонстрирующих свою власть. Данная особенность не характерна для девушек-курсантов и, на наш взгляд, продиктована именно социальным фактором (военные-штатские). Письменная речь в оценке мужчин менее стереотипизирована, отмечено меньше параметров, в основном все они со средней степенью использования.

Таким образом, результаты лингвистического опроса показали, что женщины в большей степени склонны видеть гендерные различия в письменной речи, чем мужчины, то есть их коммуникативное сознание более гендерно дифференцировано. Социальный фактор оказывает влияние на ген-

дерное восприятие письменной речи на коммуникативно-прагматическом уровне (характер самоподачи, степень категоричности высказываний, система аргументации автора текста). Продолжение лингвистического эксперимента (сбор текстового материала), в частности проведение его также и среди учащихся штатских вузов, уточнит степень влияния фактора специализации на письменный стиль в гендерном аспекте.

Список использованной литературы

1. Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 24 с.

УДК 82

В статье высказывается мысль о преодолении А. И. Герценом односторонности антропоцентризма. Анализируются примеры использования анималистических мотивов. Делается вывод, что данная тема непосредственно связана с концепцией человека в художественной прозе писателя.

Ключевые слова: анималистика; гуманизм; образ собаки; антропоцентризм; концепция человека.

The article gives an idea of A.I. Herten's overcoming one-sidedness of anthropocentrism in terms of teleology. It analyzes examples of animalistic motives usage. The conclusion is that this issue is directly related to the concept of personality in the writer's prose.

Key words: animalistic; humanism; image of a dog; anthropocentrism; concept of personality.

И. Ж. Сарсенова

Астраханский государственный университет

E-mail: 79_inna@mail.ru

Анималистические мотивы в художественной прозе А. И. Герцена

Научная статья

I. Z. Sarsenova

Astrakhan State University

E-mail: 79_inna@mail.ru

Animalistic Motives in the Prose of A. I. Herten

Scientific article

В 1840-х гг. авторитетным становится комплекс социально-философских идей, главнейшей из которых является «принцип антропоцентризма», активно утверждаемый последователями Л. Фейербаха: человек принимается за единственную «точку отсчета» в решении любых проблем, и всё в мире получает какое-либо значение лишь по отношению к нему, в связи с ним. В новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой указывается, что антропоцентризм – «воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания» [1].

Ряд исследователей говорят об утверждении данного принципа в творчестве А. И. Герцена. Так, В. В. Зеньковский отмечает, что основные философские искания писателя «антропоцентричны» и в этом смысле А. И. Герцен «близок к огромному большинству русских мыслителей» [2]. Г. Г. Шпет называет характер мировоззрения писателя «антропопатетическим» [3]. М. О. Шепель обращает внимание, что, например, в «Записках одного молодого человека» заложены основания «антропоцентричности философии» А. И. Герцена – «ключевой особенности его взглядов» [4]. Вместе с тем в произведениях писателя заметно осознание ограниченности указанной модели мироздания, стремление

преодолеть односторонность антропоцентризма и, как следствие, использование анималистических мотивов. М. Н. Эпштейн пишет: «Гуманизм, в зрелом своем проявлении, не ограничивается превознесением человека – он распространяется и на внечеловеческий мир...» [5].

Образы животных в литературе – это «своего рода зеркало гуманистического самосознания»; «самая наглядная для человека форма инобытия духа, ... которая так или иначе определяет его место в иерархии мироздания»; «большая совесть человечества» [5, с. 87–88]. В данной статье мы сосредоточим внимание на образе собаки в прозе А. И. Герцена, поскольку больше всего писатель уделяет внимание именно этому животному.

В «Долге прежде всего» присутствует тема «метаморфозы»: деградирует дворник Ефимка, который каждую ночь «осматривает двор с пытливым любопытством собаки», несмотря на то что две настоящие собаки охраняют дом [6, с. 309]. Персонаж становится «кротким, тихим зверем» – происходит «зооморфизация» его образа, усиливающаяся указанием на то, что Ефимка спит «в товариществе дворной собаки» [6, с. 309–310]. В литературе большинство трансформаций подобного рода связано с собакой, «по традиции «низким», презираемым

животным, символизирующим крайнюю отверженность человека от себе подобных»; за образом собаки «стоит трагическая утрата человеческого лица» [5, с. 102], что очевидно на примере дворника Столыгина.

На страницах герценовской прозы нередко встречаем собак, о которых говорится иронично, например болонок – «кривую... губернаторскую», обладательницу одного из трёх выразительных глаз в Малинове [6, с. 239]; в разговоре о болонском камне [6, с. 226]; питомца Марьи Степановны [6, с. 133]; также легавую собаку, принадлежащую Софье Алексеевне [6, с. 103]. Насмешливо говорится о большой «любви» некоторых персонажей к домашним животным: генерала Хрящова, который «с величайшим человеколюбием» обходится со своей легавой собакой [6, с. 112]; Алексея Абрамовича – к козе, которая заменяет кормилицу новорожденной Любе и которую он «очень любит», «даёт ей собственноручно черный хлеб, ласкает её» [6, с. 15].

М. Н. Эпштейн убеждён, что отношением человека к животным измеряется его «человечность» или отсутствие таковой [5, с. 96]. Миша Негров «дразнит собаку, она лает», а его отец «велит ее выгнать» [6, с. 49]. В «Долге», когда Михайло Степанович впервые идёт по Липовке, одна собака, «смелая и даже рассерженная процессией, выбегает с лаем на дорогу», но Тит и староста бросаются на нее «с таким остервенением», что она, поджавши хвост, убегает и успокаивается, «только забившись под крышу последнего овина» [6, с. 340]. Примечательно, что сей представитель рода Столыгиных не выносит «присутствия чего бы то ни было свободного»; он даже свою собачонку «до того портит, что она ходит при нем повеся хвост и опустя голову, как чумная» [6, с. 348]. В приведённых примерах собака выступает как жертва, в отношении которой «предельно напрягается нравственное самосознание человека» [5, с. 120].

Уместно вспомнить, что мотив сострадания к животному едва ли не впервые вводит в поэзию Н. А. Некрасов: «жалость к "скотинушке"» становится для него «мерилом нравственного чувства» [5, с. 94]. У положительных героев совсем иные взаимоотношения с братьями меньшими. Собака Столыгина, «плебейского происхождения, черной с белыми пятнами, длинною жесткою шерстью и изгрызенным ухом, которого сторонки она приподнимает врозь, чтоб сгонять мух» [6, с. 310], при появлении Марьи Валерьяновны «бросается со

всеми собачьими изъявлениями радости», с «лаской» к хозяйке, причем приятель Ефимки с раздвоенным ухом «счастлив» от встречи [6, с. 311].

Из «Былого и дум» узнаём, что в доме Яковлевых жили собаки: Макбет, ньюфаундлендской породы, и легавая Берта [7, с. 43–44]. Единственный «товарищ» и «подруга» детства главного героя «Записок одного молодого человека» – полушарлота Берта, с которой мальчик проводит много времени: общение с ней доставляет ему огромную радость [6, с. 206]. В «Кто виноват?» Жозеф при встрече с Владимиром за границей спрашивает, жива ли его «ньюфаундлендская собака» [6, с. 155].

В «Елене», говоря о семействе Ивана Сергеевича, автор упоминает, в частности, огромного датского пса, Плутуса, «за которой он ходит, как за сыном» [8, с. 140] (примечательно, что в «Записках» виновником порчи тетради повествователя становится черный quasi-датский щенок с такой же кличкой [6, с. 221]). Добрым делом называет повествователь «благодетельные пощения» героя о Плутусе [8, с. 142]: хозяин очень трепетно относится к «брату меньшему» [8, с. 145, 160]. Собака отвечает взаимностью Ивану Сергеевичу: ласкается; пёс – постоянный «товарищ» прогулок хозяина [8, с. 144] или ожидает его с редких одиноких прогулок на лестнице [8, с. 141]. С появлением в доме малютки, Плутус, «будучи не человеком,... напротив, живёт с ним по-братски» [8, с. 143]. Огромная собака «непрерывно является играть» с ребёнком; Анатолий часто засыпает, прижавшись к Плутусу, и тогда пёс никому не позволяет до него дотрагиваться [8, с. 143–144]. Примечательно, что Иван Сергеевич, когда нянчится с малышом, «далеко уступает в ловкости Плутусу» [8, с. 144]. Тильков способен ощущать человеческое в животном, а в «Елене» звучит «мотив *братства* человека и животных, включенных в круг общего бытия и сопереживающих радости и горести друг друга» [5, с. 106]; это – родство равных живых существ, согреваемых теплом одного очага.

Выражаясь словами М. Н. Эпштейна, в «Докторе Крупове» в сострадании к животным «преодолевается не только индивидуальный, но и коллективный, родовой человеческий эгоизм» [5, с. 96]. «Юродивый» Лёвка дружит только с Сенькой и со своей собачонкой Шариком, которую «приобретает неотъемлемым правом», поскольку спас ей жизнь: с тех пор они не разлучаются [6, с. 280]; о Шарике упоминается неоднократно [6, с. 282, 286]. Кроме женщин, «одни собаки обходятся... по-человечески» с

мальчиком; они, «издали завидя его, виляют хвостом и бегут к нему навстречу, прыгают на шею, лижут в лицо и ласкаются до того, что Лёвка, тронутый до слез, садится середь дороги и целые часы занимает из благодарности своих приятелей...» [6, с. 281]. Мальчик убеждён, что животные любят тех людей, «кто по нраву придется» [6, с. 282].

Вспомним, что Лёвка «вживается в природу, ...понимает ее красоты по-своему» [6, с. 284]. В образе героя находят воплощение черты христианской личности. Его отношение к животным, детски чистое и совершенно бескорыстное, напоминает о той истинной любви, гимн которой был сложен первым богословом Церкви апостолом Павлом: любовь «милосердствует», «не превозносится» [9, 1 Кор. 13: 4–7].

А. И. Герцен высоко ценит преданность и верность собаки – этим объясняется анималистическое предпочтение писателя. В его произведениях звучит мотив безусловной преданности животных героям, которые могут в любой ситуации положиться на братьев меньших. Лёвка, например, выражает благодарность собакам и своё восхищение за их абсолютную бескорытность. Собака в герценовском изображении обнаруживает более человеческие черты, чем некоторые персонажи. «Звериное – в человеке, человеческое – в животном: такая перестановка свидетельствует о том, что нравственно-душевные качества существа не связаны жестко с его биологической, видовой природой, но сугубо индивидуальны» [5, с. 96]. В животных, стоящих ниже любого социального дна, человеческое (страдающее) может быть выражено полнее и глубже, чем в человеке, а проявление ничтожности людей не ограничивается обществом и распространяется в глубь природы.

А. И. Герцен пересматривает традиционные представления о человеке и его месте в природе: односторонность антропоцентризма определяет значение звериных мотивов и качественное их обновление. Общий смысл анимализма в герценовской прозе – осознание равноправной роли животных (которые порой приобретают человечес-

кие черты, как Плутус) и человека (проявляющего нередко звериное, как Михаил Столыгин). Отношение к животным – мерило гуманности, критерий душевной красоты или убожества человека. В картине мира писателя «человеческое» осмысливается как часть общей системы ценностей, включающей всё живое. Тема дружбы собаки и ребёнка имеет глубокий смысл: мир животных – божьих созданий, как и мир детей, характеризуется внутренней чистотой, естественностью, искренностью чувств. Союз малютки Анатоля, юного героя «Записок», Лёвки и собак свидетельствуют о факте сакрализации писателем детства.

Ценность анималистических мотивов в художественной прозе писателя неоспорима. Мир животных – мир самопознания человека. Основное аксиологическое положение герценовской анималистики – неразрывная связь философии природы с учением о человеке и с метафизикой бытия.

Список использованной литературы

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А–О. М.: Русский язык, 2000. С. 37.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 266.
3. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. М.: РОССПЭН, 2009. С. 230.
4. Шепель М. О. Историческая философия А. И. Герцена: у истоков критики парадигмы истории XIX столетия: дисс. ... канд. истор. наук. Томск, 2009. С. 43.
5. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 95–96.
6. Герцен А. И. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. 464 с.
7. Герцен А. И. Собрание соч.: в 30 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 518 с.
8. Герцен А. И. Собрание соч.: в 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 575 с.
9. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1983. 1372 с.

В данной статье рассматривается современный розыскной деловой текст. На основе криминалистических ориентировок осуществляется классификация материалов, составленных на «пропавших без вести».

Ключевые слова: розыскной деловой документ; ориентировки.

This article is dedicated to modern official inquest texts. The classification of texts underlies the police information on missing people, classification of these documents has been made.

Key words: police search document; orientations.

К. Р. Ваганова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

E-mail: vaganova1988@mail.ru

К вопросу о лингвистической классификации современных розыскных деловых текстов: ориентировки на «пропавших без вести»*

Научная статья

К. R. Vaganova

F. M. Dostoevskiy Omsk State University

E-mail: vaganova1988@mail.ru

On the Issue of Linguistic Classification of Modern Official Inquest Papers: Orientations to the Missing

Scientific article

Становление и функционирование розыскного делового документооборота в России происходило постепенно. Стереотип воспроизведения полученной поисковой информации и аккумуляция её в качестве розыскных текстов каждый раз осуществлялись в рамках заданной методики портретирования описываемого человека. Отклонение от лингвистических норм моделирования документа не предполагалось.

Современный розыскной процесс зиждется на трёх оперативно-розыскных «столпах»: на организационном обеспечении; познавательном и деятельном аспектах; правовом и нравственно-психологическом характере отношений [1]. Совокупность данных положений предполагает качественно иную розыскную «реальность», когда чётко будут определён/-ы объект/-ы поиска, а также вербально/невербально прописаны цели и задачи той или иной розыскной ситуации. Каждый из предложенных принципов интенсификации всей сис-

темы оперативно-розыскной деятельности должен быть чётко и строго организован. Нарушение или невыполнение одного из них приводило к тому, что розыскной документ оказывался составлен некорректно, как следствие – «замедление» розыскного коммуникативного процесса.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты ориентировок, размещённые на официальном сайте Управления внутренних дел по Омской области, в рубрике «**Пропавшие без вести**»¹. Проанализированные электронные версии розыскных ситуаций в целом характеризуются вариативностью и диффузностью представляемого поискового материала. В этом случае фиксируются розыскные ситуации, при которых должен быть осуществлён официальный поиск человека. Общее число подобных опубликованных объявлений достигает отметки более пятидесяти, разграничения по возрастному и половому признаку не

¹ URL: <http://55.mvd.ru>.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ, № 12-14-55001 и № 12-04-00219.

предусмотрено². Системно-структурный анализ позволил нам выделить три способа оформления поискового материала:

1. «**Ориентировка-классификация**» (23 ориентировки). Данный тип описания внешности человека и всей розыскной ситуации предполагает строгую локализацию дифференциальных признаков в текстовом пространстве правового источника. Лингвистическое наполнение получают следующие характеристики: «ФИО», «причина розыска», «фабула», «приметы» («его/её приметы»), «была одет/-а» («одет/-а»), «инициатор розыска», «куда обращаться». Для их визуализации составителем ориентировки используется жирный шрифт:

Причина розыска: пропал без вести

Фабула: 20.04.2012 г. уехал в Большереченский район и до настоящего времени местонахождение его неизвестно.

Приметы: на вид 65 лет, худощавого телосложения, рост 170 см, волосы короткие, темные? седые.

Был/-а одет/-а: куртка черная болоневая, джинсы темно-синие, кроссовки черные.

Инициатор розыска: МО МВД России «Большереченский»

Куда обращаться: УУР УМВД России по Омской области, тел. 79-35-49, 02.

2. «**Ориентировка-ответ**» (10 ориентировок). Это второй способ оформления розыскных ситуаций. Категории описания человека не выделены в отдельные рубрики, за исключением параметра «приметы». Перед нами предстаёт сплошной текст, разделённый на несколько абзацев:

Белых Данил Николаевич, 29.09.1995 г.р.

02.05.2012 года ушел из дома в с. Большая Кузьминка Липецкого района и до настоящего времени его местонахождение неизвестно.

Приметы: рост 110–120 см, худощавого телосложения, волосы светлые, короткие, на лице много веснушек.

Если Вам известно о местонахождении Белых Данилы Николаевича, просьба обращаться в УУР УМВД России по Омской области, т. 79-34-32, 79-33-32, д.ч. 30-46-46 или 02.

3. «**Ориентировка-минус**» (2 ориентировки). Особенность последнего типа оформления поискового материала заключается в лаконичности представляемой информации и в отсутствии словесного портрета разыскиваемого человека. Подобные тек-

сты предполагают единичный характер рефлексии, поскольку в некоторой степени это входит в противоречие с коммуникативно-прагматическим потенциалом розыскного делового документа. Функции языковой параметризации искомого объекта оказываются реализованы в знаковой системе ориентировки, в данном случае – в фотографии человека:

Сотрудниками УВД по Омской области разыскивается Иванов Андрей Алексеевич, 1961 г.р., который 8 октября 2010 года ушел из дома и до настоящего времени не вернулся.

Если Вам известно о местонахождении мужчины, сообщите в полицию по телефонам: 79-37-30, 79-35-49, 02.

Каждый из поисковых параметров, эксплицированных в тексте ориентировок, на наш взгляд, напрямую иллюстрирует явление коммуникативного сжатия всего допроса следователя. Как следствие – довольно лаконичные характеристики о разыскиваемом субъекте. С лингвистической точки зрения наиболее интересной оказывается категория «приметы», поскольку успешность поисковой ситуации зависит не только от верно спланированных и организованных оперативно-розыскных мероприятий, но также и от грамотно составленного словесного портрета.

Обязательными описываемыми характеристиками внешности разыскиваемого человека, пропавшего без вести, оказались следующие параметры: 1) 'возраст' (на вид 14–15 лет, около 30 лет, 43 года, на вид около 18 лет); 2) 'рост' (рост 150–155 см, рост 132 см, рост 177, рост 180 см); 3) 'особенности телосложения' (среднего телосложения, худощавого телосложения); 4) 'цвет и длина волос' (волос седой, короткий; волосы русые, стрижка короткая; волосы светлые; волосы короткие, русые с проседью; волосы темно-русые; волосы темные, до плеч); 5) 'форма лица' (лицо овальное, лицо круглое, лицо кругловатое, лицо прямое); 6) 'форма губ' (губы тонкие, губы узкие, губы пухлые); 7) 'форма ушей' (уши оттопыренные; уши прилегающие, имеются проколы в мочках ушей, ушные раковины прилегающие); 8) 'форма носа' (нос крупный; нос крупный, широкий); 9) 'форма подбородка' (подбородок прямой, подбородок с ямочкой); 10) 'форма бровей' (брови прямые); 11) 'цвет глаз' (глаза зеленые, глаза темные); 12) 'цвет лица' (лицо смуглое).

Отметим, что параметры № 1 – 4 носят обязательный характер репрезентации и составляют семантическое ядро словесного портрета человека, пропавшего без вести. Параметры № 5 – 12 харак-

² Данные на сентябрь 2012 г. URL: http://55.mvd.ru/citizens/wanted/bez_vesti/.

теризуются единичным словоупотреблением и поэтому располагаются на периферии словесного портрета (см. рис.). Подобная градация связана с психологическим восприятием портретируемого объекта: 'возраст' и 'рост' запоминаются в первую очередь, нежели 'форма бровей' или 'форма носа'.

Данное утверждение может существовать только с некоторой долей условности. Если периферийные параметры выходят за рамки образа обычного человека, то они попадают в раздел «особых примет» и, следовательно, лучше запоминаются инициатором розыскного процесса.

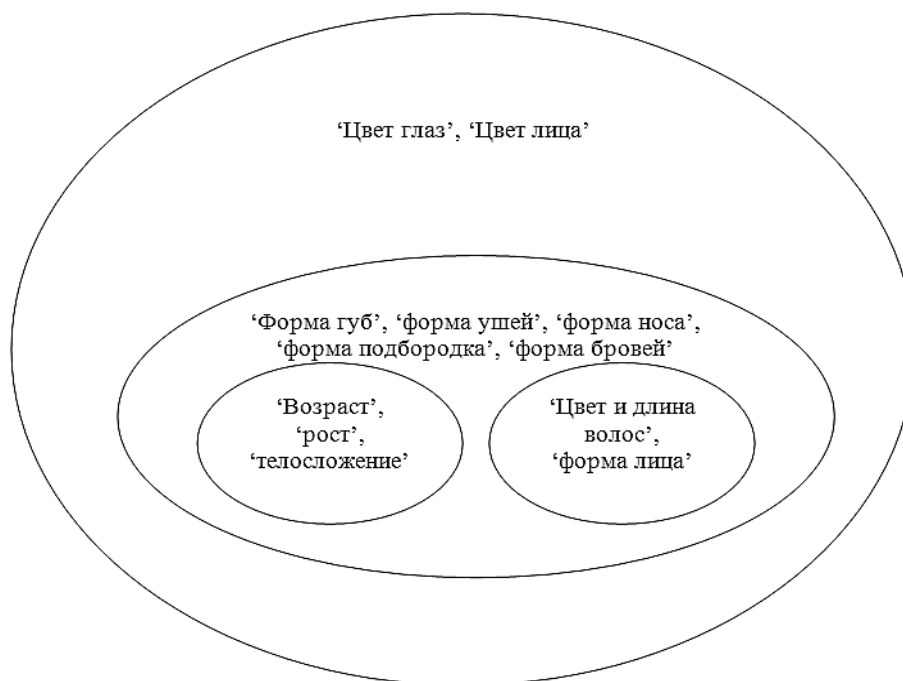

Рис. Соотношение параметров внешности

Важным структурным элементом словесного портрета также оказывается категория «*особые приметы*», которые по-прежнему выполняют идентифицирующую функцию: *на предплечье левой руки татуировка в виде трех ярких иероглифов; при разговоре шепелявит, страдает психическим заболеванием; на груди слева татуировка в виде паука диаметром около 3 см, шрам от операции на одной из ног около 3–4 см* и многие другие.

Таким образом, представленная классификация современных розыскных деловых документов – ориентировок – предполагает функционально-прагматический подход восприятия поискового материала. Следует понимать, что описание внешности человека, пропавшего без вести, нацелено на исполнение основной интенции: найти того, чей словесный портрет составлен и представлен к исполнению в качестве основного «розыскного

инструмента». В этом случае лингвистическое наполнение получают конкретные параметры внешности ('рост' и 'возраст', 'особенности телосложения', 'цвет лица'). Представленная методика описания розыскных ориентировок основана на языковом анализе поисковых текстов, что необходимо в силу отсутствия строгих правил описания той или иной группы людей.

Список использованной литературы

1. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Нижегородский ЮИ МВД России, 1997. 219 с.; Малыгин С. С., Чечётин А. Е. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2001. 301 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

В статье рассматривается один из центральных вопросов проблемного поля философии – отчуждающий характер рациональности – на примере критических концепций теоретиков Франкфуртской школы. Показана их роль в развитии научного дискурса об эксплицитном и имплицитном отчуждении. Выявлены преемственные черты отчуждения в индустриальном и постиндустриальном обществах.

Ключевые слова: отчуждение; рациональность; индустриальное общество; постиндустриальное общество; Франкфуртская школа.

The article considers a key issue of the philosophy problematic field – an alienating character of rationality – by an example of Frankfurt School of critical scholars. Their input to the development of the scientific discourse on explicit and implicit alienation is indicated. Successive features of alienation in industrial and postindustrial societies are displayed.

Key words: alienation; rationality; industrial society; postindustrial society; Frankfurt School.

А. В. Егорова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: albina@uniyar.ac.ru

Отчуждающий социальный характер рациональности в концепциях теоретиков Франкфуртской школы

Научная статья

А. V. Egorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: albina@uniyar.ac.ru

Socially Alienating Character of Rationality in Conceptions of Frankfurt School Critical Scholars

Scientific article

Франкфуртская школа сложилась на базе Института социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне в 30-е гг. прошлого века. Её основателем был М. Хоркхаймер (1895–1973), а виднейшими теоретиками – Т. В. Адорно (1903–1969), Г. Маркузе (1898–1979), Э. Фромм (1900–1980). Последователем Франкфуртской школы стал Ю. Хабермас (р.1929).

Из основных направлений исследования общества философами Франкфуртской школы на современном им этапе развития можно выделить следующие: формирование и развитие потребностей человека, структура его личности; прошлое, настоящее и будущее социального взаимодействия людей; роль техники в перспективе изменения общества, возможные направления этого изменения; образ будущего общества и пути его достижения.

Теоретики Франкфуртской школы были в авангарде исследований новых конфигураций бюрок-

ратического и экономического устройства. Они критически указывали на возрастающую роль массовой культуры и нивелирование персональной индивидуальности с развитием рациональной цивилизации.

В основе всех теорий представителей Франкфуртской школы лежат понятия «отчуждения» и «отрицания». Поставив перед собой задачу исследовать виды отчуждения и самоотчуждения, представители франкфуртской школы ищут источник отчуждения, как правило, в самом человеке. Отчуждение человека в индустриальном обществе рождается постольку, поскольку человек подвергается воздействию со стороны машинных технологий технической рациональности в целом. Оно проявляется в различных жизненных отношениях субъекта с миром, в которых индивид оказывается опустошённым, отвергнутым, отстранённым от собственности, власти, от других индивидов, цен-

ности, нормы, установки которых осознаются им как неаутентичные и чуждые его интересам. Представители Франкфуртской школы считают отчуждение свойством, имманентным всей современной западной цивилизации. В «Диалектике Просвещения» Адорно и Хоркхаймер усматривают причину такого положения в подавляющей парадигме рационального мышления, желании господствовать над природой [1]. Противоречие состоит в том, что это желание неминуемо оборачивается господством над человеком тех сил, которые были выпущены им же, что можно метафорично сравнить с выпуском всемогущего джинна из бутылки.

Фромм, занимая гуманистическую позицию, видит современное общество сугубо отчуждающим по отношению к личности, поскольку оно препятствует реализации его индивидуальных свойств. Отсюда вытекают различного рода социально-психологические аномии, такие как апатия, неврозы, депрессия [2].

В контексте рассматриваемой проблемы нам представляется важным заметить попытку Маркузе антропологизировать философию Маркса путем своеобразного соединения некоторых идей материалистического понимания истории с хайдеггеровскими идеями экзистенциального бытия. Опираясь на идеи Фрейда, он прослеживает становление современной «репрессивной» цивилизации, реконструируя её историю как историю отчуждения и подавления чувственного человека, использование энергии его влечений. Альтернативу подобному устройству цивилизации Маркузе видит в биопсихологическом переустройстве человека на основе «новой чувственности». В отличие от Фрейда, Маркузе полагает, что конфликт между инстинктами и цивилизацией не безысходен: репрессивность принадлежит не сущности цивилизации как таковой, но лишь специфически исторической организации человеческого существования. По Маркузе, не всякая культура и цивилизация репрессивна по отношению к человеку. Сверх репрессивную организацию он связывает с развитым индустриальным обществом. Рассматривая современное ему состояние цивилизации, Маркузе отмечает, что, благодаря техническим достижениям, человечество сумело приблизиться к удовлетворению витальных инстинктов человека, его базовых материальных потребностей. Однако опасность заключается в том, что производство материальных благ стало основной ценностью цивилизации.

Г. Маркузе вводит понятие одномерного мышления и одномерного поведения человека в развитом

индустриальном обществе [3]. Такое общество, по его мнению, лишено антагонистического протеста, поскольку человек здесь существует вне альтернативы установившемуся порядку. Человек отчуждён, поскольку не видит альтернативы современным формам господства.

Чувственности, эмоциональной сфере отводится второстепенное значение в интеллектуальной культуре. Между тем происходит тотальное контролирование и манипулирование сознанием индивидов, трансформация их в безликую массу посредством контроля над информацией, индустрией досуга и развлечений, формирование ненужных, "ложных", "репрессивных" потребностей. В работе «Одномерный человек» [4] Маркузе рассматривает способность рационального общества не просто подавлять творческие потребности человека, но и создавать вместо них иллюзорные, ложные, репрессивные потребности, которые привязывают человека к определённой форме жизни и таким образом подавляют индивидуальность даже успешнее, чем тоталитарные режимы. На смену метафизическому миру, по его мнению, пришел мир технологий: человек из субъекта, контролирующего мир объектов, трансформируется в объект мира технологий (в т. ч. социальных), образуемого заданными параметрами и основывающегося на принципе инструментальности. Как логический результат, с потерей свободы и индивидуальности одномерный человек теряет контроль над собственной судьбой, передавая это право и способность внешним силам и институтам. Таким образом, цена, которую он платит за удовлетворение своих потребностей, чрезмерно высока. При этом сам человек не в силах различить истинные и ложные потребности, так как они навязаны ему извне. Отчуждение им часто не замечается, поскольку рост потребительских способностей приводит к кажущемуся стиранию границ и различий между социальными группами и слоями. Люди перестают воспринимать свою индивидуальность как на уровне личности, так и на уровне социального слоя. Несвобода их больше не угнетает, поскольку сфера досуга предоставляет доступность массовых развлечений и организована таким образом, что создает видимость активной деятельности и соучастия. Иррациональность современного общества стала рациональной и перестаёт восприниматься людьми: «Понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нём находят пути своего раз-

вития и удовлетворения. И это отождествление – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведёт к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчуждённый субъект поглощается формой отчуждённого бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах» [5].

В самых высоких достижениях индустриальной цивилизации Маркузе проникновенно усматривает деструктивный потенциал и остро критикует дегуманизацию индустриального общества. По Маркузе, общество переросло некогда революционные противоречия и трансформировало некогда антагонистичные друг другу силы, утратив все критические идеи оппозиционности, встроив их в своё функционирование. Основой саморегулирования современной индустриальной цивилизации является уже не репрессия, не подавление влечений и потребностей большинства, но формирование стандартных, неаутентичных потребностей, привязывающих индивида к современному обществу, потребностей, которые Маркузе называет репрессивными. Тем самым индивид лишается основы, на которой он мог бы развивать свою аутентичную сущность. Формируется модель одномерного мышления и поведения. В условиях одномерности человека упрощаются все задачи государства, общество становится одномерным. Для контроля над ним достаточно навязывать единые постулаты, которые, непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в формулы предписания. К таким постулатам Маркузе также относит мифические свободы.

Реализацию модели одномерности Маркузе прослеживает на разных уровнях и в разных областях: на уровне индивида, уровне общественных процессов, в науке и философии в частности.

Согласно Маркузе, в основании современной развитой индустриальной цивилизации лежит определённый исторический проект, или технологическая рациональность. Доминирующим в отношении человека к природе является стремление ее изменить и приспособить к удовлетворению своих потребностей. Но это стремление оборачивается и против самого человека как части природы. В этом состоит иррациональность репрессивной рациональности, которая чревата катастрофой и для природы, и для человека. Катастрофичность развития технологической цивилизации заключается ещё и в том, что оно уничтожает шансы альтернативы, ибо делает человека неспособным отказаться от благ цивилизации.

Маркузе пытается создать свой вариант диалектики, в которой движущая сила находится вне системы, а не внутри, и этим внешним, чуждым системе становятся слои, не участвующие в материальном производстве. Преодоление социально-культурного отчуждения Маркузе считает возможным через тотальное отрицание ценностей, норм, традиций, табу, то есть своего рода «культурную революцию». Эта идея обращена к свободной личности или, по крайней мере, способной осознать свои ложные потребности и тем самым сделать первый шаг к свободе. Маркузе обозначает возможную историческую альтернативу с помощью понятия «умиротворение существования», что подразумевает внутреннее неприятие массовой культуры, пацифизм, отказ от участия в несправедливом истеблишменте. Рассуждая о путях и перспективах развития индустриального общества, Маркузе считает, что большинство людей не приемлет радикальных изменений. Он скептически относится к политической борьбе в ее организованных традиционных формах и возлагает надежды на развитие сочувствия бедам и несчастьям аутсайдеров у широких слоев населения. Особенно Маркузе рассчитывает на молодёжь, которая менее включена в систему истеблишмента и которой менее свойственны неаутентичные потребности.

Современный мир воспринимает как данность гораздо большую степень чувственной и созидательной свободы личности, необходимость уважения её прав и ограничения агрессивности массовой культуры и политики, чем это было приемлемо в 40–50-е гг. прошлого века. Внимание к условиям самовыражения личности, учёт многогранности ее развития – это тоже достигнуто не без влияния идей Г. Маркузе.

Т. Адорно в своих работах обосновывал тотальность отчуждения и отрицания в современном индустриальном обществе. По его утверждению, отчуждение – неотъемлемая характеристика общественной реальности, в которой человек отчуждён от самого себя, своей природы, труда и результатов труда, от другого человека и общества с его культурой и традициями. В его представлении причиной отчуждения является разделение труда и опредмечивание, овеществление человеческой деятельности. Адорно обращает внимание на то, что «основные вопросы, от которых зависит картина жизни в целом, адресуются разным сферам, что само по себе является симптомом ошеломляющего отчуждения людей друг от друга и отчуждения каждого в отдельности от самого себя» [6].

Развитие технического прогресса и постоянное углубление рационализации всех сфер человеческой деятельности не устраняют отчуждения, а способствуют его дальнейшему развитию, как полагает Адорно. В результате этих процессов происходит углубление отчуждения человека от природы, устанавливается господство жёсткой дисциплины на производстве и в обществе. Дисциплина навязывается человеку извне, люди всё меньше знают о деятельности друг друга и понимают результаты своего совместного труда. В силу этих причин укрепляется господство тотального идеологического и политического давления, а рациональность в деятельности людей и общества начинает отрицать саму себя. Исчезают отдельные самостоятельные личности, а появляются абстрактные рабочие единицы.

Дальнейшее развитие техники и науки стимулируется, согласно Адорно, в основном деструктивными, разрушительными потребностями (создание новых систем вооружения, т. е. способов уничтожения людей). Как замечает Адорно, «решающие достижения в техническом развитии нашего времени непосредственно были вызваны парадоксальной общественной потребностью в средствах разрушения» [7].

В работе «Негативная диалектика» Адорно сосредоточивается на чисто философских аспектах проблемы отчуждения [8]. Отчуждение как феномен реальности воспроизводится снова и снова во всё более тяжёлых и иррациональных формах. Рациональный характер поведения и разума человека, порождённый эпохой Просвещения, в данном случае способствует воспроизведению отчуждения, так как учит человека приспосабливаться к требованиям среды. Что же можно противопоставить такой реальности? Адорно считает, что главным оружием личности является оружие критики. Причём критика должна быть столь же тотальна, сколь всеобъемлюще отчуждение. Позитивность совершенно отвергается в его философской системе. Неприятие и отрицание в системе Адорно универсально не только как способ мышления, но и как образ действия. Любая положительная деятельность, по его мнению, приведёт к развитию процессов отчуждения. На этом же основании он отвергает любые формы политической борьбы. Негативная диалектика Адорно предлагает только один выход из создавшегося положения – личное неподчинение отдельного человека законам существующей реальности. Это – свобода учёного, интеллектуала, его программа неприятия, неподчинения, невключён-

ности в систему, неединства с нею. Вывод о неизбежности противоречий общества, о возможности только личного духовного их преодоления является его кредо.

Не менее популярными, чем теории Маркузе, в 50–70-е гг. XX в. стали идеи Э. Фромма, особенно его учение о радикальном гуманизме. Фромм написал много работ, в основном в области социальной психологии. Что же он понимает под отчуждением? «Под отчуждением понимается такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстранённым от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им» [9].

Фромм высказывает достаточно интересную концепцию по поводу отчуждения как сущности человека: это отчуждение состоит в том, что человек, оторвавшись от животного царства, лишился инстинктов, которые управляют жизненными процессами животных. В то же время эта потеря была компенсирована разумом, который, по мнению Фромма, является отчасти помехой для людей. Человек, лишившись гармонии, присущей животному существованию, осознаёт разумом неизбежный конец своего жизненного пути – смерть. Этого сознания обреченности нет у животных. Поэтому человек, испытывая беспокойство, страх, страдает от неврозов – он отчужден от природы. Но, не имея возможности вернуться назад к природе, человек вынужден идти далее по пути развития своего человеческого существования. Каждый следующий шаг по этому пути есть усиление отчуждения от природы, работы и ее продуктов, от государства, других людей и себя [10]. Фромм исследует социально-психологические факторы отчуждения: чувство одиночества, обособленности и потери человеческого Я и др. Согласно Фромму, отчуждение – это и отдаленность от ближнего, и противостояние работе, и недостигаемость необходимых вещей, и вседвоящий контроль со стороны хозяина-собственника, государства и даже неспособность отличить себя от своей жизнедеятельности. Под отчуждением он понимал такое состояние, при котором человек ощущает себя во всех отношениях чужим и одиноким, заброшенным и ненужным самому себе.

Главным в учении радикального гуманизма является положение о том, что деструктивный инстинкт человека, его влечение к насилию и смерти

не является врождённым и непреодолимым, как на этом настаивал Фрейд и в принципе соглашался Маркузе. Изначально в человеке тяга к жизни, к реализации творческого потенциала. Человек может сосуществовать с природой в относительной гармонии, подчиняясь природным ритмам, удовлетворяя природные потребности. Проследив развитие общества, Фромм отмечает, как интенсификация производства и разделение труда приводит к конфликту с природой вообще и с человеческим естеством в частности. Возникает необходимость в подавлении человеческой природы, отчуждении человека от труда и его результатов и, следовательно, от самого себя. Так из подавления творческой потенции в человеке возникает потенциально разрушительная. Деструктивность человеческой природы происходит от невозможности самореализации, от самоотчуждения.

Фромм указывает, как в деятельности человека преобладающее значение приобретают внешние цели: карьера, деньги, имущество, власть [11]. Внутренние цели: самопознание, свободное творчество, самореализация – загоняются в подсознание, трансформируются в разрушительные инстинкты. Так формируется деструктивный тип личности, который стремится к устойчивости искусственных систем, обезличению индивидуальности, механическому движению процессов.

В итоге своих изысканий Фромм формулирует несколько общих тезисов радикального гуманизма: производство должно служить человеку, а не экономике как таковой; отношения между человеком и природой должны быть построены на основе кооперации; отношения между людьми должны строиться на основе солидарности; высшей целью прогресса должно стать человеческое благо. Это благо состоит не в максимизации потребления и не в наращивании материальных благ, а в разумном потреблении, служащем саморазвитию человека; каждый человек должен активно и творчески трудиться на благо всех людей.

Заслуживает внимания интерпретация отчуждающего характера рациональности Ю. Хабермасом. Последний даёт философско-историческое, социально-философское и социокультурное истолкование и обоснование постулированного им разрыва «труда» и «интеракции». Рассмотренная дихотомия растворяется в антиномии неотчуждённого «жизненного мира» и отчуждающей системы «позднего» капитализма, «колонизирующего», по Хабермасу, эту жизненную основу межчеловеческой

коммуникации, утверждая принцип «технической рациональности» [12]. Отчуждение как проявление социальных патологий модерна Хабермас усматривает в разделении системы и жизненного мира. Система, внедряя свои агенты влияния (деньги и власть) в жизненный мир, постепенно колонизирует его, разрушая коммуникативный потенциал жизненного мира. Хабермас полагает, что умение договариваться и дискутировать по определённым общественным проблемам образует коммуникативный фон жизненного мира. Исходя из этого, Хабермас выдвигает тезис о незавершённости проекта общества модерна в силу неисчерпанности коммуникативной рациональности. Снятие отчуждения видится Хабермасу в ракурсе становления ситуации «идеальной коммуникации». Предлагаемое им понимание проблемы отчуждения исходит из трактовки этого феномена как результата нарушений коммуникации и предполагает принципиальную возможность снятия отчуждения в идеальном варианте коммуникации. В этой перспективе Хабермас исследует ситуацию существования человека в контексте глобального сообщества.

Рассмотрев концепции представителей Франкфуртской школы, можно резюмировать, что эти социальные теоретики разделяли критическое неприятие отчуждающих основ рациональной цивилизации: разделения труда, бюрократизма управления, агрессивного потребительства. Несмотря на существенные различия, их изысканиям свойствен общий вывод: развитому рациональному обществу свойственны противоречия, разрешить которые либо очень трудно, либо невозможно; для этого необходимо упразднение ложных, репрессивных потребностей ради удовлетворения самых важных потребностей в самореализации, ограничение экономического роста ради гармонии с природой. Критикуя пагубные последствия развития технической рациональности и административно-бюрократического устройства общества, они разрабатывали пути достижения его нового состояния, предлагая при этом мирные, эволюционные механизмы: самовоспитание, внутреннее неприятие и отказ от навязываемых обществом ценностей.

Можно сказать, что критическая теория нацелена на ослабление, нейтрализацию, а в лучшем случае, на полное преодоление репрессивных тенденций в обществе. Главная задача критической теории – защищать автономию человека, его свободу выбора и самоутверждения. Блестящей плеяде теоретиков Франкфуртской школы свойствен интегративный

подход к достижению понимания сущности явлений при тесном переплетении и взаимном проникновении философии, социальной теории и политики. Их концепции отчуждения до сих пор находятся в центре внимания исследователей этой проблемы и служат для осмысления и критического анализа отчуждения на современном – постиндустриальном – этапе развития общества. Так, Д. Смит, Б. Алтмейера, Ч. Берлет отмечают, что мы по-прежнему являемся свидетелями многочисленных и конкретных примеров проявления отчуждения в политической жизни общества [13]. Вопросы, ранее звучащие в работах представителей Франкфуртской школы относительно характера социальных и политических противоречий (например, о причинах поддержки народными массами жестких и авторитарных лидеров), часто трансформируются в новые формулировки прежней сути: почему ограничения гражданских свобод и экономическая политика, выгодная лишь элитам так часто приветствуются общественностью? В развитом постиндустриальном обществе при обезличенном характере большей частью автоматизированного производства люди в основном заняты в сфере обслуживания и в тех сферах, которые требуют межличностного взаимодействия. Руководствуясь корпоративными коммерческими интересами, работники вынуждены подчинять им свои действия и часто даже эмоции, что приводит к коррозии ценностей. Делая условия жизни более комфортными, технологии по сути своей служат задаче получения максимальной корпоративной прибыли. Более того, при использовании технологий для функций надзора и контроля, они способствуют появлению новых сил и средств для властного манипулирования, дегуманизации, что приводит, в свою

очередь, к отчуждению. Это свидетельствует об актуальности проблемы отчуждения для современного научного поля социальной философии.

Список использованной литературы

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997.
2. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002; Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston, 1964.
4. Ibid.
5. Ibid. P. 9
6. Адорно Т. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 367.
7. Там же. С. 366.
8. Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003.
9. Фромм Э. Личность в современной культуре // Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Самара, 1996. С. 244.
10. Там же. С. 60.
11. Фромм Э. Иметь или быть.
12. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
13. Smith D. Authority Fetishism and the Manichaean Vision: Stigma, Stereotyping, and Charisma as Keys to Pseudo-Orientation in an Estranged Society // The Evolution of Alienation: Trauma, Promise, and the Millennium. N. Y., 2007; Altemeyer B. Right-Wing Authoritarianism. Winnipeg, University of Minnesota press, 1981; Berlet Ch. When Alienation Turns right: Populist Conspiracism, the Apocalyptic Style, and Neofascist Movements // The Evolution of Alienation: Trauma, Promise, and the Millennium. N. Y., 2007.

Несмотря на то что существует огромное множество различных видов социальной реальности, принципы, лежащие в её основании, немногочисленны. Среди них: коллективная интенциональность, наделение функцией и учредительные правила и процедуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : аналитическая философия; Джон Сёрл; социальная онтология; логическая структура общества.

Despite enormous variety of different modes of social existence, the principles that underlie the constitution of social reality are rather few in number. They are: collective intentionality, the assignment of function, and constitutive rules and procedures.

К e y w o r d s : analytical philosophy; John Searle; social ontology; logical structure of society.

Н. А. Блохина

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

E-mail: bna@mail.ryazan.ru

Принципы логического конструирования социальной реальности в онтологии Джона Сёрла

Научная статья

N. A. Blokhina

Ryazan State University named after S. A. Esenin

E-mail: bna@mail.ryazan.ru

Principles of Logical Construction of Social Reality in John Searle's Ontology

Scientific article

Проблеме конструирования социального, а в более узком смысле институционального, Джон Сёрл посвятил не одну статью, но главной работой по данной проблеме стала его книга «Конструирование социальной реальности», вышедшая в свет в 1995 г. [1]. Автор продолжил разработку темы и в наступившем XXI столетии [2].

Метафизической посылкой философии Джона Сёрла служит реализм, согласно которому мир, состоящий из элементарных частиц в силовых полях, существует независимо от человека и его представлений о нём. Природа социальной реальности принципиально иная. Бытие социального определяется тем, что человек *считает* эту реальность существующей. Социальная реальность всегда предполагает наблюдателя, в то время как (природная) реальность в виде массы тела, сил гравитации, химических связей, фотосинтеза, солнечной системы или тектонических плит такого наблюдателя для своего возникновения и существования не предполагает.

Таким образом, социальные феномены, не существующие отдельно от наблюдателя, создаются не зависящими от него ментальными явлениями. Следовательно, задача исследователя, занимающегося природой социальной реальности, заключается в том, чтобы выяснить, как «совокупность институциональных явлений, относительных к наблюдателю, может иметь объективное в познавательном аспекте существование, даже если их онтология зависима от наблюдателя и таким образом содержит элемент, который онтологически субъективен» [3]. Такое исследование требует, полагает Сёрл, двух предварительных замечаний.

Сёрл отмечает, что большинство выдающихся мыслителей, внесших значительный вклад в изучение социального (Аристотель, Давид Юм, Жан-Жак Руссо, Адам Смит), а также основатели социальной науки (Макс Вебер, Георг Зиммель, Эмиль Дюркгейм, Альфред Шюц) принимали язык за нечто само собой разумеющееся [4]. Например, в теории общественного договора её сторонники полагают, что у

некоего сообщества язык уже имеется и люди собираются для заключения договора, чтобы объединить общество (и образовать государство). Но наличие языка, позволяющее обсуждать какие-либо вопросы, означает, что социальный договор, на основе которого конституируется социальная реальность, уже существует [5]. Нельзя понять специфики человеческого общества, его отличия от сообщества приматов и других социальных животных до тех пор, пока не будут выяснены специфические черты человеческого языка. По мнению Сёрла, именно язык служит исходной предпосылкой существования других социальных институтов, но не наоборот [6]. Такие институты, как деньги, собственность, правительство, брак, не могут возникнуть и функционировать без языка, в то время как язык существует и без них.

Можно предположить, что в XX в. с его чувствительностью к языку социологические теории заполнили эту лауну. В дополнение к лингвистической антропологии такие мэтры социальной философии и теории, как Пьер Бурдьё, Юрген Хабермас и, возможно, Мишель Фуко, исследовали роль языка в культуре и обществе. Бурдьё, следуя за Фуко, правильно считает, что те люди, которые способны контролировать лингвистическую категоризацию, являющуюся основой того или иного общества, обладают большими властными полномочиями в этом обществе. По Юргену Хабермасу, для сплочения общества большое значение имеют языковые акты и человеческая коммуникация. Однако даже эти три мыслителя, считает Сёрл, не до конца понимали основополагающую роль языка. Язык функционирует не просто для того, чтобы категоризировать действительность и таким образом давать нам власть (а la Бурдьё), и не для того, чтобы дать нам возможность достичь рационального соглашения (а la Хабермас). Язык обладает более фундаментальными функциями.

Второе предварительное замечание Сёрла касается различия объективного и субъективного. Очень часто происходит смешивание познавательного и онтологического смысла этих понятий. Мнения людей могут быть более объективными или более личностно-субъективными; существование же гор, молекул и тектонических плит носит независимый от наблюдателя характер, в то время как боль, щекотка, зуд, эмоции и мысли онтологически субъективны, поскольку существуют только в опыте человека или животного. Если взять такой факт, что N. N. является Президентом Соединённых Штатов

Америки, то он является объективным в познавательном аспекте. Но, являясь объективным эпистемологически, он субъективен онтологически. Познание, таким образом, предполагает познание не только онтологически объективного, но и того, что выступает онтологически субъективным [7].

Логическая структура общества

Все человеческие общества имеют логическую структуру, потому что конституирующим началом социальной реальности являются человеческие установки, в содержании которых заключены пропозиции с характерными для них логическими связями. Сёрл ставит перед собой задачу выявить эти логические связи. На первый взгляд такая задача кажется невыполнимой. История социальной науки показала, что формы организации человеческих сообществ настолько разнообразны, что их невозможно классифицировать. Однако Сёрл полагает, что, несмотря на такое многообразие социальных форм, принципы, лежащие в их основании, немногочисленны [8]. Если провести аналогию с естественными науками, то выяснится, что кажущиеся различными физические явления, тем не менее, имеют одну и ту же природу. Возьмём в качестве примера костёр и ржавость лопаты: в их основании лежит процесс окисления. То же самое мы имеем в случае с социальной реальностью. Несмотря на различие таких социальных явлений, как баскетбольный матч, денежная купюра определённого достоинства и государственные выборы, их объединяет одна и та же логическая структура. Все три вида социальных явлений существуют благодаря тому, что коллективная интенциональность наделяет эти явления определёнными статусными функциями. Как это происходит, Сёрл и выясняет.

Для описания структуры социально-институциональной реальности философ использует три исходных понятия: *коллективную интенциональность, наделение [определённой] функцией, учредительные правила и процедуры.*

Коллективная интенциональность

Человеческие существа обладают особой способностью, присущей также многим другим живым существам, – способностью сотрудничать и разделять свои установки с соплеменниками. Человеческие существа могут кооперировать своё поведение разнообразными способами: вести разговор, сов-

местно играть в оркестре, двумя командами играть в футбол и т. д. Эту человеческую способность Сёрл называет коллективной интенциональностью. Традиционно под интенциональностью понимают направленность сознания на объекты или состояния дел в мире. Если, например, я верю во что-то, это должно быть верой в то, что дела обстоят так-то и так-то. Интенциональность включает в себя не только обыденное намерение что-то сделать, например пойти в кино, но также веру во что-то, надежды, желания, эмоции, восприятия и многое другое.

Сёрл отбрасывает так называемый «методологический индивидуализм» – точку зрения, согласно которой любая форма интенциональности требует её выражения в единичной интенциональности [9]. По его мнению, такой подход к объяснению коллективной интенциональности (индивидуальная интенциональность плюс совместная убежденность) слишком запутан. Гораздо продуктивнее дать следующее объяснение коллективной интенциональности (или «мы-интенциональности»). У каждого индивида, участвующего в совместной деятельности, присутствует исходное понятие «мы намерены». В случае успешности совместного действия становится ясным, что у каждого участника также имеется намерение в форме «мы намерены (убеждены, хотим, переживаем и т. д.)». Коллективная интенциональность обычно требуется в случае, когда люди соревнуются и даже конфликтуют. Исключением являются ситуации преследования и убийства одних людей другими, для которых коллективной интенциональности не требуется.

Используя понятие коллективной интенциональности, Сёрл даёт следующее определение *социального факта*. Социальным фактом является любой факт, в который вовлечены два и более действующих индивида, будь то люди или животные, обладающие коллективной интенциональностью. Под такое определение социального факта у Сёрла подпадают совместные действия птиц по сооружению гнезд, совместная охота животных и даже деятельность так называемых социальных насекомых, к которым относятся пчёлы, муравьи и т. п.

Человеческие существа способны к созиданию не просто социальных, а *институциональных фактов*. Институциональные факты, в понимании Сёрла, предполагают не просто физическое взаимодействие. В создании институциональных фактов участвует язык. Люди способны владеть собствен-

ностью, жениться и выходить замуж, формировать правительства и т. д. [10]. Онтология институциональных, а не просто социальных фактов является предметом исследования Сёрла.

Наделение [определённой] функцией

Вторым основополагающим элементом в конструировании институциональной реальности является наделение объектов функциями. Человек, а также некоторые из высокоорганизованных животных способны к использованию вещей как орудий труда. Это пример более общей способности животных и человека наделять функциями предметы, которые сами по себе (от природы) этими функциями не обладают. Предписание функции означает использование природных свойств предметов для несвойственного им по природе предназначения.

Все функции не обладают объективным существованием. Они зависят от людей, коллективная интенциональность которых наделяет этими функциями предметы, что связано с телеологией и нормативностью. Так, если мы говорим, что функцией сердца является то, чтобы служить насосом для перекачки крови в нашем организме, то это возможно только потому, что мы ценим жизнь и выживание. Если бы жизнь не ценилась, сердцу предписывалась бы негативная роль. Таким образом, предписывание функции вводит нормативность. «Функции никогда не бывают независимыми от наблюдателя. Каузальность от наблюдателя независима; то, что функция добавляет к каузальности, это нормативность или телеология», – пишет Сёрл [11]. Коренное отличие причины от функции заключается в том, что функциями являются те же причины, но служащие определённой цели. А эта цель производна от коллективных установок людей.

В мире животных предписывание функций вещам в той или иной мере зависит от физических свойств вещей. В мире людей прямой зависимости между ними не существует. Люди наделяют вещи не просто функциями, а *статусными* функциями. Именно разница между функцией и статусной функцией проводит границу между конструированием социальной и институциональной реальности [12]. Сёрл приводит следующий пример. Предположим, люди возвели стены вокруг своих жилищ. Этим стенам предписывается функция защиты и границы поселения, и она обусловлена тем, что стены возведены из камня, очень прочны, высоки и опоясывают всё поселение,

то есть благодаря их физическим свойствам. Вообразим, что со временем стены разрушились, но осталась линия из камней, которая продолжает служить границей этого поселения, и эту границу нельзя нарушать, например, для проведения застройки. Теперь граница поселения существует уже не благодаря физическим свойствам каменной стены, а только благодаря тому статусу и функциям, которыми наделяют её жители поселения. Таким образом, институты человеческого общества существуют как результат наделения предметов и отношений статусными функциями.

Учредительные правила и процедуры

Для различения любых видов фактов, в том числе институциональных, Сёрл вводит два вида правил. Одни он называет регулятивными, а другие – учредительными. Регулятивные правила имеют форму – «делай так-то и так-то». Они регулируют ранее уже существовавшие формы поведения. Например, такими правилами являются дорожные правила.

Институциональные факты могут иметь объяснение только в рамках существования учредительных правил и их реализации. В отличие от регулятивных правил учредительные не только регулируют поведение, но и делают возможным существование самой формы регулируемой деятельности и образуют «субстанцию» регулирования. Примером учредительных правил могут служить правила игры в шахматы. Учредительные правила всегда имеют одну и ту же форму, даже в тех случаях, когда логическую форму трудно явно эксплицировать из грамматической формы предложений, с помощью которых выражаются эти правила. Они всегда имеют форму – «то-то и то-то считается имеющим статус того-то и того-то» или «X считается Y в контексте C». Так, в контексте игры в шахматы такой-то и такой ход фигурой определённой формы означает ход конём. Такая-то и такая позиция на шахматной доске означает шах и мат.

В чём смысл того, что мы наделяем вещи и отношения статусными функциями? По мысли Сёрла, статусные функции являются проводниками власти в обществе [13]. Признавая статусные функции, мы признаём целую цепь обязательств, прав, ответственности, обязанностей, наименований, разрешений, требований и т. д. Сёрл называет механизм реализации статусных функций нормативной властью (*deontic powers*). Так, имея собственность, человек обладает определённой властью над ней,

одновременно приобретая обязанности платить налоги и т. д. Ничего этого нет в мире животных. В обществе же существует совокупность отношений, основанных на нормативной власти. Какое нам дело до этих отношений? Сёрл отвечает: признавая что-то как наше право, обязанность, обязательство или требование, мы отдаём себе отчёт в том, что служит причиной наших поступков. Мало того, это не просто причины для действия, это сущностные причины именно человеческой деятельности, существующие только в мире людей: «эти нормативные структуры делают возможным существование независимых от нашего желания причин для действия» [14]. Так, если у меня есть собственность и другие люди признают это право за мною, то они обладают независимыми от их желания причинами для того, чтобы не нарушать моих прав на эту собственность.

Таким образом, именно эта комбинация из статусных функций, нормативной власти и независимых от нашего желания причин для действия даёт нам специфически человеческие формы социальности, которые позволяют отличать человеческие существа от любых других социальных животных, даже приматов. Несмотря на близость последних к человеку, между онтологией социального в мире человека и в мире животных существует огромная разница. Главной отличительной чертой человеческого социального бытия является то, что в нём присутствуют представления о нормах (*deontology*) [15].

И, наконец, об оценке Сёрлом социальной реальности. Философ считает изобретение двойной бухгалтерии, университетов, музеев, денег и других подобных вещей величайшими достижениями человеческой цивилизации. Хотя о таких изобретениях мы меньше задумываемся и они менее известны, чем изобретение паровоза или аэроплана, они вполне сравнимы с ними по значимости. Без корпораций или университетов человеческая цивилизация едва ли смогла существовать. «Создавая институциональную реальность, мы умножаем мощь (*power*) человека», – напоминает нам философ [16].

Список использованной литературы

1. Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. N.Y.: Free Press, 1995. 256 p.
2. Searle J. R. *Social Ontology: Some Basic Principles*. URL: <http://www.socrates.berkeley>.

edu/~jsearle/AnthropologicalTheoryFNLversion.doc
(дата обращения: 12.04. 2008); Searle J. R. Making
the Social World: The Structure of Human Civilization.
Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p.

3. Searle J. R. Mind, Language and Society. Philo-
sophy in the Real World. N.Y.: Basic Books, 1999. P. 117.

4. Searle J. R. Social Ontology: Some Basic
Principles. P. 3.

5. Ibid. P. 3–4.

6. Ibid. P. 4.

7. Ibid. P. 5.

8. Ibid. P. 6.

9. Searle J. R. Mind, Language and Society. Philosophy
in the Real World. N.Y.: Basic Books, 1999. P. 120.

10. Ibid. P. 121.

11. Ibid. P. 122.

12. Searle J. R. Social Ontology: Some Basic
Principles. P. 9.

13. Ibid. P. 10.

14. Ibid.

15. Ibid. P. 11.

16. Ibid. P. 19.

ЭКОНОМИКА

УДК 331.103

В статье рассматриваются и анализируются особенности контроллинга персонала, его задачи и инструментарий, подходы к внедрению контроллинга персонала и его роль в управлении предприятием.

Ключевые слова: контроллинг персонала; показатели использования трудовых ресурсов; инструментарий; социальный аудит.

The article deals with the features of controlling personnel, its major objectives and tools, algorithm of introduction of controlling personnel and its role in enterprise management.

Key words: controlling personnel; indicators of manpower's use; tools; social audit.

Г. А. Королева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: gotik@inbox.ru

Контроллинг персонала организации: цели, задачи и подходы к внедрению

Научная статья

G. A. Koroleva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: gotik@inbox.ru

Controlling Personnel of the Organization: Objectives, Problems and Approaches to Introduction

Scientific article

Одним из важнейших направлений в развитии теории и практики управления и совершенствования организации планирования, учета, контроля и анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия является концепция контроллинга, реализация которой позволяет в нужные сроки и качественно предоставлять необходимую информацию на различные уровни управления, изменив методы обработки экономической информации на основе использования последних достижений в области компьютерной и микропроцессорной техники.

Контроллинг – понятие достаточно широкое. В трудах зарубежных и отечественных экономистов до сегодняшнего дня не окончена полемика о сути контроллинга. Немецким экономическим толковым словарем он определяется как наблюдение, позволяющее администрации выявлять отклонения в экономических процессах, выяснять их причины и осуществлять прогнозирование их дальнейшего хода, что позволяет в конечном итоге принять меры по обеспечению наиболее оптимального достиже-

ния целей, поставленных перед предприятием [1]. Во многих языках слово «контроллинг» по звучанию схоже с «контролем», что иногда вызывает ассоциации о схожести их содержания. Подобное широкое использование «контроля» и «контроллинга» в качестве понятий-синонимов представлено в англоязычной литературе [2].

По нашему мнению, контроллинг – это система обеспечения повышения эффективности управления, подготовки, принятия и реализации управленческих решений, направленная на достижение стратегических целей предприятия, координацию деятельности подразделений и служб в процессе регулирования всех элементов управления ходом экономических процессов на основе управленческого учета, сбора, обработки и анализа экономической информации [3].

Контроллинг может быть реализован, если известны: цели функционирования предприятия, методы управления целями и методы достижения целей. Он связывает воедино все функции управления предприятием, координирует их, стремясь

вывести управление на качественно новый уровень, но ни в коем случае не подменить его собой. По сути, он – управление управлением. Отсюда может быть сформулирована основная цель контроллинга – ориентация управления на достижение всех целей, стоящих перед предприятием.

На практике используется большое количество классификаций видов контроллинга. В качестве критериев классификации могут выступать: объекты, факторы производства, образ действий (направленность), размер предприятий, отрасли деятельности, подконтрольные показатели, организационная структура и другие [4].

Классификация контроллинга по направленности и объектам контроллинга наиболее значима для определения алгоритма внедрения контроллинга. Деление контроллинга на оперативный и стратегический, контролинг отдельных объектов оказывает непосредственное влияние на структуру службы контроллинга на конкретном промышленном предприятии, определение круга обязанностей специалистов создаваемой службы, на выбор подконтрольных показателей и инструментария.

Контролинг должен способствовать успешному управлению предприятием в целом. Но при этом он может включать в сферу своих интересов и специфические объекты, которые испытывают потребность в координации деятельности и, следовательно, нуждаются в управлении. Стандартными объектами выступают: развитие предприятия, снабжение, логистика, сбыт, производство, финансы (финансирование), инвестиции. Специфические объекты – персонал, проекты и управление качеством [5].

Создание системы контроллинга персонала должно происходить с учетом сложившихся социально-экономических отношений. Основными задачами контроллинга персонала являются:

- координация стратегического и оперативного планирования потребностей предприятия в персонале, его найма, использования и высвобождения;
- координация названных выше планов с прочими планами предприятия на оперативном и стратегическом уровнях;
- координация планирования и контроля в сфере управления персоналом;
- развитие новых способов обучения и системы иерархического продвижения персонала;
- формирование информации об альтернативных вариантах найма рабочей силы, моделях использования рабочего времени;

- организация информационной системы данных о затратах на заработную плату и премирование персонала, потерях рабочего времени, повышении квалификации сотрудников;

- разработка методики планирования затрат на персонал;

- анализ сильных и слабых сторон персонала предприятия.

Контролинг персонала призван обеспечить информационную поддержку управления в данной области. Одной из центральных задач контроллинга персонала является согласование между собой различных частей плана потребности предприятия в рабочей силе как в количественном выражении, так и по квалификационному составу. Плановые потребности в персонале отдельных подразделений и служб проверяются с точки зрения их соответствия общей стратегии и целям предприятия. Контролинг должен увязать кадрово-экономическое планирование с контролем, а также прочими планами предприятия. Например, при разработке системы стимулирования сотрудников конкретной службы или подразделения контролинг обязан произвести все экономические расчеты на данные мероприятия.

Для оказания управлению персоналом поддержки принятия решений формируется информационная система. Подбор показателей для каждого предприятия должен быть индивидуальным. Он должен максимально соответствовать организационной структуре предприятия, потребности в ресурсах и стратегическим целям развития предприятия в целом и в разрезе отдельных структурных подразделений. Возможный, по нашему мнению, минимальный набор таких показателей представлен в табл.

Контролингом персонала используется широкий набор методов исследования рынка рабочей силы, методы опроса сотрудников, аттестация персонала. Как правило, расчеты затрат на персонал проводятся с привлечением соответствующих компьютерных программ. В рамках этих расчетов определяются не только общие затраты предприятия, но и затраты отдельных служб или подразделений. Информация может формироваться также по центрам возникновения затрат, элементам и носителям затрат.

Особенностью контроллинга персонала является то, что он должен служить созданию потенциала будущего успеха предприятия. Поэтому деятельность сосредоточивается на стратегическом уровне. Экономические исследования в области

Показатели, используемые контроллингом персонала

<i>Группы показателей</i>	<i>Набор показателей</i>
Используемый персонал и его структура	<ul style="list-style-type: none"> • Общие затраты времени (по периодам); • Квалификационная структура персонала (по предприятию и в разрезе структурных подразделений); • Половозрастная структура персонала; • Средний стаж работы на предприятии.
Политика поиска и найма персонала	<ul style="list-style-type: none"> • Количество кандидатов на одну вакансию; • Затраты по поиску в расчете на одну вакансию; • Лимит собеседования; • Количество незаключенных контрактов по истечении испытательного срока.
Использование персонала	<ul style="list-style-type: none"> • Уровень производительности труда; • Структура рабочих мест; • Коэффициент текучести; • Количество несчастных случаев на производстве; • Количество дней нетрудоспособности; • Средняя стоимость часа при оплате времени нетрудоспособности; • Объем сверхурочных часов (по предприятию, подразделениям и категориям работников); • Средняя стоимость часа сверхурочных работ.
Повышение качества персонала	<ul style="list-style-type: none"> • Доля сотрудников, прошедших обучение; • Количество часов обучения в расчете на одного работника.
Увольнение	<ul style="list-style-type: none"> • Количество и доля уволенных в общем их числе за определенный период времени (в разрезе причин); • Средний уровень пособия в расчете на одного уволенного.
Затраты на персонал	<ul style="list-style-type: none"> • Средняя заработная плата (по предприятию, подразделениям и категориям работников); • Доля расходов на оплату труда в общих затратах предприятия, в себестоимости продукции (по видам); • Затраты на добровольное медицинское страхование в расчете на одного работающего; • Расходы на эргономику.

кадровой политики должны быть нацелены на долгосрочный успех предприятия. Это – наиболее сложно прогнозируемая область.

Внедрению контроллинга персонала в организации должен предшествовать аудит данной сферы. Он может быть как внешним, так и внутренним. Часто указанный вид аудита называют социальным. Одной из его задач является анализ факторов социальных рисков и выработка предложений по снижению их воздействия.

Кроме того, в последние годы обращают все больше внимания на роль предпринимателей в решении различных социальных проблем. Данная роль предпринимательства нашла свое выражение

в понятии «корпоративной социальной ответственности» [6]. На многих предприятиях отсутствует системный и скоординированный менеджмент социальной деятельности. Усилия по обеспечению качества, удовлетворению социальных нужд персонала, охрана труда и окружающей среды, как правило, редко носят системный характер и слабо увязаны с программами стратегического развития предприятия, в то время как системный, скоординированный менеджмент социальной деятельности способен значительно повысить эффективность использования трудовых ресурсов.

Объектом аудита в данном случае является персонал предприятия, эффективность его деятельности.

Проводится анализ показателей деятельности предприятия, характеризующих результативность функционирования трудового потенциала, эффективность организации социально-трудовых отношений, систем мотивации и оплаты труда, рациональность методов оценки труда, эффективность организации труда, распределения работ, использования рабочего времени и т. д.

Для анализа состояния и использования персонала организации используют показатели структуры персонала и ее динамических изменений. Целесообразно дать оценку заболеваемости, потенциальной текучести и мотивации. Одновременно следует сравнить средний уровень заработной платы по предприятию (в разрезе категорий) с аналогичными данными по региону. Для целей внедрения контроллинга необходимо максимально точно оценить степень мотивированности работников в достижении стратегических и текущих целей предприятия, вероятность возникновения социального конфликта. В качестве одного из источников информации выступают регламентирующие документы предприятия (например, коллективный трудовой договор, положение об оплате труда, положение о премировании и т. д.)

К функциональным областям, подлежащим проверке, относятся: планирование персонала, отбор, набор, переподготовка и повышение квалификации работников, распределение работ, система оценки выполнения работ, вознаграждение за труд с учетом

компенсаций, создание благоприятного психологического микроклимата в коллективе. Построение и функционирование указанных элементов должны отвечать общим задачам стратегических программ развития предприятия. Одновременно может проводиться экспертиза рабочих мест и тестирование персонала на соответствие их характеристикам.

Результаты аудита на первоначальном этапе позволяют сократить затраты времени на подготовку к внедрению элементов контроллинга в указанной сфере.

Список использованной литературы

1. Deutsch-Russisches Wirtschaftsglossar. Hamburg: S+W Steuer-und Wirtschaftsverlag, 1994. S. 35.
2. Hopfenbeck W. Allgemeine Betriebswirtschafts- und Manadgementlehre. Landsberg am Lech: Verl. Moderne Industrie, 1991. S. 749.
3. Королева Г. А. Контроллинг в системе управления предприятием // Экономический вестник. 2000. Вып. 3. Ярославль: ЯрГУ, 2000.
4. Королева Г. А. Объекты и задачи контроллинга на предприятии // Экономический вестник. 2001. Вып. 5. Ярославль: ЯрГУ, 2001.
5. Там же.
6. Социальная хартия российского бизнеса: Одобрена XIV съездом Российского союза промышленников и предпринимателей. М., 2008. URL: <http://rspp.ru/12/6273.pdf>

В статье рассматриваются вопросы экономической глобализации и предпосылки данного процесса, приведены различные взгляды на периодичность этапов и динамики. В результате сделан вывод, что глобализация является одной из ведущих тенденций мировой экономики.

Ключевые слова: глобализация; процесс; мировая экономика; экономическое развитие; глобальный рынок.

The article covers issues of economic globalization and the preconditions of this process, it provides different views on the periodicity of the stages and dynamics. At results in the conclusion that globalization is one of the leading trends in the world economy.

Key words: globalization; process; world economy; economic development; global market.

О. А. Тарасова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olga_filippova@bk.ru

Глобализация как экономический процесс: понятие, этапы

Научная статья

О. А. Tarasova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: olga_filippova@bk.ru

Globalization as an Economic Process: the Conception and Stages

Scientific article

В современном мире понятию «глобализация» уделяют большое внимание как экономисты, так и социологи, политологи и философы. Рассматривая ее с различных точек зрения, приписывая ей совершенно разнообразные черты, ученые все же сходятся в одном – глобализация способствует серьезным изменениям в обществе и государственном устройстве.

На протяжении всей истории человечества шел процесс постепенного сближения стран и народов. Но никогда этот процесс не развивался так быстро, как сейчас. Никогда не вызывал он столько противоречий и споров. Глобализация, выступая в качестве особого этапа процесса достижения целостности мира, предполагает вступление всех государств, всего общества в новую фазу взаимодействия, которая характеризуется универсальностью и безграничностью. С начала 90-х гг. XX в. именно глобализация стала преобладающей теоретической схемой объяснения мирового порядка.

В общественных науках первыми о глобализации широко стали писать экономисты, которые обратили внимание на факт формирования фактически единого мирового рынка (именно в экономической сфере глобализация была с самого начала очевидной). С экономической точки зрения глобализация представляет собой возрастающую интеграцию

рынка товаров и услуг, а также капитала. Основоположником термина «глобализация» принято считать американского ученого Т. Левита, который в 1983 г. писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями (ТНК) [1]. Более того, определенное время феномен глобализации находил отражение и в социально-политических теориях преимущественно с позиций экономикоцентризма. Позднее сформировались иные подходы к определению данного феномена, которые раскрывали различные аспекты глобализации. Так, по мнению К. Момджана, «глобализация – это процесс, в который все мы вовлечены не только в качестве субъектов, но и в качестве объектов; глобализация – это не только то, что делают люди, это то, что происходит и делается с ними» [2].

Определение глобализации на основе комплексного подхода дает российский ученый А. И. Уткин: «Глобализация есть цепь политических, экономических, социальных и технологических перемен, понижающих барьеры между государствами, порождающих новые законы и особенности межгосударственного взаимодействия» [3]. Очевидно, что глобализация – это прежде всего экономический процесс, т. к. производство, распределение и потребление материальных благ первично по отношению к другим сферам жиз-

© Тарасова О. А., 2013

недеятельности человека. И процесс этот носит очень сложный и противоречивый характер.

В работе И. З. Абдуллаева приводятся три течения, представители которых по-своему трактуют понятие «глобализация». Речь идет о гиперглобалистах, скептиках и трансформистах. По мнению И. З. Абдуллаева, «для гиперглобалистов, например таких, как К. Омаэ, современная глобализация означает новую эру, отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке. Скептики – например, П. Херст и Дж. Томпсон – напротив, доказывают, что глобализация – это на самом деле миф, за которым скрывается тот факт, что в рамках мирового хозяйства национальные экономики не стали более взаимозависимыми, чем во времена классического «золотого стандарта». Наконец, для трансформистов, главными фигурами среди которых являются Д. Розенау и Э. Гидденс, современная глобализация представляется исторически беспрецедентной. С их точки зрения, государства и общества во всех уголках земного шара испытывают глубокие изменения по мере того, как пытаются адаптироваться к более связанному изнутри, но весьма изменчивому миру [4]. В свою очередь, Э. Кочетов рассматривает глобализацию с позиций воспроизводственной трансформации национальных экономик и их хозяйствующих структур, капитала, ценных бумаг, товаров, услуг, рабочей силы, при которой мировая экономика рассматривается как целостность, а не как совокупность национальных [5].

А. Тейт под этим термином понимает «растущую взаимозависимость стран в результате увеличения масштабов международной торговли и расширения ее сферы, охватывающую обмен не только товарами, но и услугами и капиталом» [6]. Некоторые авторы рассматривают процесс глобализации как качественно новый этап интернационализации мирового хозяйства, который является одним из ключевых процессов развития мировой экономики на грани XX–XXI вв. [7].

Отдельно следует рассмотреть вопрос, каков же характер экономической глобализации: является ли она объективным или управляемым процессом? Мнения ученых по данному вопросу разделились. Например, М. Г. Делягин считает ее процессом объективным и не зависящим от наших интересов и желаний. По его мнению, люди не могут ни остановить, ни игнорировать глобализацию [8]. Известный немецкий социолог У. Бек считает ее «неустранимым условием человеческой деятельности» [9]. Сто-

ронники другого подхода считают, что глобализация – это процесс управляемый и инициирован США (например, А. Г. Дугин), т. е. подразумевается, что все происходящее в рамках глобализации события происходят в интересах США. Главной же задачей при этом является максимальное расширение зоны распространения доллара. И. М. Подзигун полагает, что глобализация состоит из двух составляющих, а именно из ее естественной части, которая продолжает естественный процесс взаимопроникновения различных социокультурных достижений, и ее искусственной составляющей, связанной с попыткой ведущих индустриально развитых стран мира, и особенно США, получить доминирующее положение с помощью глобализации [10].

Группа российских ученых во главе с М. Г. Делягиным – директором Института проблем глобализации – в книге «Практика глобализации» значительное место в понимании рассматриваемого феномена уделяют технологической и информационной стороне происходящих изменений. Они считают глобализацию «процессом очень быстрого формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, в основном компьютерных технологий» [11].

В экономической науке существуют показатели, которые характеризуют уровень глобализации мировой экономики, такие как объем всей международной торговли товарами, услугами и темпы ее роста в сравнении с размерами валового продукта, объем международного производства товаров и услуг и темпы его роста по сравнению с объемом и темпами роста валового продукта в мире, объем и динамика ПИИ и т. д. всех инвестиций, объем и динамика валютных рынков и др. Опираясь на этот набор характеристик, можно сделать вывод о степени развитости международных экономических отношений в тот или иной период.

Анализируя предпосылки глобализации как экономического процесса, можно выделить следующие:

- возрастание объемов и масштабов производства;
- интернационализация капитала и ужесточение конкурентной борьбы на мировых рынках;
- либерализация торговли товарами и услугами, рынков капитала;
- появление новых институциональных форм осуществления международной экономической деятельности, появление новых экономических акторов, таких как ТНК, неправительственные организации и т. д.;
- дефицит природных ресурсов и борьба за контроль над ними;

- качественное развитие новых средств транспорта и связи, обеспечивающее быстрое распространение товаров и услуг;

- быстрое распространение НТР, использование передовых научно-технических и др. новых технологий;

- возникновение новых форм ведения экономической деятельности (электронные торговые площадки);

- выход экономики каждого государства за национальные границы;

- активная деятельность международных экономических институтов, стимулирующих процесс глобализации;

- внедрение международными экономическими организациями единых критериев макроэкономической политики, унификация требований к налоговой, региональной, аграрной, антимонопольной политике и др.

При рассмотрении вопроса об этапах глобализации следует отметить, что и здесь не существует единого мнения. Каждый автор на основе своих предположений и доказательств приводит свою периодизацию.

Л. А. Юнусов считает, что процесс глобализации мировой экономики можно разбить на три этапа: первый этап (1944–1976 гг.) связан с формированием и развитием новой мировой валютной системы (Бреттон-Вудской) и созданием наднациональной организации, наделенной правом следить за функционированием мировой валютной системой – МВФ. Второй этап (1976–1991 гг.) ознаменовался падением Бреттон-Вудской системы, на смену которой пришла Ямайская валютная система. На этом же этапе впервые вводится в оборот термин «глобализация» (1983 г.) и перестает существовать двуполярный мир. Третий этап (1991 г. – по настоящее время) характеризуется расцветом глобальных финансов. В мире остается одна «сверхдержава» – США, укрепляют свои позиции ТНК, стремительно увеличивается международное движение капитала, межстрановое расслоение по уровню доходов населения и темпам экономического роста [12]. И. Г. Владимирова рассматривает глобализацию как высший этап интернализации, когда ее постепенное развитие и долго накапливающиеся количественные изменения привели к качественному скачку. При этом Международную экономическую интеграцию И. Г. Владимирова характеризует как процесс объединения стран на основе разделения труда между отдельными национальными экономиками, взаимодействия их хозяйств на различных уровнях и в различных фор-

мах путем развития глубоких устойчивых взаимосвязей. А. Зиновьев в монографии «Русская трагедия» раскрывает этапы глобализации с точки зрения ведения мировой борьбы США со своими противниками, которые в тот или иной момент времени находились на гребне экономического и политического развития. В связи с этим он выделяет три этапа: этап разгрома западным миром советского коммунистического блока, СССР и советского коммунизма; этап агрессии США против мусульманского мира; этап глобализации XXI в. и ведение возможной войны Запада против Китая и вообще против азиатского коммунизма в будущем [13].

Очевидно, что выделение этапов в чистом виде является достаточно условным, в реальной жизни можно лишь обозначить определенные тенденции. Так, например, говоря о глобализации как необратимом и объективном процессе, большинство исследователей имеют в виду именно тенденцию развития, причем не всегда прямолинейную.

Чаще всего при рассмотрении вопроса о динамике ученые сходятся во мнении, что ключевую роль в поворотных моментах глобализации играют даты серьезных экономических и политических событий (кризисы, провалы или рост). Привязанность к датам прослеживается и в этапах глобализации, рассмотренных нами ранее. Наиболее интересной моделью динамического развития международной экономической и политической системы (а следовательно, и глобализации) представляется модель В. В. Лапкина, которая включает последовательность фаз технологического переворота (или, иными словами, инновационного рывка), великих потрясений (или репродукционной релаксации), революции международного рынка (или репродукционного рывка) и структурного кризиса (или инновационной релаксации) [14].

В последнее время все чаще приходится слышать об ускорении глобализации. Ускорение темпов объясняется давлением развитых стран для увеличения темпов роста международного разделения труда, что позволяет крупным компаниям увеличивать рынки сбыта за счет расширения производства и эксплуатации дешевой рабочей силы. В последние 20 лет экономическая глобализация значительно ускорилась. Не вызывает сомнения тот факт, что катализаторами глобализации мира выступают технологические перемены. В последней четверти XX в. резко расширился доступ к новым технологиям. Распространение технологических новшеств в условиях глобализации мира в действительности заставило огромные массы людей взаимодействовать друг с другом новыми, качест-

венно отличающимися от предшествующих способами. То есть глобализация может быть признана новым этапом в развитии человечества, а не новым наименованием интеграции, так как ее технологические атрибуты качественно изменили доминирующие общественно-экономические отношения. Правительства не в состоянии изолировать свое население от широчайшего объема самой разной информации о себе и других народах, о способах решения политических, экономических и социальных проблем, о многообразии выбора. «Тенденция, получающая развитие в одном углу земного шара, быстро находит отклик в местах, отделенных десятками тысяч километров» [15]. Страна, пытающаяся обособиться от глобальных изменений посредством отказа от внешней торговли и инвестиций зарубежного капитала, должна будет все же учитывать, что надежды ее населения формируются знанием об условиях жизни и культурных достижениях внешнего мира.

В настоящее время среди стран, наиболее выигравших в экономико-технологическом плане в процессе глобализации, можно назвать: США, Великобританию, Канаду, Японию и др. При этом надо отметить, что всемирное снятие барьеров выгодно, прежде всего, сильнейшему. Поэтому вполне понятно, что именно США намерены выступать наиболее упорным и убежденным сторонником глобализации мира в том ее виде, в котором она развивается на современном этапе. В связи с этим можно сделать вывод, что в настоящее время мы имеем дело с новой мировой стратификацией национальных государств, которая явилась следствием развития процесса глобализации.

Процесс глобализации национальных экономик постоянно сопровождается возникновением новых рынков, появлением новых объектов инфраструктуры мирового рынка (информационных систем, Интернета), выработкой новых правил регулирования международных отношений в виде многосторонних соглашений по вопросам сотрудничества и т. д. Рост объема мировой торговли товарами, услугами, международного движения капитала стимулирует развитие экономической глобализации. Но следует отметить, что глобализация затронула пока лишь часть мирового сообщества, пройдя мимо огромных регионов, оставляя их на обочине мирового развития. Глобализация создала условия для преуспевания ограниченного числа стран, тогда как значительное число государств и их народов остались незатронутыми этим процессом или оказались отверженными окружающим миром.

Таким образом, проблема глобализации как экономического процесса является достаточно важной и актуальной. С одной стороны, глобализация может открыть новые возможности и перспективы, с другой – цена приобщения к глобализационным экономическим процессам может оказаться достаточно большой.

Список использованной литературы

1. Тойганбаева А. Е., Кенжебаева З. С. Методологические основы глобализации в развитии мировой экономики // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3. С. 194.
2. Момджан К. Об одном многократно упоминаемом процессе // *Сумерки глобализации*. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 39.
3. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: ЛОГОС, 2001. С. 8.
4. Абдуллаев И. З. Информационное общество и глобализация: Критика неолиберальной концепции. М.: Фанва технология, 2006. С. 74.
5. Кочетов Э. Г. Глобалистика. Теория, методология, практика: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 2002.
6. Тейт А. Глобализация – угроза или новые возможности для Европы? URL: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/12_5_98.htm (дата обращения: 24.11.2012).
7. Рудакова О. В., Бардовский В. П., Потапова Е. В. Новые аспекты конкуренции в условиях глобализации мировой экономики // *Вестник ОрелГИЭТ*. 2011. № 1 (15).
8. Делягин М. Возвращение России // *Красная звезда*. 2000. 9 дек.
9. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 21.
10. Подзигун И. М. Глобализация как реальность и проблема // *Философские науки*. 2003. № 1.
11. Практика глобализации: Игры и правила новой эпохи / О. В. Братимов и др. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 125.
12. Юнусов Л. А. Глобализация мировой экономики: понятие и основные этапы // *Проблемы современной экономики*. 2008. № 4 (28). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2246> (дата обращения: 24.11.2012).
13. Зиновьев А. А. Русская трагедия: Несостоявшийся проект. М.: АСТ МОСКВА, 2009.
14. Лапкин В. В. Глобальная динамика в эпоху великих потрясения: проблемы концептуализации // *История и современность*. 2010. № 1. С. 24.
15. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Философия истории: Антология*. М., 1994. С. 311.

УДК 339.564

В настоящее время нет единой модели оценки эффективности экспорта. В статье представлены различные подходы зарубежных ученых к решению данной проблемы. Автором рассмотрено многообразие предлагаемых показателей результатов экспортной деятельности и приведена их классификация, а также сделан вывод, какие показатели являются более приемлемыми в той или иной ситуации.

Ключевые слова: эффективность экспорта; показатели экспорта; классификация; зарубежный опыт.

Currently there is no unified model for evaluating the export performance. This article presents various approaches of foreign scientists to tackle the problem. The author examined the variety of proposed indicators of export performance, adduced their classification, and concluded which indicators are more acceptable in some situations.

Key words: export performance; measures of export performance; classification; international experience.

А. В. Бондаренко

Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: fffanya@yandex.ru

Зарубежный опыт оценки результатов экспортной деятельности

Научная статья

A. V. Bondarenko

Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics

E-mail: fffanya@yandex.ru

Foreign Experience of Export Performance Measurement

Scientific article

Проблема оценки экспортной деятельности не является новой для международного бизнеса. В зарубежной литературе она исследуется и обсуждается уже более 30 лет, однако единого мнения по данному вопросу до сих пор нет. Большинство исследований на данную тему проведено в США, однако география обсуждения проблемы измерения результатов экспорта постепенно расширяется. В литературе представлены работы ученых из таких стран как Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Китай, Бразилия, Япония, Турция и др. Ученые продолжают использовать уникальные названия для предложенных ими показателей результатов экспорта, что затрудняет сравнение и сопоставление различных исследований [1].

Так, Карлос М. П. Суза (Carlos M. P. Sousa), проведя анализ эмпирических исследований, посвященных проблеме измерения экспорта, выделил 50 различных индикаторов [2]. Тем не менее, несмотря на большое количество различных показателей эффективности экспорта, лишь немногие из них используются часто: интенсивность экспорта (отношение экспорта к совокупным продажам), рост экспортных продаж, прибыльность экспорта, доля экспортного рынка, удовлетворение общими результатами экс-

порта и осязаемая успешность экспорта. Другие меры: рентабельность инвестиций, качество отношений с дистрибьюторами, удовлетворенность клиентов и удовлетворенность качеством товара/услуги по сравнению с конкурентами – были рассмотрены только в одном–двух исследованиях.

В зарубежной литературе встречаются различные классификации показателей экспорта. Так, Карлос М. П. Суза (Carlos M. P. Sousa) предлагает разделить их на две большие группы: объективные и субъективные. Показатели, которые основаны главным образом на абсолютных величинах – интенсивности экспорта, объеме экспортных продаж и доле экспортного рынка – в частности, называются объективными показателями. Показатели, измеряющие восприятие или отношение к деятельности, – воспринимаемый успех экспорта и удовлетворение экспортными продажами – рассматриваются как субъективные показатели эффективности экспорта [3].

Я. Т. Аян и С. Перчин (Т. Y. Ayan, S. Percin), помимо объективных и субъективных показателей, выделяют комбинированные, которые являются комплексными и призваны устранить недостатки первых двух видов показателей [4]. С. Цзоу и С. Стэн (S. Zou, S. Stan) также выделяют 3 группы

индикаторов экспортной деятельности [5]: финансовые, нефинансовые и комбинированные (табл. 1).

Ученые отмечают, что финансовые показатели являются более объективными, в то время как нефинансовые – более субъективны и являются мерами восприятия.

Наиболее обширная классификация показателей экспорта представлена в работе бразильских ученых [6]. Карнейро (J. Carneiro) и соавторы выделяют шесть классификационных оснований (табл. 2), сгруппировав их в два блока – теоретические аспекты (определение и характеристика явления) и методологические (сбор данных и представление конструкции).

Остановимся более подробно на некоторых аспектах предложенной классификации. Так, к *экономическим* показателям относятся, например, доходность, продажи; к *рыночным* – доля на рынке, репутация, удовлетворенность потребителя; к *пове-*

денческим/ситуативным – отношение к экспорту, дихотомия экспортера и неэкспортера; к *стратегическим* – достижение более широких, обычно долгосрочных целей, таких как развитие компетентности, принятие ответных мер на деятельность конкурентов, вхождение в деловые сети; к *общим* – достигнутый успех, удовлетворение экспортной деятельностью, подтверждение ожиданий; прочие могли бы включать внутренние бизнес-процессы, инновации и обучение, социальные или экологические характеристики. Из предложенного многообразия мер представляется разумным использовать экономические, рыночные и общие показатели.

Статические показатели имеют важное значение при сопоставлении результатов экспорта с аналогичными показателями других фирм, но не дают никакой информации о развитии экспортной деятельности самой компании, поэтому при формировании группы показателей для характеристики

Таблица 1

Классификация показателей эффективности экспорта

<i>Финансовые показатели</i>	<i>Нефинансовые показатели</i>	<i>Комбинированные</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Продажи • Прибыль • Рост 	<ul style="list-style-type: none"> • Успешность экспорта • Удовлетворенность экспортом • Достижение целей 	<ul style="list-style-type: none"> • Основаны на общей оценке различных показателей эффективности

Таблица 2

Общая классификация показателей для характеристики экспорта

<i>Теоретические аспекты</i>		
<i>Вид показателя</i>	<i>Система отсчета</i>	<i>Временная ориентация</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Экономические • Рыночные • Поведенческие/ситуационные • Стратегические • Общие прочие 	<ul style="list-style-type: none"> • Абсолютные • Относительные: База сравнения - среднее значение среди конкурентов - контрольные показатели - внутренние операции - другая международная деятельность фирмы - предварительно поставленные цели 	<ul style="list-style-type: none"> • Статические - недавнее прошлое - будущие ожидания • Динамические - изменения в недавнем прошлом - ожидаемые изменения на будущее
<i>Методологические аспекты</i>		
<i>Единица анализа</i>	<i>Способ оценки</i>	<i>Структура показателя</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Фирма • Стратегическая бизнес-единица • Все экспортные операции • Одна экспортная комбинация продукт-рынок 	<ul style="list-style-type: none"> • Объективные - из вторичных источников - самостоятельно собранная информация • Субъективные - самооценка - оценка конкурентов - оценки экспертов 	<ul style="list-style-type: none"> • Независимый индикатор (ы) - единичные - множественные • Агрегированные веса - отражающие - формирующие

результатов экспорта необходимо брать в расчет и статические, и динамические показатели.

Важным вопросом в ходе анализа экспортной деятельности является выбор единицы анализа. Такой единицей может быть фирма целиком, стратегическая бизнес-единица (или продукт/продуктовая линия на всех рынках фирмы), вся экспортная деятельность фирмы, одна комбинация – экспортный продукт–рынок. Большинство исследователей принимают фирму за единицу анализа, однако это будет обосновано только для небольших предприятий, имеющих одну продуктовую линию. Использование такого подхода для средних и крупных компаний с диверсифицированными бизнес-портфелями может привести к значительным неточностям при анализе результатов экспорта [7].

Зачастую довольно трудно отделить результаты экспорта от общих результатов деятельности фирмы, что делает весьма проблематичным использование объективных показателей ввиду отсутствия необходимой информации. А вся информация, полученная от респондентов, фактически является субъективной. К тому же менеджеры принимают решения, исходя из своего восприятия, а не только на основе «голых» цифр. Все это делает оправданным применение субъективных показателей экспорта.

Все количество показателей экспортной деятельности может быть использовано в различных комбинациях. Исследователь может применять только один-единственный индикатор (подход, у которого есть несколько очевидных недостатков) или множество независимых индикаторов. Или же индикаторы могут быть объединены, чтобы сформировать сложные веса, содержащие переменные, которые могут быть отражающими (рефлексивным) по природе, то есть (наблюдаемые) показатели являются проявлением фактора, влияющего на экспортную деятельность, или формирующими, то есть (наблюдаемые) показатели «вызывают» или определяют работу. Подробнее вопрос отражающих и формирующих индикаторов представлен в работе А. Диамантополуса (A. Diamantopoulos) [8].

На наш взгляд, если речь идет об измерении результатов экспортной деятельности, то в первую очередь применяются отражающие показатели. Однако комплексный анализ эффективности экспорта невозможен без рассмотрения причин сложившейся ситуации в области экспорта, то есть без анализа факторов, которые как раз и являются «формирующими» индикаторами.

Подводя итог, отметим, что зарубежный опыт в области исследования показателей экспорта более богат, нежели российский. В настоящее время при анализе экспорта в российской практике применяются в большинстве случаев единичные показатели экспортной выручки (прибыли), что не дает полноценной картины о результатах экспортной деятельности. Рассмотренные показатели экспорта и их классификации позволяют значительно расширить инструментарий российских менеджеров в области построения модели измерения экспорта. Так, на наш взгляд, целесообразно использовать такие субъективные показатели, как удовлетворенность экспортной деятельностью, подтверждение ожиданий, а также проводить анализ доли рынка в динамике. Для более полного представления о результатах экспорта предприятия предлагается осуществлять сравнение основных экономических показателей экспорта с аналогичными показателями основного конкурента.

Список использованной литературы

1. Zou S., Stan S. The determinants of export performance: A review of the empirical literature between 1987 and 1997 // *International Marketing Review*. 1998. 15 (5). P. 333–356.
2. Sousa C. M. P. Export Performance Measurement: An Evaluation of the Empirical Research in the Literature // *Academy of Marketing Science Review*. 2004. Vol. 09. URL: <http://www.amsreview.org/articles/sousa09-2004.pdf> (дата обращения: 06.12.2012).
3. Sousa C. M. P. Op. cit.
4. Ayan T. Y., Percin S. A Structural Analysis of the Determinants of Export Performance: Evidence from Turkey // *Innovative Marketing*. 2005. Vol. 1. Issue 2. P. 106–120. URL: http://www.businessperspectives.org/journals_free/im/2005/IM_2005_02_Ayan.pdf (дата обращения: 06.12.2012).
5. Zou S., Stan S. Op. cit.
6. Carneiro J. et al. A Critical Analysis of Measurement Models of Export Performance // *BAR*. 2007. Vol. 4, № 2, art. 1. P. 1–19. URL: <http://www.anpad.org.br/bar> (дата обращения: 06.12.2012).
7. Cavusgil S. T. and Zou S. Marketing strategy-performance relationship: an investigation of the empirical link in export market ventures // *Journal of Marketing*. 1994. Vol. 58, January. P. 1–21.
8. Diamantopoulos A. Export performance measurement: reflective versus formative indicators // *International Marketing Review*. 1999. 16(6). P. 444–457.

В статье сформулированы особенности и задачи управления страховыми резервами, уточнено понятие их учетного обеспечения. Предложена авторская методика бухгалтерского учета формирования и инвестиционного использования средств страховых резервов, в том числе во внеоборотные активы.

Ключевые слова: учетное обеспечение управления страховыми резервами; формирование страховых резервов; инвестиционное вложение страховых резервов; синтетический учет формирования и использования страховых резервов.

The article contains features and objectives of management of insurance reserves, a concept of their accounting software. The author suggests a method for accounting formation and investment use of insurance reserves funds, including investments in non-current assets.

Key words: accounting management of insurance reserves; insurance reserves; investment of insurance reserves; synthetic accounting of the formation and use of insurance reserves.

О. С. Бобков

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Olegtsel@yandex.ru

Развитие учетного обеспечения управления страховыми резервами страховых компаний

Научная статья

O. S. Bobkov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Olegtsel@yandex.ru

Development of Reference Support for Management of Insurance Reserves of Insurance Companies

Scientific article

Эффективное управление страховыми резервами в отечественных страховых компаниях способствует развитию как самой сферы страхования, так и экономики России в целом: за счет страховых резервов обеспечивается финансовая устойчивость страховой компании, в то же время они являются источником инвестиций в экономику страны.

Анализ экономической литературы по страхованию и учету страховых резервов (таких авторов, как О. С. Красова [1], В. Н. Дядьков [2], И. А. Долгачева [3], Н. С. Пласкова [4], Е. Л. Прокопьева [5], А. Ю. Ежова [6] и других) показал, что в ней мало внимания уделяется проблемам совершенствования методики учета страховых резервов для обеспечения руководства страховых компаний необходимой информацией с целью принятия своевременных управленческих решений. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, во-первых, уточнить сущность понятия «учетное обеспечение страховых резервов», во-вторых, наметить пути повышения информативности их учета.

© Бобков О. С., 2013

Согласно определению, приведенному в «Современном экономическом словаре» [7], **обеспечение** – это:

1) совокупность мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию экономических процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования экономической системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов;

2) вспомогательные средства, используемые в автоматизированных системах управления и в информационных системах для поддержания функционирования этих систем.

Учет представляет собой практически организованный процесс наблюдения, регистрации, группировки, сводки, анализа и передачи данных о фактах хозяйственной жизни. Его задача – предоставление информации для принятия управленческих решений [8].

Под **управлением** понимается направленное воздействие администрации хозяйствующего субъекта на хозяйственные процессы в целях увеличения экономических выгод (прибыли) за счет повышения эффективности предпринимательской деятельности субъекта и обеспечения на этой основе экономического и социального развития коллектива организации [9].

Исходя из этого **учетное обеспечение управления страховыми резервами** можно определить как сбор и обработку в определенном виде учетной информации, используемой в управлении страховой компанией с целью подготовки данных для проведения анализа деятельности организации и принятия её руководством управленческих решений по формированию и инвестиционному использованию страховых резервов.

В качестве основных задач управления страховыми резервами можно выделить следующие: управление формированием страховых резервов с целью обеспечения финансовой устойчивости страховой компании и управление их инвестиционным вложением с целью повышения эффективности инвестиционной деятельности страховой организации. Исходя из этого управление страховыми резервами должно быть обеспечено учетной информацией двух направлений: формирование страховых резервов и их инвестиционное вложение.

Для учета формирования страховых резервов согласно действующему плану счетов для страховых компаний¹ предназначены два счета: 95 «Страховые резервы» и 96 «Резервы предстоящих расходов». Для учета инвестиционного вложения средств страховых резервов используются соответственно счета 58 «Финансовые вложения» и 55 «Специальные счета в банках» (субсчет 55/3 «Депозитные счета»). На наш взгляд, действующая методика учета формирования и инвестиционного использования страховых резервов имеет следующие существенные недостатки:

1) учет формирования резервов на счетах 95 и 96 страховыми компаниями ведется вне связи с учетом их инвестиционных вложений на счетах 55 и 58;

2) На счетах 58-м и 55-м, помимо учета инвестиционных вложений средств страховых резервов,

¹ Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 4 сентября 2001 г. № 69н «Дополнения и особенности применения страховыми организациями плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкции по его применению».

осуществляется также учет иных вложений. Тем самым отсутствует обособленный учет инвестирования средств страховых резервов;

3) не формируется информация в системе бухгалтерского учета о доходности вложений во внеоборотные активы (недвижимость), что оказывает существенное влияние на достоверность результатов от инвестирования страховых резервов;

4) доходы и расходы от инвестирования страховых резервов учитываются на счете 91-м «Прочие доходы и расходы» в составе других прочих доходов и расходов и не выделяются в отдельные аналитические позиции.

Исходя из этого учетная информация требует дополнительной аналитической детализации для принятия управленческих решений по обеспечению финансовой устойчивости и эффективности инвестиционной деятельности предприятия. Во-первых, для идентификации и обособления учета вложений страховых резервов мы предлагаем введение отдельного синтетического счета в действующий план счетов страховых организаций. Это позволит формировать информацию о величине инвестированных средств страховых резервов отдельно от прочих вложений, что облегчит процесс анализа инвестиционного использования страховых резервов для принятия управленческих решений. В качестве такого счета может быть использован один из резервных счетов раздела V «Денежные средства» Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций. В этой связи представляется целесообразным введение синтетического счета 53 «Инвестирование средств страховых резервов», к которому мы предлагаем открыть следующие субсчета по направлениям инвестирования согласно Правилам размещения страховщиками средств страховых резервов²:

– 53/1 «инвестирование в государственные ценные бумаги субъектов Российской Федерации и муниципальных ценных бумаг»;

– 53/2 «инвестирование во вклады (депозиты) банков»;

– 53/3 «инвестирование в акции»;

– 53/4 «инвестирование в облигации»;

– 53/5 «инвестирование в инвестиционные паевые инвестиционные фонды и сертификаты долевого участия в общих фондах банковского управления»;

² Приказ МФ РФ от 08.08.2005 № 100н «О введении Правил размещения страховщиками средств страховых резервов».

– 53/6 «инвестирование в недвижимое имущество»;

– 53/7 «инвестирование в слитки золота, серебра, платины и палладия, а также памятных монет Российской Федерации из драгоценных металлов».

В силу того что бухгалтерский баланс страховой компании содержит статью 120 «Инвестиции», а основная доля инвестирования осуществляется за счет средств страховых резервов, введение данного счета обеспечит повышение информационной емкости учета и достоверности формирования показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности страховых компаний.

Для совершенствования учета финансового результата от инвестирования страховых резервов целесообразно, на наш взгляд, расширить существующий порядок отражения доходов и расходов на счете 91 «Прочие доходы и расходы». С целью обособления финансового результата от инвестирования страховых резервов предлагается к счету 91 «Прочие доходы и расходы» открыть аналитические счета для учета соответствующих доходов и расходов:

– 91/1-ср «доходы от инвестирования страховых резервов»;

– 91/2-ср «расходы от инвестирования страховых резервов»;

– 91/9-ср «финансовый результат инвестирования страховых резервов».

Для обеспечения взаимосвязи учета формирования и инвестиционного вложения средств страховых резервов к каждому предлагаемому субсчету счета 91 «Прочие доходы и расходы» следует

открыть аналитические счета по направлениям вложения согласно предложенным субсчетам к счету «Инвестирование страховых резервов».

Таким образом, в конце каждого отчетного периода на счете 91 будет аккумулироваться финансовый результат от инвестиционной деятельности страховой организации. Эти данные могут быть использованы сотрудниками страховых организаций для анализа эффективности инвестирования средств компании.

Одним из направлений инвестирования страховых резервов является вложение во внеоборотные активы. В целях подготовки учетной информации для анализа эффективности этого направления предлагаем вести учет данных вложений на отдельном субсчете к счету 53 «Инвестирование средств страховых резервов». В табл. представлена предлагаемая методика формирования информации на счетах бухгалтерского учета от инвестирования средств страховых резервов во внеоборотные активы (объекты недвижимости).

Благодаря использованию счета 53 «Инвестирование страховых резервов» и дополнительных аналитических счетов к счету 91 «Прочие доходы и расходы», становится возможным оценить эффективность инвестирования страховых резервов в объекты недвижимости путем сравнения оборота по дебету субсчета 53/6 «Инвестирование средств страховых резервов в недвижимое имущество» и сальдо аналитического счета 91/9-ср/6 «Финансовый результат инвестирования страховых резервов в недвижимое имущество».

Таблица

Отражение операций по инвестированию средств страховых резервов во внеоборотные активы (объекты недвижимости) на счетах бухгалтерского учета

Содержание	Корреспонденция счетов	
	Дт	Кт
Осуществлено вложение средств страховых резервов в объект недвижимости	53/6	60
Перечислены денежные средства за приобретенный объект недвижимости	60	51
Отражена покупная стоимость внеоборотного актива без НДС	08	53/6
Объект принят к учету в качестве основного средства	01	08
Отражено увеличение стоимости объекта недвижимости в результате переоценки	01	91/1-ср
Отражено уменьшение стоимости объекта недвижимости в результате переоценки	91/2-ср	01
Отражен финансовый результат инвестирования страховых резервов в конце отчетного периода	91/1-ср 91/9-ср	91/9-ср 91/2-ср

Список использованной литературы

1. Красова О. С. Бухгалтерский учет в страховании: практическое пособие. М.: Омега-Л, 2007. 263 с.
2. Дядьков В. Н. Анализ финансовой деятельности предприятия в разрезе страховой организации // Страховое дело. 2008. Октябрь. С. 40–57.
3. Долгачева И. А. Инвестиции страховых компаний: современное состояние и проблемы // Экономика образования. 2008. № 1. С. 132–139.
4. Пласкова Н. С. Анализ деятельности страховой организации // Финансы. 2007. № 12. С. 41–45.
5. Прокопьева Е. Л. Реализация принципов инвестирования в страховой деятельности // Финансы и кредит. 2010. № 18(402). С. 34–37.
6. Ежова А. Ю. Страховые резервы: Практика расчета, размещение и учет: метод. пособие: в 2 т. Т. 1. М.: Регламент, 2008. 303 с.
7. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг и др. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 495 с.
8. Соколов Я. В. Основы теории бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 2003. 496 с.
9. Райзберг Б. А. Указ. соч. С. 7.

Дополнительные сведения об авторах

Карева Дарья Олеговна – аспирантка

Георги Дарья Григорьевна – аспирант

Лушников Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор

Леднева Наталья Кузьминична – кандидат исторических наук

Боровиков Сергей Владимирович – аспирант

Панина Наталья Валерьевна – аспирантка

Громова Марина Валентиновна – аспирантка

Иванчин Артем Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Соловьев Олег Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор

Томашова Анастасия Валерьевна – аспирантка

Дубков Александр Евгеньевич – аспирант

Строганова Оксана Леонидовна – аспирантка

Субботина Лариса Юрьевна – доктор психологических наук, профессор

Филиппова Юлия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент

Киселев Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент

Кашапов Мергалис Мергалимович – доктор психологических наук, профессор

Цымзина Светлана Владимировна – соискатель

Нозикова Наталья Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент

Солдатенко Надежда Гавриловна – магистр психологии

Огородова Татьяна Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент

Токарева Валентина Борисовна – аспирантка

Белкова Елена Алексеевна – кандидат психологических наук

Николаева Любовь Александровна – кандидат психологических наук

Карпов Александр Анатольевич – аспирант

Смирнова Тамара Юрьевна – аспирантка

Сюртукова Екатерина Юрьевна – аспирантка

Сахарова Юлия Валерьевна – кандидат философских наук

Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент

Руденко Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент

Щерба Марина Андреевна – аспирантка

Нелюбин Лев Львович – доктор филологических наук, профессор

Плюснина Анастасия Вячеславовна – аспирантка

Сарсенова Инна Жардемгалиевна – аспирантка

Ваганова Ксения Ринатовна – аспирантка

Егорова Альбина Валерьевна – старший преподаватель

Блохина Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент

Королёва Галина Александровна – кандидат экономических наук, доцент

Тарасова Ольга Алексеевна – аспирантка

Бондаренко Анна Владимировна – аспирантка

Бобков Олег Сергеевич – аспирант

Contributors

- Kareva Darya Olegovna* – Postgraduate student
Georgi Daria Grigorievna – Postgraduate student
Lushnikov Andrey Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor
Sokolov Arseny Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences
Iyerusalimsky Yuriy Yuryevich – Doctor of Historical Sciences, Professor
Ledneva Natalia Kuzminichna – Candidate of Historical Sciences
Borovikov Sergey Vladimirovich – Postgraduate student
Panina Natalya Valerievna – Postgraduate Student
Gromova Marina Valentinovna – Postgraduate student
Ivanchin Artem Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Solovyev Oleg Gennadievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Tarusina Nadezhda Nikolayevna – Candidate of Juridical Sciences, Professor
Tomashova Anastasia Valerievna – Postgraduate student
Dubkov Alexander Evgenievich – Postgraduate student
Stroganova Oksana Leonidovna – Postgraduate student
Subbotina Larisa Yurievna – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Filippova Julia Vladimirovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Kiselev Igor Yurievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor
Smirnova Anna Guennadievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Kashapov Mergalyas Mergalimovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Tsymzina Svetlana Vladimirovna – Researcher for Candidate's degree
Nozikova Natalia Valentinovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Soldatenko Nadezhda Gavrilovna – Master of Psychological Sciences
Ogorodova Tatyana Vyacheslavovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Tokareva Valentina Borisovna – Postgraduate student
Belkova Elena Alekseyevna – Candidate of Psychological Sciences
Nikolaeva Lyubov Aleksandrovna – Candidate of Psychological Sciences
Karpov Alexander Anatolyevich – Postgraduate student
Smirnova Tamara Yurievna – Postgraduate student
Syurtukova Ekaterina Yurievna – Postgraduate student
Sakharova Julia Valerievna – Candidate of Philosophical Sciences
Afonin Mikhail Victorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Rudenko Larisa Dmitrievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Scherba Marina Andreyevna – Postgraduate student
Nelyubin Lev Lvovich – Doctor of Philological Sciences, Professor
Plyusnina Anastasia Vyacheslavovna – Postgraduate student
Sarsenova Inna Zhardemgalievna – Postgraduate student
Vaganova Ksenia Rinatovna – Postgraduate student
Egorova Albina Valeryevna – Senior Lecturer
Blokhina Natalya Alexandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Koroleva Galina Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Tarasova Olga Alekseyevna – Postgraduate student
Bondarenko Anna Vladimirovna – Postgraduate student
Bobkov Oleg Sergeevich – Postgraduate student
-